СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ЮЛ. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 10. ДЕКАБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1871 года.

О ПОДПИСКѢ

НА ЖУРНАЛЪ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

1872 года.

«Семья и Школа» въ 1872 году будетъ выходить въ томъ же объемѣ, по той же программѣ и съ такими же приложеніями, какъ и въ 1871 году.

Годовое изданіе изъ *двадцати* книгъ въ 10 *нумерахъ* составитъ *четыре* тома: изъ нихъ два тома *Семейнаго чтенія* и два тома *Родителямъ и воспитателямъ*.

Цѣна остается прежняя:

Безъ доставки	8 руб.		
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	8 „	50 коп.	
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	8 „	80 „	
Съ пересылкою въ западно-европейскія государства.	12 „	50 „	

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ Редакціи журнала **„Семья и Школа“** (Владимірская № 7), въ книжныхъ магазинахъ **Колесова** и **Михина, Я. Исакова, Русской книжной торговли** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева), и **М. М. Черенина** (на Рождественкѣ д. Торлецкаго).

Для иногородныхъ же подписка принимается исключительно въ Редакціи „Семья и Школа“ въ С.-Петербургѣ.

Для удобства подписчикамъ допускается подписка: **Иногороднымъ** на полугодія, по 5 книгъ въ каждое — цѣна за каждое полугодіе съ пересылкою **5** руб.; **Городскимъ** подписчикамъ взносъ денегъ по частямъ (въ Редакціи или въ книжномъ магазинѣ **Колесова и Михина**): при полученіи 1-го нумера и билета вносится *два* рубля, затѣмъ при полученіи каждаго послѣдующаго нумера по *одному* рублю, а послѣдній, 10-й нумеръ, будетъ выдаваться безплатно, при возвратѣ подписнаго билета. Безъ билетовъ №№ не будутъ выдаваемы.

1-й Нумеръ на 1872 годъ, выйдетъ 23-го декабря 1871 года.

Редакторъ-издатель **Юл. Симашко.**

С.-Петербургъ. Владимірская № 7.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нѣкоторые изъ Гг. подписчиковъ, при высылкѣ подписныхъ денегъ за „Семью и Школу“ на 1872 годъ, въ слѣдствіе недоразумѣнія, высылаютъ по 12 руб., поэтому Редакція считаетъ обязанностію объявить, что *подписная цѣна* на годовое изданіе *остается прежняя* т. е. 8 руб. 80 коп. съ доставкою во всѣ города Имперіи; увеличена же цѣна только *для отдѣльной продажи за истекающій 1871 годъ,* тѣмъ, кто не подписывался на годовое изданіе, ранѣе выхода X-го, послѣдняго нумера. Лица же подписывающіяся на 1871 и 1872 года вмѣстѣ благоволятъ высылать по 8 руб. 80 коп. за годъ, то-есть, *семьнадцать рублей шестьдесятъ копѣекъ за два года.*

ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ

(Романъ для дѣтей).

ГЛАВА III.

Модный магазинъ.

Разлука съ домомъ Вязиныхъ не огорчала Нелли. Она прожила въ немъ почти 4 года, но чувствовала что онъ ей все таки чужой, что никто тамъ ее не любитъ, не пожалѣетъ о ней, и что она также никого не любитъ. Дружба, какую она чувствовала первое время къ Лидочкѣ, совсѣмъ изчезла вслѣдствіе дурнаго характера этой дѣвочки, и теперь Нелли даже рада была поскорѣй избавиться отъ нея. Лидочка, узнавъ, что Нелли отдаютъ въ модный магазинъ нѣсколько опечалилась: она такъ привыкла имѣть постоянно подлѣ себя безотвѣтное существо, которымъ можно было распоряжаться, которое можно было мучить, какъ угодно, что жизнь безъ Нелли представлялась ей очень скучною. Кромѣ того, она понимала, что своимъ дурнымъ обращеніемъ заставила Нелли желать скорѣе вырваться изъ ихъ дома, и совѣсть мучила ее. Она попробовала было уговаривать Нелли остаться, обѣщала быть доброю, ласковою, предлагала ей учиться всему вмѣстѣ съ собой, отдавала ей половину своихъ книгъ и игрушекъ, дарила новое платье—все напрасно: Нелли рѣшила, что будетъ трудиться, что не хочетъ больше жить изъ милости, и отвѣчала отказомъ на всѣ предложенія подруги, увѣряя ее въ то же время, что прощаетъ ей всѣ обиды и готова любить ее по прежнему. Лидія Павловна сшила Нелли нѣсколько простыхъ ситцевыхъ платьевъ, которыя болѣе годились для уче-

ницы магазина, чѣмъ тѣ нарядныя платьица, которыя дѣвочка носила въ ея домѣ, дала ей 10 р. сер. на будущіе расходы и сама свела ее въ магазинъ М-me Адель. М-me Адель встрѣтила очень любезно богатую посѣтительницу и обѣщала самымъ старательнымъ образомъ заняться приведенною къ ней дѣвочкою.

«Она немножко избаловалась у меня въ домѣ», замѣтила Вязина, «моя дочь обращалась съ ней какъ съ подругой, но она дѣвочка не глупая, я надѣюсь, что она постарается привыкнуть работать».

«Я, съ своей стороны», отвѣчала со сладенькой улыбкой француженка, «обѣщаю вамъ употребить всѣ старанія, чтобы сдѣлать изъ нея хорошую работницу».

Лидія Павловна распрощалась съ Нелли, ласково потрепавъ ее по щекѣ, приказала ей не лѣниться, не капризничать и во всемъ слушать мадамъ и затѣмъ, раскланявшись съ француженкой, вышла вонъ.

Нелли осталась одна среди магазина. Она сробѣла, слезы навернулись на ея глазахъ, она стояла посреди комнаты и не знала куда дѣться, что дѣлать. Мадамъ Адель, проводивъ Лидію Павловну, занялась уборкою чего то въ шкапу и только черезъ нѣсколько минутъ вспомнила о дѣвочкѣ. Она посмотрѣла на нее съ одобряющею улыбкой и сказала: «Ну, чтожъ ты тутъ стоишь, милочка, среди комнаты, бери свои вещи, я тебя сведу въ мастерскую».

Нелли взяла въ руки узелъ съ вещами и пошла за мадамой въ мастерскую, отдѣлявшуюся отъ магазина узенькимъ, темнымъ корридоромъ. Мастерская эта была небольшая 4 угольная комната съ окнами, выходившими на грязный, тѣсный дворъ, съ грязными, оборванными обоями и закоптѣлымъ потолкомъ.

Посрединѣ ея стоялъ большой, деревянный столъ, весь покрытый разными лоскутками и обрѣзками, за которымъ, на простыхъ, деревянныхъ табуретахъ, сидѣло 10 дѣвочекъ и дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ. У одного изъ оконъ, подлѣ большой гладильной доски, стояла дѣвочка лѣтъ 13, усердно водившая утюгомъ по какой то оборочкѣ, а у другаго окна, за отдѣльнымъ столомъ, сидѣла довольно пожилая женщина, раскраивавшая какую то матерію и въ то же время громко кричавшая на которую то изъ дѣвочекъ.

Мадамъ Адель подвела Нелли къ этой женщинѣ: «Авдотья Степановна, вотъ та дѣвочка, про которую я вамъ говорила», сказала она, «m-me Вязина просила хорошенько заняться ею, посмотрите, можно ли давать ей какую нибудь работу.

Авдотья Степановна окинула Нелли сердитымъ взглядомъ и проворчала вслѣдъ уходившей магазинщицѣ:

«Давать работу! очень пріятно давать работу всякой дряни, которая не умѣетъ держать иголку въ рукахъ, да потомъ возиться съ нею. Ты умѣешь шить»? прибавила она громко, обращаясь къ Нелли.

Нелли вспомнила, что шивала не разъ платья Лидочкинымъ кукламъ и отвѣчала робко: «Немножко, умѣю».

«Ну, да, вы всѣ умѣете, а дай работу, такъ наплачешься, пошла, положи свой узелъ въ темную комнату тутъ рядомъ, да садись тамъ за столъ, нечего торчать передъ глазами».

Нелли стащила свои пожитки въ темный чуланъ, указанный ей, и печально сѣла на табуретъ, около стола. Работы ей пока никакой не дали и она имѣла время разсмотрѣть своихъ будущихъ подругъ.

За столомъ работало 4 взрослыхъ дѣвушки и 6 дѣвочекъ, къ которымъ вскорѣ присоединилась и гладильщица, окончившая свою работу утюгомъ. Почти всѣ эти дѣвочки казались старше Нелли, одна только среди нихъ была маленькая, на видъ лѣтъ 8 или 9. Всѣ онѣ были одѣты въ грязныя, ситцевыя платья, и всѣ какъ-то не понравились Нелли, такъ что она даже боялась заговаривать съ ними. Впрочемъ онѣ, видимо, сами очень хотѣли поскорѣе познакомиться съ нею. Сосѣдка ея, маленькая, толстенькая брюнетка, нѣсколько разъ искоса посматривала на нее и потомъ спросила:

Какъ тебя зовутъ?

«Елена».

«У насъ здѣсь была одна Елена, слава Богу, что вышла, такая вѣдьма, что ужасъ, а ты не такая»?

Нелли невольно улыбнулась такому странному вопросу. «Нѣтъ, я не вѣдьма, отвѣчала она», и спросила въ свою очередь, кто такая Авдотья Степановна и очень ли она злая?

«Это наша главная мастерица», отвѣчала дѣвочка, «мадамъ все въ магазинѣ, рѣдко что работаетъ, а она все кроитъ и насъ

учитъ шить, и сама шьетъ. Она не очень злая, только сердитая, все кричитъ, иногда даже бьетъ, я ее страхъ какъ не люблю! А ты какъ сюда отдана за деньги или въ годы»?

Нелли не поняла этого вопроса и спросила объясненія у своей новой подруги. Та разсказала ей, что за нѣкоторыхъ дѣвочекъ платятъ, и онѣ обыкновенно учатся въ магазинѣ года 2 или 3, а другихъ принимаютъ даромъ лѣтъ на 6 или 7 съ тѣмъ, чтобы онѣ за свое ученье работали на хозяйку. Нелли не знала, какъ устроила ея судьбу Вязина, взялась ли она платить за нее, или нѣтъ. Эта мысль такъ заняла дѣвочку, что она на нѣсколько минутъ забыла все окружающее. Ее вывелъ изъ задумчивости грубый голосъ Авдотьи Степановны, раздавшійся надъ самымъ ухомъ ея.

«Ты чего сидишь, ротъ разиня», закричала на нее эта грубая женщина, «привыкла, можетъ, въ барскомъ домѣ сидѣть, сложа руки, такъ думаешь и здѣсь это можно. На, возьми, вонъ это платье, распори его, да смотри у меня осторожно, не прорѣжь, а то вѣдь я спуску не дамъ».

Она сунула въ руки Нелли какое то поношенное, шелковое платье, вѣроятно отданное въ магазинъ для передѣлки, и опять пошла на мѣсто. Но, не доходя до него, она по дорогѣ остановилась подлѣ одной изъ дѣвочекъ.

«Ты что это дѣлаешь, негодница», закричала она, «такъ я тебѣ велѣла шить, такой рубецъ закладывать»?

«Ахъ! дрянная дѣвчонка, это ты мнѣ работу всю перепортишь! Сейчасъ же изволь распороть и передѣлать»!

Другой дѣвочкѣ досталась брань за то, что она мало работала, третью Авдотья Степановна выдрала за ухо за то, что она засмѣялась надъ выговорами, полученными подругами. Однимъ словомъ сосѣдка Нелли была совершенно права, когда говорила, что главная мастерица очень сердитая женщина.

Нелли было тяжело на душѣ. Ея желаніе исполнилось, она работала, но она никогда не воображала, что вмѣстѣ съ этимъ ей опять придется переносить незаслуженные выговоры, брань и такую грубую брань, можетъ быть, даже побои!

Черезъ нѣсколько времени дѣвочекъ позвали обѣдать. Онѣ обѣдали въ кухнѣ, за грязнымъ, ничѣмъ не покрытымъ кухоннымъ столомъ, и на обѣдъ имъ подали щи изъ кислой капусты

и вареный картофель съ небольшимъ кускомъ очень нехорошаго масла. Нелли, привыкшей у Вязиныхъ къ очень вкуснымъ кушаньямъ, обѣдъ этотъ конечно не понравился, но она все таки поѣла, такъ какъ во-первыхъ, была голодна, а во вторыхъ, совѣстилась показаться слишкомъ причудливой. За обѣдомъ не было Авдотьи Степановны, она ѣла за однимъ столомъ съ хозяйкой, и потому дѣвочки могли свободно разговаривать и смѣяться. Нелли едва успѣвала отвѣчать на всѣ вопросы, какіе ей дѣлались, а сама узнала имена своихъ новыхъ подругъ какъ дѣвочекъ, такъ и дѣвушекъ, узнала давно ли каждая изъ нихъ живетъ въ магазинѣ и долго ли пробудетъ, узнала, что въ первый годъ никакой порядочной работы ученицамъ не даютъ, а держатъ ихъ на побѣгушкахъ, да заставляютъ исполнять разныя домашнія работы и пріучаютъ къ шитью понемногу на разныхъ ненужныхъ тряпочкахъ.

«А я то думала», съ горестью вскричала Нелли, «года черезъ $1^1/_2$ или 2 быть настоящей портнихой».

Дѣвочки засмѣялись.

«Нѣтъ, скоро захотѣла», замѣтила одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ, «вонъ я училась здѣсь 7 лѣтъ, теперь живу въ мастерицахъ второй годъ, да и то сшить то сошью, а скроить не очень-то умѣю».

«Ну, да ты, Матреша, не указъ», отвѣчала другая дѣвушка, «вѣдь это какъ кому дастся, я вотъ всего 4-ый годъ иголку держу въ рукахъ, а смотри-ка на праздникахъ какое славное платье сшила одной купчихѣ, она мнѣ за работу 4 руб. дала, да еще какъ благодарила».

Нелли рѣшила въ сердцѣ, что выучится непремѣнно также скоро, какъ эта дѣвушка, или даже еще скорѣе.

Послѣ обѣда, всѣ дѣвочки опять вернулись въ мастерскую, а Нелли и еще одной дѣвочкѣ, также недавно поступившей въ магазинъ, приказано было вымыть и прибрать посуду, на которой подавался обѣдъ. Нелли не совсѣмъ искустно принялась за непривычное для нея дѣло, впрочемъ, какъ дѣвочка вообще смышленая и ловкая, она исполняла его не очень дурно для перваго раза. Ей пришлось одной справлять всю работу, такъ какъ подруга ея оказалась совсѣмъ неумѣлою. Это была дѣвочка однихъ лѣтъ съ Нелли, но такая худенькая и блѣдная,

что казалась гораздо моложе ея. Она попробовала было взяться за одну тарелку, но не удержала ее въ рукахъ, тарелка упала на полъ и только какимъ то чудомъ не разбилась. Дѣвочка страшно перепугалась. «Господи, какая я несчастная», вскричала она, «ничего то я не умѣю дѣлать»! и она въ отчаяніи опустилась на табуретъ.

Нелли стало жаль бѣдную дѣвочку.

«Ничего, не печалься», сказала она ей, «я одна все перемою. Что ты такая блѣдная, ты вѣрно больна»?

«Да, больна, а то можетъ и нѣтъ, у меня ничего не болитъ, только плохо я работаю, да все устаю, а меня за это бьютъ и ругаютъ, я такъ боюсь и мадамы, и Авдотьи Степановны». И бѣдняжка закрыла лице своими худенькими пальчиками, точно и теперь кто нибудь приготовлялся ударить ее.

У Нелли навернулись на глазахъ слезы.

«Теперь мы будемъ вдвоемъ работать», сказала она, «я буду тебѣ во всемъ помогать, хочешь»?

Дѣвочка открыла лице и пристально посмотрѣла на Нелли.

«Ты добрая», проговорила она, «а другія дѣвочки не такія, онѣ смѣются надо мной и нарочно на меня жалуются».

— «А ты давно здѣсь учишься»?

«Третій мѣсяцъ, только я еще ничему не научилась. А съ меня строго спрашиваютъ, потому меня мать въ годы отдала на 7 лѣтъ, а кто, за деньги, тому хорошо, хочешь учись, хочешь нѣтъ».

Въ эту минуту въ кухню вошла хозяйка отдать какое то приказаніе кухаркѣ.

Нелли подошла къ ней.

«Будьте такъ добры, мадамъ», сказала она ей самымъ почтительнымъ голосомъ, «скажите мнѣ, пожалуйста, какъ меня къ вамъ отдали, будутъ за меня платить деньги, или нѣтъ»?

«Развѣ ты не знаешь, душенька? Нѣтъ, М-me Вязина отдала тебя ко мнѣ на шесть лѣтъ, и никто за тебя не платитъ. Поэтому ты должна работать очень прилежно, чтобы мнѣ не даромъ содержать и учить тебя».

Шесть лѣтъ! о какъ долго! сердце Нелли сжалось! Но тутъ ей блеснула другая, болѣе утѣшительная мысль. За нее никто не платитъ, мадамъ сама сказала, что она своей работой должна

вознаграждать ее за содержаніе и ученіе, значитъ, она теперь уже живетъ своими собственными трудами, никто не можетъ попрекнуть ее кускомъ хлѣба.

Эта мысль заставила дѣвочку съ новымъ стараніемъ приняться за свою не совсѣмъ пріятную работу, а потомъ опять за распарыванье платья, даннаго ей Авдотьей Степановной. Варю, такъ звали дѣвочку, не умѣвшую мыть посуду, услали куда-то съ какимъ-то порученіемъ и Нелли не видала ее до самыхъ сумерокъ.

Окончивъ пороть платье, Нелли аккуратно сложила всѣ лоскутки и не безъ страха поднесла ихъ къ Авдотьѣ Степановнѣ. Та внимательно осмотрѣла каждый кусочекъ и видимо осталась довольна.

«Ну, ты не совсѣмъ дура», проворчала она и дала Нелли сшивать какія-то полоски коленкору, которыя должны были служить подшивкой подъ платье. Эта работа вышла не такъ удачно. Нелли пришлось дважды перепороть ее, да за медлительность выслушать нѣсколько бранныхъ прозвищъ отъ мастерицы. Но дѣвочка не унывала. Она понимала, что научиться сразу дѣлать что-нибудь хорошо нельзя, что придется много разъ и передѣлывать, и выслушивать выговоры за дурную работу, а къ брани Авдотьи Степановны она такъ прислушалась въ цѣлый день, что ужъ не очень огорчалась ею. Въ 8 часовъ, дѣвочекъ опять позвали въ кухню ужинать, т. е. ѣсть опять тотъ же вареный картофель и съ такимъ же дурнымъ масломъ, какъ за обѣдомъ, а послѣ ужина Нелли и Варя опять должны были мыть посуду. Но тутъ Варя ужъ и не принималась за дѣло.

«Господи, какъ я устала», сказала она, склоняя головку на столъ. «Меня три раза посылали въ Гостинный дворъ прикупать шелку, все я не могла подобрать подъ обращикъ, теперь всѣ пошли спать, а я должна тутъ мыть да убирать».

«Я одна вымою, не безпокойся», сказала Нелли, «иди спать, голубушка, отдыхай». Варя подошла къ Нелли, ничего не говоря, крѣпко обняла ее, поцѣловала и затѣмъ медленными, усталыми шагами пошла спать.

Спальней для взрослыхъ дѣвушекъ-мастерицъ, служила та же комната, въ которой онѣ работали днемъ, а для дѣвочекъ-ученицъ небольшая темная комнатка, прилегавшая къ ней. Всѣ

онѣ спали на полу, на тоненькихъ матрацахъ и крѣпкихъ подушкахъ безъ простынь и наволочекъ, иныя даже безъ одѣялъ, прикрываясь своими платьями. Нелли хозяйка дала такую же постель. Жестка и неудобна показалась она дѣвочкѣ послѣ той мяконькой, чистенькой постельки, на которой она спала послѣдніе 4 года.

«За то это моя собственная постель», думала дѣвочка, укладываясь на ней, «за то теперь никто не попрекнетъ меня, что я залѣзла не въ свое мѣсто. Если бы я не уѣзжала изъ деревни, мнѣ и здѣшняя ѣда, и здѣшнее помѣщеніе показались бы очень хорошими. Я избаловалась, живя у богатыхъ людей. А вѣдь на самомъ дѣлѣ я бѣдная, ну и должна жить, какъ всѣ бѣдныя! Ничего, привыкну! А выучусь работать, стану зарабатывать деньги, такъ заживу получше, а все своими трудами, не на чужой счетъ».

И съ этими утѣшительными мыслями дѣвочка крѣпко заснула.

Для Нелли началась новая жизнь, жизнь вовсе не сходная съ тою, какую она вела въ домѣ Вязиныхъ. Въ 7 часовъ утра, всѣ дѣвочки должны были вставать, на скоро умываться и одѣваться, а потомъ пить кофе съ молокомъ и черствыми булками. Въ 8 часовъ приходила Авдотья Степановна, которая ночевала не въ магазинѣ, а на своей собственной квартирѣ, и начиналась работа. До 2 часовъ дѣвочки должны были сидѣть на своихъ табуретахъ, вокругъ стола, и шить. Въ 2 часа онѣ обѣдали, въ три опять принимались за работу и сидѣли за ней до 8 часовъ вечера. Въ 8 часовъ ужинали и затѣмъ ложились спать. Съ непривычки у Нелли болѣла спина и голова отъ такого долгаго сидѣнья на мѣстѣ, впрочемъ ей оно рѣдко выпадало на долю. По обыкновенію, принятому въ магазинахъ, ее, какъ и всѣхъ вновь поступающихъ дѣвочекъ, употребляли на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій и на разныя домашнія работы. Она должна была вмѣстѣ съ Варей убирать всякій вечеръ и всякое утро мастерскую, мыть посуду, изъ которой ѣли мастерицы и дѣвочки, приносить изъ кухни утюги для глаженья платьевъ, бѣгать въ лавку за шелкомъ, за иголками, за нитками и другими мелочами, провожать M-me Адель, когда она относила куда нибудь заказную работу, и нести за ней картонки и узлы съ этой работой. Всѣ эти занятія не очень нравились Нелли. Она

привыкла цѣлые дни ничего не дѣлать, и теперь трудъ казался ей очень тяжелымъ. А трудиться нужно было усердно, безъ малѣйшей небрежности или разсѣянности. Авдотья Степановна шутить не любила. За всякую неаккуратность, вялость или нерачительность она взыскивала строго. Не разъ дурно сдѣланная работа летѣла въ лице той или другой дѣвочкѣ. Мысль, что ее станутъ бить, была не выносима для Нелли. Она видѣла, что Авдотья Степановна хоть и вспыльчива и груба, но справедлива и никогда не нападаетъ на дѣвочекъ безъ причины; потому она рѣшила побѣдить свое отвращеніе къ нѣкоторымъ работамъ и исполнять съ полнымъ стараніемъ все, что ей прикажутъ. Съ другой стороны и мысль о томъ, что, поступая такимъ образомъ, она честнымъ трудомъ зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба, поддерживала ее. Ея прилежаніе и стараніе скоро всѣ замѣтили: старшія дѣвушки хвалили ее, подруги удивлялись изъ за чего она старается и даже иногда подсмѣивались надъ ней. Авдотья Степановна стала довольно милостиво относиться къ ней: она часто сажала ее подлѣ себя и показывала ей то тотъ, то другой швъ, не давала ей распарывать старыхъ вещей, а припасала для нея какое-нибудь легкое шитье, иногда даже вмѣсто нея посылала въ лавку какую нибудь другую дѣвочку, приговаривая при этомъ: «Лучше ты сбѣгай, съ тебя все равно никакого проку не будетъ, а Лена пусть у меня за работой сидитъ»!

Вообще, хотя работа утомляла Нелли, хотя послѣ скудныхъ обѣдовъ и ужиновъ въ кухнѣ М-me Адели, она часто оставалась голодной, но она не чувствовала себя несчастной. У нея отъ природы былъ живой, веселый характеръ, но въ домѣ Вязиной ей рѣдко позволяли проявлять его, здѣсь же было гораздо свободнѣе. Отъ дѣтей требовали одного только, чтобы они хорошо исполняли заданную имъ работу, а въ прочемъ мало стѣсняли ихъ. За работой онѣ безпрестанно болтали и пересмѣивались между собой, замолкая только на минуту при какомъ нибудь окрикѣ Авдотьи Степановны, и затѣмъ опять принимались за свое, какъ только строгая мастерица погружалась въ работу или заговаривала съ кѣмъ нибудь изъ взрослыхъ дѣвушекъ. Часъ, даваемый для обѣда, дѣвочки также проводили по большей части въ вознѣ, смѣхѣ и шалостяхъ. Но особенное веселье начиналось у нихъ вечеромъ, послѣ того какъ М-me Адель, посмотрѣвъ

убрана ли мастерская и всѣ ли спокойно лежатъ раздѣтыя на своихъ постеляхъ, собственноручно уносила свѣчу изъ ихъ комнаты. Дѣвочки запирали дверь въ комнату, гдѣ спали мастерицы, которыя часто мѣшали имъ своимъ ворчаньемъ и начинали шалить. Темнота не только не уменьшала ихъ удовольствія, а напротивъ увеличивала его. Онѣ бѣгали по комнатѣ, таскали другъ у друга подушки и одѣяла, сгоняли другъ друга съ постелей, играли въ прятки, въ жмурки съ незавязанными глазами, шумѣли, хохотали до упада. Въ другой разъ онѣ всѣ собирались въ кружокъ и разсказывали другъ другу какія-нибудь сказки. Сказки непремѣнно были страшныя, такъ что морозъ пробѣгалъ по кожѣ и у слушательницъ, и у разскащицы, но это то особенно и нравилось дѣтямъ. Какъ въ играхъ такъ и въ разсказываньи сказокъ, Нелли стала скоро первою. Она вспоминала тѣ разсказы, какими забавляла ее въ дѣтствѣ бабушка, и теперь передавала ихъ подругамъ со своими собственными добавленіями и прикрасами, кромѣ того она прочла не мало русскихъ и французскихъ повѣстей, живя въ домѣ Вязиныхъ, и разсказывала ихъ такъ хорошо, что дѣвочки заслушивались ее. Когда дѣло доходило до игръ, то Нелли являлась прежней смѣлой, живой крестьяночкой и увлекала всѣхъ своимъ искреннимъ весельемъ. Всѣ подруги скоро полюбили ее. Первое время, нѣкоторыя изъ нихъ подсмѣивались надъ ней, называли ее «бѣлоручкой», «барышней», «нѣженкой», но, видя, что Нелли и работаетъ, и ѣстъ, и играетъ вмѣстѣ съ ними, нисколько не важничаетъ, а напротивъ даже стыдится своего неумѣнья взяться за дѣло и смиренно проситъ поучить ее, онѣ прекратили всякія насмѣшки и стали совсѣмъ подружески относиться къ ней. Особенно привязалась къ Нелли одна изъ дѣвочекъ—Варя. Это былъ слабенькій, болѣзненный ребенокъ, которому особенно дурно жилось въ магазинѣ. Она была безсильна, неловка, боязлива, долгое сидѣнье на одномъ мѣстѣ утомляло ее, но еще болѣе утомляло исполненіе разныхъ порученій, она страшно боялась не только хозяйки и Авдотьи Степановны, но даже всѣхъ старшихъ дѣвушекъ; при всякомъ окрикѣ, даже просто при всякомъ выговорѣ она блѣднѣла, дрожала и со страху не понимала ничего, что ей говорили. Ея неловкость, неповоротливость, неумѣлость сердили M-me Адель, которая вообще была довольно лас-

кова со всѣми дѣвочками, ее же не только бранила, но даже нѣсколько разъ наказывала. Вспыльчивая Авдотья Степановна терпѣть не могла Вари. Никого она такъ часто не драла за уши, не толкала и не била, никому она не говорила столько ругательныхъ словъ, сколько этой несчастной малюткѣ. Подруги также не любили Варю: онѣ считали ее какою то дурочкой. И дѣйствительно бѣдная, запуганная дѣвочка отъ всего плакавшая, всего боявшаяся, неумѣвшая ни работать, ни игратъ, ни разсказывать сказокъ, могла показаться глупенькой. Варя отъ природы не была глупа, хотя и не отличалась бойкимъ умомъ. Но у нея былъ отецъ страшный пьяница, который всякій день билъ и жену, и дочь чуть не до полусмерти. Эти побои разстроили здоровье малютки, вѣчный страхъ передъ отцомъ сдѣлалъ ее вообще робкою и плаксивою. Мать ея чуть не на колѣняхъ упросила M-me Адель взять къ себѣ дѣвочку, а Варѣ объявила, что оставитъ ее жить вдвоемъ съ отцомъ, если ее выгонятъ изъ магазина. Понятно, что, послѣ такой страшной угрозы, Варя употребляла всѣ усилія, чтобы угодить хозяйкѣ и бѣдная малютка была не виновата, если ей это не удавалось. Она не могла скоро бѣжать изъ кухни съ горячимъ утюгомъ, который едва удерживала своими маленькими ручками, она не могла шить чисто, когда, отъ излишняго усердія, руки ея потѣли и часто слезы капали на работу; она не могла толково исполнять порученій хозяйки, когда дрожала передъ ней, какъ осиновый листъ, и со страху едва понимала, что та ей говорила. Люди болѣе умные и образованные, чѣмъ M-me Адель и Авдотья Степановна, конечно, поняли бы это и, вмѣсто того чтобы запугиваньемъ совсѣмъ сбивать съ толку малютку, приласкали бы ее и попробовали бы кротко и терпѣливо заняться ею. Но ни содержательницѣ магазина, ни ея помощницѣ этого и въ голову не приходило. Онѣ знали одно только, что дѣвочекъ нужно заставлять работать и думали, что безъ брани и безъ наказаній ничему нельзя научить.

Нелли съ перваго же дня стало очень жаль Вари. Хотя она сама работала еще довольно плохо, но она была сильна и здорова, и потому рѣшила помогать Варѣ, а, гдѣ можно, то и работать за нее.

Мы уже видѣли, какъ, въ первый день своего поступленія въ

магазинъ, она одна и вымыла посуду, и прибрала всю посуду, и съ этихъ поръ всѣ работы, которыя онѣ должны были дѣлать вмѣстѣ, Нелли исполняла безъ помощи своей подруги. Кромѣ того всякій разъ, когда она замѣчала, что Варя устала, а что ее собираются послать еще куда-нибудь, она съ такою готовностью предлагала свои услуги, что порученіе давали ей, а бѣдная, болѣзненная дѣвочка могла отдохнуть немножко. Во время занятій шитьемъ Нелли всегда садилась подлѣ Вари и, по возможности, помогала ей работать или показывала ей, какъ нужно дѣлать. Иногда, видя, что Авдотья Степановна особенно разсержена, Нелли или совѣтовала Варѣ не подходить къ ней, или брала на себя какой нибудь маленькій проступокъ бѣдной дѣвочки и тѣмъ спасала ее отъ брани.

За всѣ эти услуги Варя платила своей покровительницѣ самою нѣжною любовью. Она не умѣла выражать эту любовь словами, но за то постоянно старалась чѣмъ нибудь угодить Нелли, сдѣлать ей какую нибудь услугу. До сихъ поръ Нелли не испытывала пріятнаго чувства, какое доставляетъ намъ доброе дѣло. Она въ первый разъ помогла бѣдной дѣвочкѣ просто изъ жалости. Но, когда она почувствовала, какое удовольствіе доставляетъ это ей самой, какъ пріятно думать, что благодаря ей, Варя сдѣлается менѣе несчастной, она твердо рѣшила всегда и во всемъ защищать бѣдную малютку. Благодарность и любовь Вари трогали ее и еще сильнѣе укрѣпляли въ этомъ намѣреніи. Труднѣе всего было Нелли защищать свою маленькую пріятельницу отъ другихъ дѣвочекъ, привыкшихъ забавляться надъ Варей, дразнить и обижать ее. Напрасно Нелли просила оставить ее въ покоѣ, напрасно она сердилась, ничего не помогало.

Наконецъ Нелли придумала одну штуку, которая оказалась удачною.

Разъ, вечеромъ, когда дѣвочки легли спать и, по обыкновенію, стали просить ее разсказать имъ что-нибудь, она сочинила нарочно для нихъ длинную исторію объ одной несчастной маленькой дѣвочкѣ, которую всѣ ненавидѣли и преслѣдовали. Послѣ 12 лѣтъ такой жизни дѣвочка не могла дольше выносить своихъ мученій, она заболѣла и умерла. Нелли такъ трогательно разсказывала послѣдніе часы жизни бѣдной дѣвочки, ея прощанье со всѣми, кто обижалъ ее, ея радость, что она избавляется отъ

всѣхъ страданій, что сама расплакалась, а за ней и всѣ другія ученицы; Варя еще съ половины разсказа уткнула голову въ подушку, чтобы не слышали ея плача, и теперь громко рыдала. Разсказъ произвелъ впечатлѣніе. Нѣсколько минутъ дѣвочки просидѣли въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ одна изъ нихъ сказала:

«А вотъ вѣдь и Варька такая же несчастная, пожалуй, будетъ умирать такъ, такъ же будетъ радоваться!»

«Еще бы,» вскричала Нелли, «конечно будетъ! Да что ей за радость жить? Дома пьяный отецъ, здѣсь ее все бранятъ да бьютъ, даже вы всѣ ее не любите да обижаете, вонъ какъ она плачетъ, бѣдная!»

«Ну, полно, Варька, не плачь,» сказала одна изъ дѣвочекъ ласковымъ голосомъ, «это вѣдь не про тебя былъ разсказъ. Ту дѣвочку, объ которой говорила Лена, никто не любилъ, всѣ обижали, а мы не будемъ тебя больше обижать! Чего намъ? Развѣ ты намъ зло какое сдѣлала?»

«И взаправду,» подхватила другая ученица, «не надо ее дразнить, ей и безъ насъ много достается. Ишь она какая маленькая да слабенькая! Вотъ расплакалась да и перестать не можетъ?»

И всѣ дѣвочки, въ порывѣ добраго чувства, начали ухаживать за своей маленькой, все еще рыдавшей, подругой. Одна принесла напиться водицы, другая отыскала платокъ отереть ей слезы, третья покрыла ее своимъ одѣяльцемъ, чтобъ ей потеплѣе было. Можно себѣ представить съ какою радостью смотрѣла на все это Нелли, какъ славно заснула въ эту ночь!

Съ этихъ поръ преслѣдованія Вари прекратились. Если иногда какая нибудь шалунья забывала рѣшеніе, принятое послѣ разсказа Нелли, всегда кто нибудь напоминалъ ей о немъ, или старался утѣшить Варю, въ причиненной ей непріятности.

Эта счастливая перемѣна въ судьбѣ бѣдной дѣвочки, оказала видимо хорошее вліяніе и на нее самое. Она стала меньше дичиться подругъ, охотнѣе разговаривала съ ними, иногда даже смѣялась, и если не играла сама, то любила смотрѣть какъ играютъ другія, особенно, если въ числѣ ихъ была ея маленькая покровительница. Такъ какъ Нелли исполняла часть работы за нее, то она не такъ сильно уставала и могла успѣшнѣе дѣлать остальную часть, наконецъ, надѣясь на постоянную защиту

своей пріятельницы, она стала немного менѣе робка и пуглива, а это дѣлало ее понятливѣе и умнѣе. Ее стали меньше бранить и это придавало ей больше охоты трудиться, чтобы совсѣмъ не заслуживать брани. Нелли замѣчала эту перемѣну въ своей маленькой подругѣ и можно себѣ представить, какъ радовала она ее, какъ радовала ее мысль, что она сама еще дѣвочка, ребенокъ, а можетъ уже дѣлать добро, приносить пользу!

Изъ всѣхъ дней недѣли, самый скучный для Нелли былъ воскресенье. Въ этотъ день, въ магазинѣ не работали. Дѣвочки уходили къ своимъ роднымъ, всѣ взрослыя дѣвушки съ утра отправлялись въ гости, Авдотья Степановна не показывалась въ мастерскую, а мадамъ Адель или уходила со двора, или принимала гостей у себя въ комнатѣ. Въ мастерской, кромѣ Нелли, оставалась еще одна только дѣвочка, и то уже довольно взрослая. Нелли было съ ней очень скучно: она всегда ходила какою то надутой, не любила шутокъ, даже рѣдко разговаривала, а все время или сидѣла у окна и смотрѣла на улицу, или раскладывала какія-то засаленныя карты, или шила изъ лоскутиковъ разныя маленькія вещицы, въ родѣ подушечекъ для булавокъ, мѣшечковъ и т. под. Нелли послѣ недѣльной работы не хотѣлось и въ воскресенье браться опять за иголку, ей пріятно было въ этотъ день отдохнуть, но отдыхать ничего не дѣлая, было страшно скучно. Она радовалась, когда кухарка просила ее сбѣгать за чѣмъ нибудь въ лавочку или исполнить какую нибудь легонькую работу на кухнѣ, все же это служило хотя небольшимъ развлеченіемъ. Она могла бы ходить въ эти дни къ Вязинымъ, но ей этого очень не хотѣлось. Она выучилась за это время понимать, что Лидочка барышня, что черезъ нѣсколько лѣтъ она превратится въ такую же богатую барыню, какъ тѣ, которыя пріѣзжали заказывать платья и шляпки у мадамъ Адель, а что она, Нелли, простая дѣвочка, что она будетъ простой швеей, Она понимала, что если и прежде, когда она жила въ ихъ домѣ, какъ подруга Лидочки, Лидія Павловна находила, что она не должна ровнять себя съ господами, то теперь, когда она проводитъ всю недѣлю ученицей моднаго магазина, прислужницей мадамъ Адели и Авдотьи Степановны, ей нельзя и думать придти къ Вязинымъ какъ гостьи. Она была увѣрена, что всѣ въ домѣ будутъ обращаться съ нею такъ, какъ обращались съ дочерью кухарки, скажутъ ей нѣ-

сколько словъ и отошлютъ ее на кухню. А это ей было бы очень непріятно, именно въ домѣ Вязиныхъ, непріятно особенно со стороны Лидочки, которую она когда то любила какъ сестру.

Въ эти длинныя скучныя воскресенья Нелли въ первый разъ почувствовала сильное желаніе что-нибудь почитать. Въ домѣ Вязиныхъ она читала часто и чтеніе иногда интересовало ее, но она находила всегда, что безъ книги легко обойтись, и что игрушки доставляютъ больше удовольствія. Теперь же она совсѣмъ не думала о куклахъ, но хорошая книга казалась ей такою чудною вещью, что она готова была отдать за нее все, что имѣла. Къ несчастью этого всего было очень немного, да и все такія вещи, платья, платокъ, одѣяло, башмаки и т. под. которыя не вымѣниваются за книги. Деньги, данныя Лидіей Павловной, она издержала въ первый же мѣсяцъ своей жизни въ магазинѣ частью на покупку себѣ разныхъ необходимыхъ вещей, частью на угощеніе подругъ, которыя безпрестанно приставали къ ней, чтобы она купила то кофею, то булокъ, то чего-нибудь сладкаго. Вѣроятно желаніе Нелли имѣть хорошую книгу такъ и осталось бы неисполненнымъ, если бы ей не помогъ счастливый случай.

Разъ какъ-то мадамъ Адель послала ее отнести платье къ одной закащицѣ. Платье было небогатое, и потому магазинщица нашла, что не стоитъ посылать къ нимъ кого нибудь старше Нелли. Нелли, идя по указанному адресу во дворъ одного изъ самыхъ большихъ петербургскихъ домовъ, поднялась по довольно темной и грязной лѣстницѣ въ 4 этажъ и робко позвонила въ колокольчикъ. Ей отворила добродушная, опрятно одѣтая старушка и, узнавъ, что она пришла съ платьемъ, ласковымъ голосомъ сказала ей:

«Барышни нѣтъ дома, она сейчасъ придетъ, пойдемъ, голубушка, я тебя проведу въ ея комнату, ты тамъ подождешь ее.»

Нелли вошла вслѣдъ за старушкой въ небольшую комнату, чисто, но небогато меблированную. У одной стѣны ея стояла кровать, покрытая сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, у другой небольшой диванчикъ, въ простѣнкѣ, между двумя окнами, письменный столъ, на которомъ лежали книги и бумаги, въ углу этажерка съ книгами, комодъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ, вотъ и все. Вниманіе Нелли привлекли главнымъ образомъ книги;

какъ только старушка оставила ее одну, она тотчасъ подошла къ столу и открыла одну изъ нихъ. Нелли очень хотѣлось узнать забыла-ли она французскій языкъ за тѣ 8 мѣсяцевъ, которые провела въ магазинѣ. Она попробовала читать и къ своему удовольствію увидѣла, что понимаетъ все. Это очень обрадовало ее: книга составляла продолженіе какого то разсказа, содержаніе котораго она не знала, но ей всетаки пріятно было читать и убѣждаться съ каждой фразой, что она почти ничего не позабыла. Въ книгѣ описывалось какое то происшествіе, случившееся съ однимъ военнымъ, ей захотѣлось узнать, чѣмъ оно кончится, она сѣла на диванъ и такъ погрузилась въ чтеніе, что не замѣчала, какъ летѣло время. Вдругъ надъ ухомъ ея раздался свѣжій, молодой голосокъ.

«Ахъ, милая, извините, что я заставила васъ такъ долго ждать!»

Нелли вздрогнула, покраснѣла, вскочила съ мѣста и съ нѣкоторымъ испугомъ взглянула на говорившую. Это была дѣвушка лѣтъ 20 или 22. Простенькое, черное платье и гладкая, безъискуственная прическа волосъ придавали миловидность ея некрасивому но очень пріятному лицу.

«А вы, кажется, читали безъ меня,» прибавила она добродушно, улыбаясь смущенію Нелли. «Что это? французская книга? Вы развѣ умѣете по французски? Гдѣ же вы выучились?»

«Я всего 8 мѣсяцевъ живу въ магазинѣ,» отвѣчала Нелли, краснѣя еще сильнѣе, «прежде я жила въ домѣ у одной богатой госпожи и училась вмѣстѣ съ ея дочкой.»

«Изъ богатаго дома да вы попали въ магазинъ? Я думаю, вамъ тамъ очень трудно?»

«Нѣтъ, ничего, я привыкаю; я сама хотѣла туда поступить.»

— «Сами? Отчего такъ?»

— «Да чтобы чему нибудь научиться и потомъ жить своимъ трудомъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ? вы должно быть славная дѣвочка! Намъ надо съ вами познакомиться! Васъ какъ зовутъ?»

«Елена.»

«А меня, Софья, по батюшкѣ, Ивановна. Я также тружусь, даю уроки и живу вмѣстѣ съ сестрой, которая служитъ на телеграфѣ. Ну, покажите, что за платье вы мнѣ принесли, а по-

ка я его примѣряю, вы мнѣ раскажите все про себя, хотите?»

Нелли улыбнулась. Безцеремонное, простое обращеніе ея новой знакомой очень понравилось ей, и, оправившись отъ перваго смущенія, она начала свободно разговаривать съ ней. Цѣлый часъ просидѣли онѣ вмѣстѣ, Софья Ивановна едва взглянула на себя въ зеркалѣ въ новомъ платьѣ и все свое вниманіе обратила на Нелли. Въ концѣ разговора рѣшено было, что всякое воскресенье Нелли будетъ приходить въ эту самую комнатку, а Софья Ивановна будетъ учить ее ариѳметикѣ, географіи, естественной исторіи и вообще всему, чему она захочетъ учиться и будетъ ей давать книги для чтенія. Съ этихъ поръ для Нелли не было больше скучныхъ воскресеній. Съ утра отправлялась она къ своей новой знакомой и цѣлый день проводила въ пріятныхъ и полезныхъ занятіяхъ: то читала она какія нибудь интересныя книги, то дѣлала не трудныя письменныя упражненія, то разговаривала съ Софьей Ивановной и ея младшей сестрой, веселенькой, но очень не глупой молодой дѣвушкой. Въ магазинъ Нелли возвращалась теперь обыкновенно съ запасомъ книгъ для чтенія на недѣлю. Книги эти доставляли дѣвочкѣ много удовольствія, но за то онѣ часто мѣшали ея работѣ. По вечерамъ дѣвочкамъ не позволяли сидѣть съ огнемъ долѣе какъ до 9 часовъ и потому читать приходилось или рано утромъ, или урывками между дѣломъ. Нелли дѣлала и то, и другое, но это оказалось неудобнымъ. Отъ ранняго вставанья у нея болѣла цѣлый день голова и она ходила такою вялою, сонною, что даже мадамъ Адель замѣтила это и сказала ей строгимъ голосомъ: «Пожалуста помни, что ты поступила ко мнѣ въ магазинъ работать, а не спать! Чего ты ходишь точно полусонная? Я попрошу Авдотью Степановну построже взыскивать съ тебя!» Но Авдотью Степановну нечего было просить объ этомъ: Разъ она замѣтила, что Нелли вмѣсто того чтобы шить, читаетъ какую то книгу, лежащую у нея на колѣняхъ. Она подошла къ дѣвочкѣ, схватила книгу и ударила ею Нелли по головѣ. «Это что еще ты выдумала?» вскричала она. «Вмѣсто того чтобы шить, читать? Что за ученая такая! Да если я когда нибудь увижу у тебя въ рукахъ книгу въ рабочее время, я книгу брошу въ печку, а тебя такъ накажу, какъ

ты и не ожидаешь. Иди-ка сюда становись со своей работой передо мной, я тебя цѣлый день съ глазъ не спущу, я тебя научу какъ надо работать!» Нелли цѣлый день проработала, стоя передъ грозной Авдотьей Степановной, которая не переставала дѣлать ей выговоры и ворчать на нее, а вечеромъ опять повторила свою угрозу сжечь всякую книгу, какая попадется ей на глаза. Нелли знала, что она вполнѣ способна исполнить эту угрозу и потому рѣшила не носить больше книгъ въ магазинъ. Съ нетерпѣніемъ стала она ждать воскресеній, когда ей можно было и вдоволь начитаться, и отдохнуть въ обществѣ двухъ милыхъ, образованныхъ дѣвушекъ отъ тяжелой недѣльной работы и отъ грубой брани Авдотьи Степановны. Но за то по сравненію съ этими воскресеньями жизнь въ магазинѣ, стала казаться ей тяжелѣе прежняго. Тамъ въ этой уютной, маленькой комнатѣ и Софья Ивановна, и сестра ея обращались съ ней дружески, какъ съ равною себѣ, здѣсь она должна была покорно исполнять приказанія всѣхъ старшихъ, безропотно выслушивать выговоры, брань, даже несправедливые. Тамъ, если она сидѣла за книгой или за писаньемъ лишніе полчаса, у нея съ участіемъ спрашивали, не устала-ли она и предлагали ей другое занятіе; здѣсь, когда она, просидѣвъ за работой 3, 4 часа сряду, отъ утомленія опускала руки и хотѣла отдохнуть нѣсколько минутъ, Авдотья Степановна называла ее лѣнтяйкой и грубымъ голосомъ приказывала ей опять браться за шитье. Нелли бралась за него, съ трудомъ удерживая слезы, но за то по вечерамъ, когда подруги ея уже засыпали и никто не могъ слышать ее, она часто горько плакала при мысли, что ей придется переносить эту жизнь еще больше 5 лѣтъ.

(Продолженіе будетъ).

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ МУДРЕЦА

Біографическая характеристика Сократа по Платону, Анахарсису и Ксенофонту.

VI.

Сократъ былъ честный человѣкъ и горячо любилъ свою родину. Хотя онъ и самъ могъ бы играть важную политическую роль въ республикѣ, но онъ уклонялся отъ всякихъ должностныхъ мѣстъ, предпочитая по мѣрѣ силъ служить отечеству частнымъ трудомъ. «Я служу моему отечеству», говорилъ онъ, «образуя добрыхъ и умныхъ гражданъ». Но за то онъ энергично возставалъ противъ тѣхъ, кто безъ дарованій и труда высказывалъ стремленіе сдѣлаться руководителемъ народа (демагогомъ), льстя его самолюбію и потворствуя его прихотямъ.

— «Безумно было бы думать», говорилъ онъ, «что въ наукахъ небольшой даже важности необходимо было обученіе, о знаніи же въ дѣлахъ государственнаго управленія думать такъ, что оно приходитъ къ людямъ само собою». И однажды, когда онъ сошелся съ Эвтидемомъ, и замѣтилъ, что тотъ ушелъ нарочно изъ собранія, опасаясь, чтобы не подумали, будто онъ удивляется Сократовой мудрости,—а между тѣмъ извѣстно было, что Эвтидемъ готовится къ управленію народомъ,—Сократъ сказалъ къ окружающимъ:

«Мнѣ кажется, почтенные друзья, что Эвтидемъ, когда достигнетъ возраста, и когда ему придется разсуждать о дѣлахъ республики, то не оставитъ ее безъ своего совѣта; и кажется, что онъ положилъ хорошее основаніе для тѣхъ рѣчей, какія онъ

намѣренъ говорить предъ народомъ, заранѣе предупреждая всѣхъ, чтобы кто не подумалъ, будто онъ научился отъ кого чему либо. По всей вѣроятности, онъ начнетъ свою рѣчь такимъ образомъ: «Ничему я, Аѳиняне, ни отъ кого и никогда не учился, и хотя я слышалъ о нѣкоторыхъ людяхъ, которые славились искусствомъ въ рѣчахъ и опытностью въ дѣлахъ, но никогда къ нимъ не хаживалъ, и даже всѣми мѣрами старался убѣгать ихъ, чтобы не только не подумали, будто я отъ кого-либо учусь, но чтобы даже и мысль о томъ никто не могъ имѣть. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю васъ безъ совѣта, какой мнѣ въ голову придетъ»... Мнѣ кажется, что такимъ оборотомъ рѣчи могъ бы воспользоваться и тотъ, кому хотѣлось бы получить отъ республики званіе врача; ему очень къ лицу пристало бы начать свою рѣчь такимъ образомъ: «Я, Аѳиняне, ни отъ кого и никогда не учился врачебному искусству, и не искалъ ни одного врача, который могъ бы быть учителемъ для меня. Напротивъ, я не только употреблялъ всѣ мѣры убѣгать того, чтобы чему-нибудь не научиться у врачей, но старался даже, чтобы никто и не подумалъ, будто я обучался этому искусству; однако я прошу поручить мнѣ должность врача, ибо я имѣю въ виду, дѣлая на васъ опыты, научиться этому искусству».

Всѣ присутствующіе разсмѣялись этой шуткѣ, а послѣ замѣтили, что Эвтидемъ сталъ очень внимателенъ къ рѣчамъ Сократа. Какъ опытный и проницательный человѣкъ, Сократъ хорошо видѣлъ тѣ опасности, какія грозили республикѣ, если управленіе ею попадетъ въ руки людей ненадежныхъ. Его глубоко тревожило, что важнѣйшія мѣста въ республикѣ занимали нерѣдко люди пронырливые, безчестные, невѣжды; что въ обществѣ и семействѣ перепутались всѣ нравственныя понятія, обязанности утратили силу; что молодые Аѳиняне, вѣтренные и надменные, ничего не зная, считали себя ко всему способными.

Мудрый философъ видѣлъ опасность націи и старался ей противодѣйствовать. Онъ читалъ въ душѣ Алкивіада страсть владычествовать, а въ сердцѣ Критія—желаніе поработить родину. Оба знаменитые своимъ родомъ и богатствомъ, они желали стать во главѣ народа. Опаснѣе всѣхъ былъ Алкивіадъ. Обладая состояніямъ, богато одаренный отъ природы, онъ обладалъ въ высшей степени привлекательною наружностію и обая-

тельно дѣйствовалъ на современниковъ. Алкивіадъ любилъ Сократа, и, по его сознанію, это былъ единственный человѣкъ, котораго онъ стыдился и предъ которымъ онъ робѣлъ; часто Сократъ доводилъ его до слезъ, раскрывая предъ нимъ его легкомысліе и невѣжество. Но тѣмъ не менѣе увлекаемые честолюбіемъ, и Алкивіадъ, и Критій, хотя и уважали своего учителя, но чаще всего убѣгали отъ его рѣчей и шли къ своей цѣли, слѣпо отдаваясь увлеченію юношескаго чувства. Сократъ жалѣлъ ихъ, но въ тоже время не скупился и на рѣзкія изобличенія юныхъ честолюбцевъ.

Весьма интересенъ разговоръ Сократа съ Главкономъ, сохраненный Ксенофонтомъ, любимымъ ученикомъ Сократа, гдѣ послѣдній мастерски разубѣждаетъ Главкона въ его самонадѣянномъ стремленіи управлять народомъ Аѳинскимъ.

Дѣло въ томъ, что Главконъ, не имѣя и 20 лѣтъ, совершенно не зная политическаго дѣла, хотѣлъ пріобрѣсти главенство въ греческой республикѣ. Отъ природы не глупый, онъ ни по образованію, ни по способностямъ не былъ приготовленъ къ такой должности; его публичныя рѣчи освистывали и самаго оратора, нерѣдко сгоняли съ возвышенія, откуда говорились рѣчи. Убѣжденія родныхъ и друзей оставались тщетны, пока, наконецъ, они не обратились къ Сократу съ просьбой помочь горю.

Сократъ напалъ на Главкона гдѣ то на площади, остановилъ, и съ свойственнымъ ему остроуміемъ и легкостію оборотовъ рѣчи, началъ съ нимъ свой разговоръ.

«Я слыхалъ, Главконъ, что ты желаешь быть главнѣйшимъ въ нашей республикѣ»? Обратился онъ къ нему.

— «Да, это правда», отвѣтилъ Главконъ.

«Справедливо, нѣтъ ничего въ свѣтѣ славнѣе этого», сказалъ Сократъ, «потому что, если ты достигнешь этого, то, конечно, можешь исполнять и самъ всѣ свои желанія, и друзьямъ своимъ можешь быть полезенъ, и возвысить домъ отца своего, и распространить предѣлы отечества. Кромѣ того, ты можешь пріобрѣсти себѣ славу не только въ этой республикѣ, но и во всей Греціи, а можетъ быть, по примѣру Ѳемистокла, и у варваровъ даже; и гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ станутъ тебѣ дивиться и почитать». Это польстило самолюбію Главкона, ему уже не хотѣлось уйти отъ Сократа, который между тѣмъ продолжалъ рѣчь:

«Безъ сомнѣнія, любезный Главконъ, тебѣ извѣстно, что для пріобрѣтенія значенія въ республикѣ, ты долженъ принести ей какую-либо пользу»?

— «Непремѣнно такъ», отвѣчалъ Главконъ.

«И такъ, ради боговъ, не скрой отъ насъ ничего, но разскажи, *чѣмъ* ты начнешь благодѣтельствовать республикѣ»?

Когда же Главконъ замолчалъ, желая сообразить, съ чего начать, Сократъ предложилъ ему новый вопросъ:

«Не такимъ же ли способомъ будешь ты стараться обогатить республику, какъ бы ты желалъ обогатить домъ друга, хозяйство котораго ты хотѣлъ бы привести въ цвѣтущее состояніе»?

— «Да, именно такъ», отвѣчалъ Главконъ.

«Не правда ли, вѣдь республика наша тогда станетъ богатою, когда увеличатся ея *доходы*»?

— «Мнѣ такъ кажется», отвѣтилъ Главконъ.

«И такъ, скажи мнѣ, какія же именно, и какъ велики имѣетъ она доходы; ибо, конечно, ты о томъ больше разсуждалъ, чтобы недостаточные доходы увеличить, а тѣ, какіе начинаютъ приходить въ упадокъ, опять привести въ лучшее положеніе»?

— «Признаюсь», сказалъ Главконъ, «что объ этомъ я никогда не разсуждалъ».

«Ну, если ты пренебрегъ этимъ», продолжалъ спокойно Сократъ, «то скажи хотя о *расходахъ*, какіе имѣетъ эта республика; ты, конечно, подумалъ уже о томъ, какъ бы убавить излишніе»?

— «По истинѣ объ этомъ никогда не думалъ», сказалъ Главконъ.

«Въ такомъ случаѣ», сказалъ Сократъ, «мы должны подалѣе отложить обогащеніе республики,—потому что можно ли браться за это дѣло тому, кто не знаетъ ни приходовъ, ни расходовъ ея»?

— «Это правда, любезный Сократъ», отвѣчалъ Главконъ; «но республика, я полагаю, можетъ обогатиться раззореніемъ непріятельскихъ земель».

«Конечно такъ», отвѣчалъ Сократъ, «если только возможно будетъ побѣдить непріятелей; а если непріятели побѣдятъ, то можно и своего лишиться».

— «Ты говоришь правду», сказалъ Главконъ.

«Поэтому», продолжалъ Сократъ, «если кто думаетъ начать

войну съ противникомъ, то необходимо ему знать *свои силы* и *средства* республики и знать силы своихъ *враговъ*, и только въ такомъ случаѣ совѣтовать начинать войну, когда республика сильнѣе врага; если же превосходнѣе силы непріятеля, то онъ долженъ дать совѣтъ не вступать въ такую войну.

— «Да, ты правду говоришь», сказалъ Главконъ.

«Такъ скажи намъ сперва», продолжалъ Сократъ, «какъ велика сила этой республики, сухопутная и морская, а потомъ разскажешь намъ о непріятельской.

— «Но я не могу точно сказать тебѣ объ этомъ на память», сказалъ Главконъ.

«Ну, такъ хоть что-нибудь изъ твоихъ записокъ перескажи, я охотно выслушаю и это».

— «Но я и записокъ никакихъ не имѣю», сказалъ Главконъ.

«И такъ, намъ приходится отложить подалѣе и разсужденіе *о войнѣ*», сказалъ Сократъ, «потому что ты можетъ быть еще не успѣлъ изучить столь важнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что ты такъ недавно началъ думать объ управленіи республикой. Но при всемъ томъ думаю, что ты заботился по крайней мѣрѣ *о защитѣ* этой земли, знаешь, сколько въ ней нужныхъ и безполезныхъ гарнизоновъ, сколько необходимо для содержанія ихъ воиновъ; наконецъ ты, конечно, подумывалъ и о томъ, нельзя ли нужные гарнизоны увеличить, а безполезные—убавить».

— «А я такъ думаю», сказалъ Главконъ, «что слѣдовало бы всѣ эти гарнизоны истребить, такъ какъ они не только не защищаютъ земли, но болѣе еще раззоряютъ ее».

«Но если ты уничтожишь гарнизоны», возразилъ Сократъ, «то ужели предполагаешь, что земля эта будетъ безопасна отъ расхищеній всѣхъ, кто этого захочетъ? И почемъ ты знаешь, что они худо исполняютъ свою должность? Развы ты самъ ихъ *осматривалъ* и примѣтилъ это за ними»?

— «Это можно предполагать съ вѣроятностью», говорилъ Главконъ. «Слѣдовательно, нужно разсужденіе и объ этомъ отложить намъ до другаго времени», сказалъ Сократъ, «когда мы будемъ знать не по догадкамъ, но точно самое дѣло».

— «Я самъ думаю, что это лучше», сказалъ Главконъ.

«А я думаю еще, продолжалъ Сократъ, что ты никогда не

бывалъ на *серебряныхъ заводахъ* *), и потому не можешь сказать причины, отъ чего они теперь стали менѣе прибыльны, чѣмъ прежде»?

— «Это правда, я тамъ не бывалъ».

«Да вѣдь справедливо говорятъ», сказалъ Сократъ, «что воздухъ на этихъ заводахъ весьма нездоровъ, а потому, если понадобится сказать тебѣ свое сужденіе объ этомъ, то уже одного этого достаточно для твоего извиненія».

— «Я и самъ это же думаю», сказалъ Главконъ.

«По крайней мѣрѣ, я надѣюсь», продолжалъ Сократъ, «что ты не оставилъ безъ вниманія, но прилежно изслѣдовалъ, какъ долго можетъ наша республика *кормиться* тѣмъ хлѣбомъ, какой родится на нашихъ поляхъ, и сколько его нужно въ годъ, чтобы, за недостаткомъ у тебя такой вѣдомости, республика не имѣла недостатка въ хлѣбѣ; а напротивъ, чтобъ, имѣя всѣ необходимыя свѣдѣнія, ты изъ доброжелательства могъ бы промыслить ей всѣ нужные припасы и сохранить ее отъ голода».

— «По твоимъ словамъ, какъ я вижу», сказалъ Главконъ, «много будетъ труда, если обо всемъ этомъ нужно заботиться».

«Непремѣнно такъ», отвѣтилъ Сократъ; «потому что никто же не можетъ и своимъ домомъ хорошо управлять, если напередъ не узнаетъ, что̀ необходимо для содержанія его и напередъ не позаботится снабдить его всѣмъ этимъ. А такъ какъ одинъ этотъ городъ состоитъ больше, чѣмъ изъ 10,000 домовъ, и такъ какъ вовсе не легкій трудъ—разомъ о всѣхъ заботиться, то отчего бы не приняться тебѣ за домъ своего дяди пока, чтобы привести его въ лучшее состояніе,—ты вѣдь знаешь, что онъ въ этомъ нуждается. Сдѣлавъ это, ты могъ бы взятся и за другіе дома, но не имѣя силъ помочь одному, какъ ты можешь пособлять многимъ? Кому не извѣстно, что такому человѣку, который и одной тягостя нести не въ силахъ, не слѣдуетъ усиливаться, нести что-нибудь еще болѣе тяжелое»?

— «Я, конечно, могъ бы быть полезенъ дому моего дяди», сказалъ Главконъ, «но если бы онъ захотѣлъ меня слушаться».

«Вотъ», говорилъ Сократъ, «когда ты и одного дядю не можешь сдѣлать послушнымъ, какъ же ты можешь надѣяться сдѣ-

*) Одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ Греціи.

лать послушными всѣхъ Аѳинянъ, и вмѣстѣ съ дядею? Побереги себя, любезный Главконъ, продолжалъ Сократъ, и не заслужи позора неумѣреннымъ желаніемъ великой чести. Не видишь ли, какъ опасно говорить и дѣлать то, чего не знаешь. Тоже самое думай и ты о другихъ, ежели кого знаешь такого, кто стремился бы говорить о томъ, чего не знаетъ и брался бы дѣлать, чего не умѣетъ. Думаешь ли ты, что такіе люди добьются похвалы, а не насмѣшки, почтенія, а не презрѣнія? И напротивъ, посмотри на тѣхъ, которые во всемъ, что они ни дѣлаютъ, о чемъ ни говорятъ, пріобрѣли *точныя знанія*. Я увѣренъ, ты найдешь, что похвала и почтеніе—награда только знающихъ людей, а насмѣшка—невѣждъ. И потому, если ты желаешь быть важнымъ въ республикѣ, чтобы къ тебѣ имѣли люди почтеніе, прежде всего постарайся пріобрѣсти понятіе о томъ, что ты намѣренъ предпринять; и затѣмъ, если, вступя въ управленіе республикою, ты будешь въ этомъ отношеніи выше другихъ, я не стану удивляться, когда ты получишь все, чего добиваешься».

VII.

Молодые Аѳиняне любили споры философовъ, рукоплесканіемъ торжествовали побѣды Сократа и при всякомъ случаѣ пользовались его оружіемъ. Отсюда образовалось мнѣніе, что Сократъ пріучаетъ ихъ только къ спорамъ и противорѣчію. Самые снисходительные думали, что онъ умѣлъ возбуждать въ своихъ ученикахъ любовь къ мудрости, но не дѣлалъ ихъ мудрыми; а правительство, по навѣтамъ враговъ, издало однажды даже запрещеніе ему учить молодыхъ людей, запретило даже говорить съ ними. Когда это услышалъ Сократъ, то онъ обратился къ судьямъ съ вопросомъ, можно ли ему будетъ спросить ихъ о томъ, чего онъ не понимаетъ въ этомъ запрещеніи. Тѣ согласились.

«Я готовъ повиноваться законамъ, говорилъ имъ Сократъ, но, чтобы не погрѣшить незнаніемъ, хочу знать отъ васъ: какъ вы разсуждаете о наукѣ краснорѣчія, запрещая ее? Тѣмъ ли она занимается, по вашему мнѣнію, о чемъ можно говорить правдиво, или тѣмъ, о чемъ нельзя право говорить? Если она занимается тѣмъ, чтобы говорить правдиво, то выходитъ, что по вашему закону нужно удаляться отъ правды; если же она

учитъ говорить неправдиво, то нужно стараться тѣмъ болѣе, чтобы говорить правду».

Разсерженный Хариклъ, который объявилъ ему законъ этотъ, отвѣтилъ на это:

— «Такъ какъ ты, Сократъ, притворяешся невѣждой и въ самыхъ извѣстныхъ предметахъ, то тебѣ опредѣляется то, что̀ ты хорошо поймешь именно,—чтобы ты вовсе ничего не говорилъ съ молодыми людьми».

Сократъ, выслушавъ это, возразилъ: «не желая, чтобы меня тревожило всегдашнее сомнѣніе, то ли я дѣлаю, что̀ мнѣ приказано, прошу опредѣлить, до какихъ лѣтъ молодыхъ людей нужно считать по вашему молодыми»?

— «До тѣхъ поръ, отвѣчалъ Хариклъ, пока они не будутъ удостоены засѣдать въ сенатѣ, потому что до этого времени они не могутъ имѣтъ зрѣлаго сужденія. Однимъ словомъ, не говори ничего съ людьми до 30-лѣтняго возраста ихъ».

Сократъ сказалъ на это: «Слѣдовательно, если я захочу что-либо купить, то мнѣ нельзя будетъ спросить о цѣнѣ вещи у человѣка, если онъ будетъ имѣть менѣе 30-ти лѣтъ»?

— «Нѣтъ, это можно, Сократъ; но ты привыкъ спрашивать бо̀льшею частію о такихъ вещахъ, о которыхъ уже хорошо знаешь».

«Поэтому я не долженъ отвѣчать», сказалъ Сократъ, «если кто станетъ спрашивать у меня, гдѣ живетъ Хариклъ, или гдѣ находится Критій»?

— «Это позволяется», отвѣчалъ Хариклъ. «Но всего важнѣе, Сократъ, чтобы ты оставилъ въ покоѣ всѣхъ сапожниковъ, плотниковъ и мѣдниковъ, которымъ ты, я думаю, частымъ собесѣдованіемъ и такъ уже чрезвычайно наскучилъ».

«Слѣдовательно», сказалъ Сократъ, «я долженъ отказаться и отъ того, что доказывается взятыми отъ нихъ примѣрами, то есть, отъ правды, благочестія и всего справедливаго»?...

Судьи сами сознавали всю нелѣпость этого повелѣнія, а Сократъ умѣлъ ихъ ловить въ противорѣчіяхъ. Не смотря на запрещеніе, Сократъ продолжалъ свой трудъ—учить народъ добру.

Здѣсь мы должны еще упомянуть объ одной весьма замѣчательной чертѣ Сократа, именно о его *геніѣ*, (иначе *демонѣ*), который, по его словамъ, будто бы сопутствовалъ ему съ са-

маго дѣтства и останавливалъ его тамъ, гдѣ дѣло не могло имѣть благополучнаго исхода. Геній Сократа и до нынѣ остается загадочнымъ.

«Могъ ли Сократъ», спрашиваетъ Анахаренсъ, «оставить своихъ учениковъ въ сомнѣніи, если бы подъ геніемъ онъ разумѣлъ свою рѣдкую и опытную мудрость? Хотѣлъ ли онъ этимъ привести ихъ въ заблужденіе и казаться вдохновеннымъ, чтобы придать себѣ болѣе значенія»? Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ Ксенофонтъ, пишетъ Анахаренсъ далѣе; никогда Сократъ не скрывалъ истины, онъ не могъ быть обманщикомъ, и невозможно допустить въ немъ столько самолюбія и неразумія, чтобъ онъ могъ выдавать свою мечты за пророчества. Онъ говорилъ всегда и все только по убѣжденію, и когда возвѣщалъ что-либо именемъ генія, то, безъ сомнѣнія, онъ чувствовалъ въ себѣ его вліяніе.

Другой ученикъ Сократа Соммій, съ которымъ Анахарсисъ познакомился въ Ѳивахъ, сказывалъ ему, что Сократъ не вѣрилъ въ тѣлесныя явленія боговъ и считалъ за басни всѣ подобныя исторіи; но онъ съ особеннымъ любопытствомъ распрашивалъ тѣхъ, кому слышался внутренній голосъ.

Нѣтъ основаній подозрѣвать Сократа въ неискренности и обманѣ; напротивъ все заставляетъ думать, что Сократъ чистосердечно вѣрилъ въ своего генія, и говорилъ искренно, утверждая, что въ душѣ его происходитъ нѣчто особенное, можетъ быть, и неизвѣстное другимъ людямъ. Дѣло въ томъ, что какъ сынъ народа своего и эпохи, онъ, конечно, раздѣлялъ общее тогда вѣрованіе, что боги иногда могутъ дѣлать человѣку откровенія. При способности отвлекаться и созерцать высочайшую мудрость и добро, очень не мудрено, что Сократъ мало по малу углублялся и забывался въ своихъ мечтахъ, и постепенно сталъ принимать свои предчувствія за вдохновеніе свыше, такъ что и дѣйствія своего благоразумія и предусмотрительности относилъ къ сверхъестественной причинѣ.

Внушенія этого «генія» обнаруживались иногда у Сократа довольно оригинально. Такъ идя съ учениками, онъ иногда вдругъ молча останавливался и слушалъ внутренній голосъ генія, и затѣмъ избиралъ другую дорогу, хотя и первая, по видимому, не представляла ничего опаснаго.

Другой примѣръ. Во время Потидейской осады Сократъ съ

утра до вечера простоялъ цѣлый день на солнцѣ, въ самый жаркій день, погруженный въ глубокое размышленіе. Воины собрались вокругъ него и съ любопытствомъ смотрѣли на философа; нѣкоторые изъ нихъ рѣшились даже остаться здѣсь на всю ночь, только бы видѣть, чѣмъ все это кончится. Сократъ пробылъ въ такомъ положеніи до утра слѣдующаго дня; утромъ уже, когда взошло солнце, Сократъ спокойно и тихо возвратился въ свою палатку.

«Хотѣлъ ли Сократъ удивить войско, замѣчаетъ Анахарсисъ, или умъ его такъ внимательно и продолжительно сосредоточился на какой-нибудь важной истинѣ, или случаи эти переданы были не совсѣмъ точно,—рѣшить теперь трудно».

Но враги Сократа воспользовались этою странностію мудраго и, какъ увидимъ ниже, она послужила основаніемъ для обвиненія Сократа въ религіозномъ отступничествѣ.

Чѣмъ прямѣе шелъ Сократъ и чѣмъ энергичнѣе выполнялъ свою миссію, тѣмъ сильнѣе раздражались его враги. Къ этому присоединились еще нападки на мудреца тогдашнихъ греческихъ комиковъ, которые также нанесли ему не мало вреда.

Сократъ рѣдко бывалъ въ театрахъ; онъ осуждалъ чрезмѣрную свободу тогдашнихъ комедій и тѣмъ навлекъ на себя ненависть тогдашнихъ авторовъ.

Онъ не ходилъ въ народныя собранія по дѣламъ управленія республикой, не желая ни покупать, ни продавать голоса; за это нѣкоторые называли его празднымъ и безполезнымъ человѣкомъ, который только въ головѣ своей улучшаетъ людей, и только языкомъ проповѣдуетъ добродѣтель. Подобныя сужденія о Сократѣ способствовали развитію предъубѣжденія противъ него, такъ что многіе думали, что Сократъ софистъ, быть можетъ, умнѣе и честнѣе другихъ, но за то, пожалуй, самолюбивѣе. Многіе сочинители комедій, желая отмстить ему за его презрѣніе къ ихъ таланту, еще при жизни осмѣивали Сократа, представляя его пустымъ и безполезнымъ болтуномъ.

Аристофанъ, Эвполисъ и Аминсіасъ вывели его на сцену. Желая осмѣять генія Сократа и его частую задумчивость, Аристофанъ для смѣха представляетъ, что Сократъ качается въ висящей корзинѣ между небомъ и землею, сливаетъ мысли свои съ тонкимъ и легкимъ воздухомъ и призываетъ богинь *тумана*

и софистическаго искусства, голосъ которыхъ слышится ему въ окружающей его тьмѣ; онъ выдаетъ себя за воздухоплавателя и насказываетъ много такихъ нелѣпостей, какихъ, говорилъ Сократъ, «у меня и въ головѣ не бывало». Аристофанъ утверждаетъ, что онъ учитъ юношество презирать боговъ, обманывать людей и отказывать въ почтеніи родителямъ.

Авторъ представилъ свою комедію на судъ,—она вызвала рукоплесканія, но не была увѣнчана. Черезъ годъ онъ снова представилъ ее на театрѣ, но и здѣсь не имѣлъ полнаго успѣха; онъ передѣлалъ ее въ третій разъ, но обстоятельства помѣшали третьему представленію. Сократъ, какъ увѣряютъ, былъ въ первое представленіе въ театрѣ и самъ, и нарочно показался иностранцамъ, которые искали его глазами въ собраніи. Но такія оскорбленія рѣшительно не могли нисколько поколебать Сократа. «Я долженъ исправиться, говорилъ онъ, если упреки основательны, и презирать ихъ, если они несправедливы». Когда однажды ему передали, что нѣкто очень дурно говоритъ о немъ, то онъ отвѣчалъ: «это потому, что этотъ человѣкъ не умѣетъ говорить хорошо».

Впрочемъ вообще легкомысленные Аѳиняне того времени, не смотря на обаятельную и увлекающую силу ученія Сократа, не могли вполнѣ оцѣнить великаго своего учителя. Справедлива древняя пословица, что «не бываетъ пророкъ въ своемъ отечествѣ». Конечно, въ основѣ недовольства на Сократа лежало недоразумѣніе, но оно увлекало массу.

Многимъ не нравилась даже метода его ученія. Одни находили скучными его умствованія, которыхъ не могли уразумѣть; другіе оскорблялись ясными доказательствами ихъ невѣжества, въ которомъ должны были всегда сами сознаться. Обыкновенно Сократъ въ своихъ бесѣдахъ начиналъ, повидимому съ мелочей и самыхъ общедоступныхъ и легкихъ положеній, но выводя слѣдствіе за слѣдствіемъ, онъ приходилъ къ результатамъ, нерѣдко обиднымъ для самолюбія невѣждъ, считающихъ себя за мудрецовъ. Тѣ же, которые не могли уразумѣть его цѣлей, говорили, что онъ только заставляетъ во всемъ сомнѣваться, все то утверждаетъ, то опровергаетъ, все разрушая и ничего не созидая. А такъ какъ при этомъ онъ всегда выставлялъ себя самаго незнающимъ, и какъ бы нарочно скрывалъ силы свои,

чтобъ употребить ихъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, то враги его говорили, что онъ съ оскорбительною насмѣшкой ловитъ простые умы.

VIII.

Прошло около 42-хъ лѣтъ послѣ представленія комедіи Аристофана. Казалось, что время гоненій миновало для Сократа; но вдругъ слышитъ онъ, что нѣкто молодой человѣкъ подалъ на него слѣдующій доносъ одному изъ Архонтовъ: «Мелитъ, сынъ Мелита, родомъ изъ Пафоса, обвиняетъ въ преступленіи Сократа, сына Софронимова, родомъ изъ Алопеса, и беретъ на себя доказать, что Сократъ не вѣритъ нашимъ богамъ, хочетъ ввести новыхъ подъ именемъ Геніевъ, развращаетъ молодыхъ людей въ Аѳинахъ, и заслуживаетъ смерти».

Мелитъ былъ бездарный поэтъ; онъ сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя намъ извѣстны только по шуткамъ Аристофана. Два сильные врага Сократа-Анитъ и Ликонъ—употребили его орудіемъ своей ненависти. Послѣдній принадлежалъ къ ораторамъ, которые въ собраніи сената и народа краснорѣчиво говорятъ о пользѣ для отечества и умѣютъ ловко управлять мнѣніемъ народа, всѣмъ управляющаго. Онъ велъ дѣло. Анитъ же былъ изъ числа самыхъ значительныхъ и богатыхъ гражданъ; онъ энергично содѣйствовалъ освобожденію родины отъ тиранніи и прежде былъ другомъ Сократа, но послѣ разошелся съ нимъ за то, что тотъ рѣзкими и правдивыми рѣчами смирялъ его высокомѣріе.

Къ этимъ личнымъ причинамъ вражды противъ Сократа, нужно прибавить болѣе общія побужденія, которыя вооружили противъ Сократа большинство народа. Разскажемъ ихъ, чтобы показать главную причину обвиненія Сократа.

Въ Аѳинахъ всегда были двѣ партіи: аристократовъ—партія благородныхъ и демократовъ—партія народа. Первые были безсильны въ эпоху славы и счастія Греціи и только роптали въ тихомолку; но въ бѣдственное время для республики, особенно при концѣ Пелопонезской войны, они всѣми мѣрами старались ограничить чрезмѣрную власть народа. Когда же Лакедемоняне взяли Аѳины, то они поручили все государственное управленіе 30-ти тиранамъ, между которыми былъ и Критій,

ученикъ Сократа. Въ 8 мѣсяцевъ эти правители сдѣлали зла республикѣ болѣе, нежели народъ погрѣшилъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Многіе граждане бѣжали и, соединившись подъ предводительствомъ Тразибула и Анита, скоро уничтожили это правленіе и возстановили прежній порядокъ; а чтобы предупредить новые раздоры, обнародовали почти неограниченное прощеніе всѣмъ, полное забвеніе всего прошедшаго, что было торжественно утверждено клятвою.

Народъ присягнулъ, но всегда съ ужасомъ вспоминалъ, что онъ былъ лишенъ власти, что могъ лишиться ее снова, что зависѣлъ отъ Спарты, которая вездѣ вводила олигархію, и что всѣ благородные не прочь опять повторить прежнее. Народъ съ робостью смотрѣлъ на будущее и съ ужасомъ и ненавистью относился ко всякой попыткѣ поработить силу народную.

Льстецы же народа увеличивали его страхъ, представляя ему, что многіе уже говорятъ противъ народнаго правленія; что Сократъ, просвѣщеннѣйшій и, слѣдовательно, опаснѣйшій изъ гражданъ, постоянно внушаетъ юношеству мысли, противныя народу; что онъ нѣсколько разъ называлъ безумнымъ законъ—голосованіемъ выбирать на первыя мѣста республики, говоря, что такой порядокъ предастъ судьбу республики случаю; указывали и на то, что Алкивіадъ, ученикъ Сократа, не только сдѣлалъ много зла отечеству, но хотѣлъ даже совершенно поработить его свободу; что Критій, Тераменъ и другіе его ученики не постыдились стать во главѣ 30-ти тирановъ; что необходимо, наконецъ, принять мѣры противъ этого врага отечества.

Но какъ обвинить Сократа, когда онъ ничего преступнаго не сдѣлалъ, а законы не могли осудить его словъ, которыя не имѣли никакой явной связи съ бѣдствіями республики? Къ тому же Сократа неудобно было подвергать осужденію и потому, что иначе нарушено было бы то всеобщее торжественное прощеніе, какое обѣ стороны утвердили клятвой, по изгнаніи тирановъ.

Заговоръ Анита уничтожалъ эти неудобства, и служа личнымъ мщеніемъ его Сократу, въ то же время удовлетворялъ и тревожнымъ опасеніямъ народной партіи, волнуемой властолюбивыми демагогами.

Доносчикъ, обвиняя Сократа, въ невѣріи, надѣялся всего скорѣе погубить его этимъ обвиненіемъ, потому что народъ всегда

охотно принималъ такіе доносы, и, считая Сократа за обыкновеннаго философа, думалъ, что и онъ, какъ другіе, занимаясь изслѣдованіемъ природы, не могъ вѣрить богамъ. Кромѣ того, всѣ судьи, видѣвшіе въ театрѣ представленіе Аристофановой комедіи, питали въ душѣ своей тайное предубѣжденіе противъ Сократа, а предубѣжденія, какъ извѣстно, сообщаются всѣмъ легко, особенно въ большомъ городѣ, но не скоро изчезаютъ.

Съ другой стороны, обвиняя Сократа, какъ развратителя молодыхъ людей, Мелитъ такимъ неопредѣленнымъ доносомъ какъ бы напоминалъ ужасныя происшествія недавнихъ смутъ и опасности, грозящія правленію народа.

Дѣло началось, но Сократъ молчалъ. Ученики его, приведенные въ ужасъ, всѣми силами старались отвести грозу. Славный ораторъ Лизій сочинилъ для него трогательную защитительную рѣчь, которая могла бы привести судей въ чувство. Сократъ, прочитавъ рѣчь, похвалилъ талантъ оратора, но не нашелъ въ ней сильнаго «краснорѣчія невинности». Онъ не хотѣлъ оправдываться, какъ виновный? Цицеронъ замѣчаетъ, что Сократъ на судѣ являлся не какъ обвиненный, но гораздо болѣе, какъ властитель и судія. (Uti non reus, sed posius dominut et magister judicum esse videretur).

Когда одинъ изъ друзей Сократа-Гермогенъ, сынъ Иппониковъ, предложилъ ему позаботиться и подумать о томъ, что ему нужно будетъ сказать въ свою защиту, Сократъ отвѣчалъ:

«А развѣ ты думаешь, что я до сихъ поръ жилъ, не думая объ этомъ?».

И когда тотъ спросилъ, какимъ же это образомъ? Сократъ отвѣчалъ, что онъ *всю* свою *жизнь* ничего больше не дѣлалъ, какъ только размышлялъ о справедливости и несправедливости, и слѣдуя всегда первой, убѣгалъ послѣдней. «Пусть изслѣдуютъ мою жизнь, заключилъ онъ,—она мое лучшее оправданіе».

«Однако», возразилъ Гермогенъ, «и истина требуетъ подкрѣпленія; ты знаешь сколько невинныхъ погибло, и сколько виновныхъ спаслось въ нашихъ судахъ, благодаря краснорѣчію?»

«Знаю», отвѣчалъ Сократъ, «и дважды даже самъ начиналъ думать о своей защитѣ, но мой геній каждый разъ удерживалъ меня. Теперь же я чувствую мудрость его совѣтовъ. До сего времени жизнь моя была соершенно счастлива. Я часто сравни-

валъ ее съ жизнью другихъ людей и—никому не завидовалъ. «Дожидаться ли мнѣ глубокой старости, которая, притупляя чувство, ослабляя разсудокъ, дѣлаетъ человѣка безполезнымъ для общества и тягостнымъ для себя самаго. Боги готовятъ мнѣ, повидимому, тихую, легкую, самую лучшую смерть. Друзья увидятъ конецъ мой безъ ужаса, безъ отвращенія; слабость человѣческая не представится имъ въ жалкомъ видѣ и въ послѣднія минуты свои могу еще смотрѣть на нихъ съ лаской и высказать имъ свое чувство. Потомство будетъ судить меня съ моими судьями. Память ихъ не уйдетъ отъ осужденія, а моя—сохранитъ къ себѣ навсегда уваженіе. Мнѣ отдадутъ справедливость и скажутъ, что я хотѣлъ не развращать, а исправить людей».

Въ такомъ расположеніи былъ Сократъ, когда ему слѣдовало явиться предъ судилищемъ геліастовъ, куда отослано было дѣло. Это судилище состояло изъ пятисотъ членовъ—судей.

Мелитъ и другіе обвинители, не теряя времени, приготовлялись къ обвиненію. Съ большимъ искусствомъ они собрали въ своемъ краснорѣчивомъ доносѣ все, что только могло предубѣдить судей не въ пользу Сократа. Вотъ главныя обвиненія Сократа, съ отвѣтами.

Первое. Сократъ не вѣритъ Аѳинскимъ богамъ, тогда какъ, по закону, каждый гражданинъ обязанъ ихъ почитать.

Не трудно было отвѣчать на это обвиненіе: всѣ знали и всѣ видѣли, что Сократъ и самъ часто, по общему народному обычаю, приносилъ жертвы и всегда бывалъ на общественныхъ жертвоприношеніяхъ; онъ, правда, возставалъ противъ суевѣрія и называлъ нелѣпостью усвоеніе богамъ страстей и злобы человѣка; но здѣсь дѣло шло о внѣшнемъ богопочтеніи, которое Сократъ всегда *исполнялъ*.

Мелитъ говорилъ далѣе, что Сократъ хотѣлъ ввести новыхъ боговъ, подъ именемъ «Геніевъ», иностранныхъ. Но Сократъ никогда не признавалъ этотъ голосъ за *особое* божество, а просто считалъ его за личное внушеніе свыше, и рѣшительно былъ далекъ отъ мысли, устроивать ему особое богослуженіе.

Второе обвиненіе: Сократъ развращаетъ юношество. Дѣло шло не о нравахъ обвиняемаго, а о его ученіи; говорили, что молодые люди научились отъ него разрывать союзы родства и дружбы. Указывали для примѣра на Алкивіада и Критія. Но

извѣстно было всѣмъ, что когда Сократъ вліялъ на нихъ, они жили хорошо, а плохими они сдѣлались именно отъ того, что не захотѣли слушать совѣтовъ мудреца.

Затѣмъ Мелитъ доносилъ, что Сократъ порицаетъ главное учрежденіе республики: право народа и обычай выбирать на важнѣйшія мѣста въ республикѣ своихъ довѣренныхъ лицъ, что̀ служило мѣрою къ сохраненію равенства между гражданами.

На это можно было сказать, что хотя Сократъ и высказывался противъ преобладанія и чрезмѣрной власти массъ народныхъ, но вовсе не противъ народа вообще, когда послѣдній спокойно и разсудительно рѣшалъ дѣла, а противъ массы, которою руководятъ злые и нечестные ораторы, и которая, увлекаясь страстями, злоупотребляетъ властью; это же мнѣніе тогда раздѣляли и всѣ благомыслящіе Аѳиняне. Наконецъ, за подобныя слова и по Аѳинскимъ законамъ нельзя было осудить *свободнаго* гражданина на смерть, какъ этого требовалъ доносчикъ.

Многіе друзья Сократа торжественно взялись защищать его, но въ самомъ совѣтѣ судей для Мелита были важною опорой голоса Анита и Ликона. Первый объявилъ, что обвиняемаго или совсѣмъ не должно судить, или должно осудить на смерть; потому что въ противномъ случаѣ, оправдавъ его, они дадутъ для дѣтей своихъ еще большее побужденіе вѣрить Сократу и увлекаться его ученіемъ.

Добрый мудрецъ, повинуясь уставу и обычаю, защищался съ твердостью правды и величіемъ добродѣтели. Въ тѣхъ рѣчахъ, копія которыхъ дошла до насъ, и быть можетъ, написаныхъ защитниками Сократа по образцу его рѣчи, мощно и величественно выражается великій характеръ Сократа, какъ истиннаго мудреца.

«Мнѣ болѣе 70-ти лѣтъ, говорилъ онъ предъ судьями, но я въ первый разъ являюсь передъ этимъ судилищемъ. Ваши обычаи, даже ваша рѣчь—все для меня ново. И я буду говорить языкомъ, для меня малоизвѣстнымъ. Объ одномъ прошу васъ,—имѣйте болѣе вниманія къ доказательствамъ, нежели словамъ. Ваша обязанность—испытывать справедливость, моя—говорить правду».

Доказавъ затѣмъ, что онъ не безбожникъ, Сократъ отвѣчаетъ на второе обвиненіе, что онъ развращаетъ юношество. «Говорятъ, я такъ поступаю,—пусть же назовутъ хотя одного

человѣка, котораго бы я развратилъ. Я вижу въ этомъ собраніи много своихъ учениковъ,—пусть встанутъ они и обличатъ своего злодѣя! Положимъ, ихъ можетъ удерживать нѣкоторое уваженіе къ сану наставника,—но чего же молчатъ ихъ отцы, братья, родственники?»

«Почему они не требуютъ моего наказанія? И почему Мелитъ не воспользовался ихъ свидѣтельствомъ? А потому, что они сами здѣсь явились не обвинять, а защищать меня».

Затѣмъ онъ обращается къ тому обвиненію, что будто бы Сократъ имѣетъ притязаніе на мудрость, которая «испытываетъ какъ небесныя, такъ и подземныя вещи».

«Меня называютъ *мудрымъ*», говоритъ онъ, «откуда и кѣмъ дано мнѣ это имя? Херефонъ спрашивалъ Пиѳію, а та рѣшила, что нѣтъ мудрѣе Сократа. Я разсуждалъ, какая бы мысль могла быть здѣсь, потому что я вовсе не считаю себя мудрымъ,—однако и богъ не лжетъ, потому что это ему не свойственно. Я ходилъ по всѣмъ мудрымъ и искалъ доказательствъ. Испытывалъ я политиковъ, но они не оказывались мудры; а возвращаясь, я думалъ, дѣйствительно у меня болѣе мудрости, чѣмъ у этого человѣка; потому что хотя мы оба не знаемъ ничего хорошаго и добраго, но онъ, не зная, почитаетъ себя знающимъ, а я, когда уже не знаю, то и не хвалюсь знаніемъ. У другихъ—тоже. И я только навлекъ на себя ненависть, желая имъ доказать, что они не мудры. Ходилъ къ поэтамъ, художникамъ; но всѣ они, владѣя своимъ искусствомъ, почитаютъ себя мудрѣйшими и во всемъ остальномъ, чего не умѣютъ и не знаютъ. Поэтому я удалился отъ нихъ, находя у себя предъ всѣми преимущество. Я спросилъ тогда себя именемъ оракула, что мнѣ выбрать: оставаться ли такимъ, каковъ я теперь, не желая быть ни мудрымъ ихъ мудростью, ни невѣждою—ихъ невѣжествомъ, или пріобрѣсть ту или другую принадлежность? Я рѣшилъ, что для меня полезнѣе оставаться такимъ, каковъ я теперь».

«Изъ этихъ-то изслѣдованій, Аѳиняне, возникла та ненависть противъ меня, ненависть жестокая и сильная, бывшая причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя *мудреца*, ибо присутствующіе думаютъ, будто въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ самъ мудрецъ».

«А на дѣлѣ то вѣдь, Аѳиняне, должно быть мудръ богъ, и его мысль та, что мудрость человѣческая маловажна и ничтожна. Да это, повидимому, не о Сократѣ и говорится,—мое имя имѣетъ здѣсь кажется значеніе примѣра, какъ бы сказано было:

«Между вами, люди, тотъ мудрѣе всѣхъ, кто, подобно Сократу, сознается, что по отношенію къ мудрости, онъ ничего не стоитъ».

«Спросятъ ли у меня», говоритъ онъ далѣе, «для чего я употребилъ столько лѣтъ на столь опасное изслѣдованіе? Отвѣчаю: жизнь и смерть ничто, какъ скоро мы можемъ быть полезны людямъ; я счелъ своимъ долгомъ наставлять ихъ и убѣжденъ, что такъ угодно самому небу. Я безстрашно стоялъ на войнѣ тамъ, гдѣ ставили меня мои начальники въ Амфиполисѣ, Потидеѣ и Делiѣ; но еще безстрашнѣе я долженъ хранить то мѣсто, какое боги назначили мнѣ среди васъ; не противясь ихъ волѣ, не унизивъ себя въ собственныхъ своихъ глазахъ, я не могу оставить его».

«Скажу болѣе,—если вздумаете оправдать меня съ тѣмъ условіемъ, чтобы я молчалъ, то я скажу:

«О судіи! Я люблю и почитаю васъ, но небу повинуюсь болѣе, нежели вамъ. Пока я живъ, не перестану говорить людямъ: не стыдно ли вамъ гоняться за богатствомъ, почестями и презирать драгоцѣнную мудрость, сокровище добродѣтели, которое должно облагородить ваше сердце? Всегда буду приступать къ нимъ съ просьбами и вопросами, обнаруживать ихъ ослѣпленіе и ложныя добродѣтели; доказывать, что они всего болѣе уважаютъ достойное презрѣнія».

«Вотъ что небо повелѣваетъ мнѣ всегда проповѣдывать юношамъ, старикамъ, гражданамъ, всѣмъ людямъ; и какъ мое повиновеніе волѣ божества есть для васъ благодѣяніе небесъ чрезъ меня, то, лишивъ меня жизни, вы отвергнете даръ небесный, а другаго такого же ревностнаго человѣка не найдете. Вступаясь за себя, я говорю за васъ. Анитъ и Мелитъ могутъ сколько имъ угодно злословить меня, выгнать изъ отечества, даже умертвить; но они безсильны повредить мнѣ: они несчастнѣе меня, потому что они несправедливы».

«Чтобы спастись отъ ихъ злобы, я не хотѣлъ слѣдовать примѣру другихъ обвиняемыхъ; я не хотѣлъ прибѣгнутъ къ тай-

ному пронырству, не хотѣлъ явно искать и упрашивать. Я на столько уважаю судей народа, что не считаю за нужное трогать душу ихъ слезами моими, рыданьемъ дѣтей и друзей моихъ».

«Только на театрѣ позволительно трогать сердце такими средствами: здѣсь должна говорить одна истина. Вы торжественно клялись судить по законамъ: пусть меня назовутъ безбожнымъ, если я заставлю васъ быть клятвопреступниками».

Эта мужественная и увѣренная въ себѣ сила подсудимаго для однихъ изъ судей показалась презрѣніемъ къ судилищу, для другихъ—самохвальствомъ и судьи рѣшили, что Сократъ *виновенъ*, хотя рѣшеніе имѣло на своей сторонѣ только *три* голоса лишнихъ.

По законамъ Аѳинскимъ наказаніе за вину опредѣлялось вторымъ рѣшеніемъ. Сократу предложили на выборъ три наказанія: денежную пеню, изгнаніе или вѣчное заключеніе.

Сократъ отвѣчалъ съ независимостью и сознаніемъ мудреца, которому истина дороже всего. Еще прежде отказавшись получить свободу подъ условіемъ, ничему не учить, и теперь коснувшись общаго предубѣжденія противъ него, онъ насмѣшливо удивляется, что по выслушаніи рѣчей его противниковъ, его осудили большинствомъ только *трехъ* голосовъ; но онъ защищалъ себя отъ обвиненія въ упорномъ самоослѣпленіи и отказался отъ выбора въ наказаніяхъ, говоря, что считая себя невиннымъ, онъ не имѣетъ права ничего принимать на себя; «что же касается до выкупа, заключилъ онъ свою рѣчь, то по моему искреннему убѣжденію, не мнѣ должно платить государству, а на оборотъ, государство обязано мнѣ, потому что, оказавъ важныя услуги республикѣ, я имѣю право жить въ Пританеѣ на счетъ народа».

Эта рѣчь рѣшила дѣло. Судьи взволновались, и даже подавшіе прежде голосъ за него перешли на противную сторону, и Сократа осудили умереть отъ яду теперь уже большинствомъ 18-ти человѣкъ.

IX.

Философъ выслушалъ приговоръ свой съ твердостью такого человѣка, который «всю жизнь учился умирать». Въ послѣдней рѣчи своей, онъ утѣшалъ тѣхъ судей, которые его оправдывали,

и говорилъ, что доброму не должно ничего бояться,—ни здѣсь, ни за гробомъ; а тѣмъ, которые обвиняли и осудили его, сказалъ, что ихъ вѣчно будетъ терзать совѣсть и презирать люди; что смерть для него—благо; что онъ не гнѣвается за ихъ злобу и заключилъ:

«Время идти намъ, мнѣ—умирать, а вамъ—жить. Чья же доля будетъ лучше, о томъ, кромѣ Бога, никто не знаетъ».

Затѣмъ онъ спокойно и безъ всякой перемѣны въ лицѣ оставилъ судебное собраніе, а замѣтивъ, что у многихъ на глазахъ слезы, онъ сказалъ: «Для чего это вы только *теперь* начали плакать? Развѣ вы не знаете, что я съ самаго уже дня рожденія природою осужденъ и назначенъ былъ *для смерти*»?

— «Но меня приводитъ въ отчаяніе, воскликнулъ Аполлодоръ, что ты умираешь невинный»!

«А развѣ тебѣ хотѣлось, чтобы я умеръ виновнымъ»? отвѣчалъ Сократъ съ улыбкою; и видя, что мимо проходилъ Анитъ, сказалъ: «Смотрите, какъ онъ гордится своимъ торжествомъ, а того не знаетъ, что побѣда всегда принадлежитъ добродѣтельному».

На другой день послѣ осужденія Сократа, священникъ Аполлона увѣнчивалъ цвѣтами корму того судна, на которомъ ежегодно Аѳиняне отправляютъ свои дары въ Делосъ. Законы запрещаютъ до возвращенія этого судна казнить кого-либо смертію. Поэтому Сократъ прожилъ въ темницѣ 30 дней, окруженный учениками, которые съ любовію внимали послѣднимъ словамъ наставника своего. Ихъ страшила разлука.

Нѣкоторые изъ учениковъ предложили планъ—украсть Сократа изъ темницы, и когда сообщили объ этомъ Сократу, тотъ разсмѣялся и спросилъ ихъ, а гдѣ они знаютъ такое мѣсто въ Аттикѣ, гдѣ смерть не поражала бы людей?

Критонъ и другіе друзья убѣждали его уйти изъ темницы, говоря, что всѣ мѣры взяты и что стража подкуплена, а въ Ѳессаліи можно съискать мирное убѣжище; что если онъ не хочетъ сдѣлать этого для себя, то—для дѣтей и для учениковъ своихъ долженъ принять совѣтъ и воспользоваться случаемъ.

«Добрый Критонъ,» сказалъ Сократъ, «усердіе твое не согласно съ тѣми правилами, которымъ я всегда слѣдовалъ. Ты говоришь, люди будутъ упрекать васъ, что вы не употребили

всѣхъ средствъ спасти своего учителя; но слѣдуетъ вѣрить не ихъ мнѣнію, а чувству справедливости, которое есть не что иное, какъ истина. Что же касается до дѣтей, то друзья, великодушно предлагающіе мнѣ теперь помощь, будутъ ихъ защитниками.»

Затѣмъ онъ развиваетъ мысль, что несправедливостью за несправедливость платить худо; если судьи нарушили законъ, то слѣдуетъ ли отсюда, что и ему должно нарушить законъ родины, бѣжать—и для чего! Для сохраненія малочисленныхъ дней старой и ничтожной жизни. «И пойду ли я, заключаетъ онъ, въ чужія земли для того, чтобъ оставить тамъ вѣчное воспоминаніе о своей слабости, о моемъ преступленіи; чтобы никогда не произносить уже словъ—справедливость, добродѣтель, законъ—безъ внутренняго стыда и укоризнъ отъ людей? Нѣтъ, другъ, будь спокоенъ и дай мнѣ идти путемъ, какой начертали мнѣ боги.

Наконецъ въ день смерти Сократа, рано утромъ явились 11 судей, для исполненія приговора и опредѣленія часа смерти. За ними вошли многіе изъ учениковъ его, ихъ было до 20. Ксантиппа стояла здѣсь же и держала на рукахъ сына. Увидѣвъ мужа, она рыдала и причитывала, выражая тѣмъ горе свое, пока Сократъ не попросилъ Критона, послѣ прощанья, увести ее съ дѣтьми домой.

Никогда еще Сократъ не казался ученикамъ своимъ такъ спокойнымъ и мужественнымъ, какъ въ эти минуты. Онъ спокойно, какъ и всегда, бесѣдовалъ съ ними. Въ послѣдній разъ онъ развилъ мысль, что никому не позволено насильственно прекращать свои дни, что всякій долженъ исполнять опредѣленія свыше; но, что повинуясь законамъ, онъ повинуется волѣ боговъ. Затѣмъ убѣдительно и съ особенною силою говорилъ объ истинѣ безсмертія души.

Когда же, по окончаніи рѣчи, ему предложили сдѣлать распоряженіе на счетъ его погребенія, то онъ шутливо сказалъ: «дѣлайте это сами, какъ угодно, если только схватите меня и я не убѣгу отъ васъ, мнѣ же все равно, буду ли я лежать въ гробницѣ, или въ чистомъ полѣ». Когда нѣкто замѣтилъ, что его тѣло могутъ терзать звѣри, если его бросить въ полѣ, то Сократъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ необходимо положить возлѣ него палку, которою бы онъ отгонялъ звѣрей. Но развѣ

мертвый можетъ, возразили ему, защищать себя, когда онъ безчувственъ? «А если я не буду ничего чувствовать мертвый, отвѣтилъ Сократъ, то къ чему же и заботы о мертвомъ тѣлѣ?»

Затѣмъ Сократъ упрекаетъ ласково слушателей, что они не убѣдились, что душа его останется жива, независимо отъ тѣла, и разъяснялъ, что въ умершемъ учителѣ нужно будетъ видѣть уже не Сократа, но только *тѣло* Сократа; и обратясь далѣе къ ученикамъ, прибавилъ: «Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; поручитесь теперь ему вы, что я уйду изъ этого бреннаго тѣла».

«Не поручишь ли ты намъ чего нибудь, относительно твоихъ дѣтей и хозяйства?» спросилъ у него Критонъ.

«Повторяю вамъ всегдашній совѣтъ мой», сказалъ Сократъ, «старайтесь быть добродѣтельны. Если вы исполните его, то мнѣ нѣтъ нужды въ вашихъ обѣщаніяхъ,—потому что ваше доброе сердце не позволитъ вамъ бросить сиротъ; если нѣтъ,—то всѣ обѣщанія безполезны».

Послѣ этого онъ вышелъ въ другую комнату съ Критономъ чтобъ омыться, а прочіе друзья приводили на память его разговоры, особенно послѣднюю бесѣду его о смерти и безсмертіи. Они лишались въ немъ лучшаго изъ друзей, снисходительнѣйшаго и разумнѣйшаго изъ отцевъ и плакали болѣе о себѣ, нежели о немъ. Между тѣмъ привели трехъ сыновей его; двое были еще очень малы. Сократъ далъ нѣкоторыя приказанія женщинѣ, которая ходила за ними и,ославъ ихъ домой, продолжалъ спокойно свою бесѣду съ друзьями.

Черезъ минуту вошелъ тюремный сторожъ.

— «Сократъ», сказалъ онъ, «тѣ осужденные, которымъ я, по обязанности своей, напоминаю о времени принимать ядъ, всегда осыпаютъ меня проклятіями; но какъ я ни разу не видалъ здѣсь ни одного подобнаго тебѣ человѣка, столь великодушнаго и кроткаго, то я убѣжденъ, что ты не оскорбишь меня; ты не будешь сердиться на меня и не станешь приписывать мнѣ своего несчастія, котораго виновники тебѣ извѣстны. Прости же! Будь счастливъ и постарайся сдѣлать необходимое». Онъ не могъ болѣе удержать слезъ, заплакалъ и, повернувшись, ушелъ. Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ: «какой добродушный и добродѣтельный человѣкъ! онъ во все это время часто навѣщалъ

меня и разговаривалъ; человѣкъ очень добрый, вотъ онъ и теперь оплакиваетъ меня.... Критонъ? надо его послушаться: дайте мнѣ ядъ, если онъ готовъ, а нѣтъ, такъ пусть сотрутъ скорѣй». (Ядъ приготовляли изъ сѣмянъ ядовитаго растенія цикуты, для чего растирали сѣмена растенія).

— «Но я думаю», сказалъ Критонъ, «что на вершинахъ горъ солнце еще не закатилось, а пока оно свѣтитъ, не спѣши, время терпитъ. Я многихъ зналъ, что они весело прощались и предъ смертью удовлетворяли своимъ пожеланіямъ».

«Тѣ, о которыхъ говоришь ты, по крайней мѣрѣ не безъ причины такъ поступали», сказалъ Сократъ; «они, конечно, думали найдти въ этомъ пользу, а я не имѣю причинъ поступать такимъ образомъ, потому что принявъ ядъ и позднѣе, ничего не выиграю, а только буду смѣшонъ самому себѣ, то-есть буду привязываться къ жизни и беречь ее, тогда какъ она для меня ничто. Такъ послушайся меня и сдѣлай, что я говорю».

Критонъ исполнилъ его волю, и слуга принесъ чашу съ готовымъ уже ядомъ.

«Хорошо, добрый человѣкъ», сказалъ Сократъ, «теперь разскажи, что и какъ мнѣ надобно дѣлать? Вѣдь ты знатокъ этого».

— «Ничего больше какъ выпить и ходить, пока не почувствуется тяжесть въ ногахъ, затѣмъ лечь, и дѣйствіе яда совершится», отвѣчалъ тотъ, подавая чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайнаго спокойствія, безъ трепета, ни мало не измѣнившись въ цвѣтѣ и въ выраженіи лица, только по своему обычаю, взглянувъ изъ подлобья, онъ спросилъ слугу:

«Что ты скажешь, если сдѣлать отъ этого напитка кому-нибудь возліяніе,—можно, или нѣтъ?

— «Мы столько стерли, Сократъ, сколько слѣдуетъ выпить».

«Понимаю, промолвилъ Сократъ, и, совершивъ моленіе, спокойно поднесъ чашу къ устамъ...

Въ эту страшную минуту ужасъ овладѣлъ всѣми присутствующими, всѣ были поражены: одни закрыли свою голову мантіями, другіе вскочили съ мѣстъ и отвернулись, чтобы не видѣть смерти, Сократъ же, безъ всякаго принужденія, спокойно выпилъ все.

Долго сдерживаемыя рыданья друзей глухо раздались въ комнатѣ смерти; юный Аполлодоръ, который плакалъ цѣлый день,

не могъ удержаться отъ крика невольнаго ужаса, въ которомъ сказалась вся горесть молодой души объ утратѣ столь глубоко уважаемаго и горячо любимаго учителя.

— «Что вы дѣлаете, друзья», сказалъ Сократъ,—я нарочно выслалъ отсюда женщинъ, чтобы не быть свидѣтелемъ такой слабости; вооружитесь твердостью. Я слыхалъ, что отъ смерти слѣдуетъ удалять все печальное».

Между тѣмъ, по совѣту тюремщика, который плакалъ вмѣстѣ съ другими, онъ ходилъ по темницѣ, и чувствуя наконецъ тяжесть въ ногахъ, сѣлъ на постель и закрылся мантіей. Давшій ядъ ощупывалъ Сократа, наблюдалъ его голени, и наконецъ, сильно подавивши его ногу, спросилъ Сократа, чувствуетъ ли онъ давленіе? «Нѣтъ», отвѣчалъ Сократъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ ощупывалъ бедра, и постепенно восходя, показывалъ ученикамъ, какъ постепенно холодѣлъ и окостѣнѣвалъ отравленный. Сократъ осязалъ самъ себя, и примолвилъ, что когда омѣртвеніе дойдетъ до сердца, онъ умретъ. Смертный холодъ разлился по его внутренности; но когда уже всѣ нижнія части и ноги его охладѣли и сердце едва билось, Сократъ, вдругъ разкрывшись, сказалъ: «Критонъ! мы должны Аскленію пѣтухомъ,—не забудьте же отдать».

— «Хорошо, не забудемъ», сказалъ Критонъ, «посмотри, не прикажешь ли еще чего?»—Сократъ уже не отвѣчалъ. Только немного спустя, онъ вздрогнулъ, мантія затрепетала на немъ; слуга снялъ ее и принялъ его послѣдній взоръ. Критонъ закрылъ ему глаза.

Такъ умеръ истинный мудрецъ, который одинъ, быть можетъ, имѣлъ право открыто предъ всѣми сказать: «Я былъ справедливъ во всѣхъ словахъ и дѣлахъ своихъ».

«Размышляя о мудрости и великодушіи этого человѣка, «говоритъ Ксенофонтъ, «не могу его не помнить, а вспоминая—не хвалить его. Если кто изъ любящихъ добродѣтель, знаетъ кого-либо лучше Сократа, то я сочту этого человѣка за счастливѣйшаго въ свѣтѣ».

Сократъ высоко ставитъ достоинство человѣка своимъ ученіемъ. Духъ человѣка—владыка природы. Истинная жизнь духа нравственность и добродѣтель, существо которыхъ состоитъ въ знаніи,—въ знаніи самаго себя, а затѣмъ—предметовъ, доступ-

ныхъ знанію. Слѣдуя всю свою жизнь правилу—«познай самаго себя», Сократъ дѣйствительно достигъ самопознанія въ высокой степени. «Онъ былъ, по словамъ Ксенофонта, такъ благочестивъ, что ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ; такъ справедливъ, что никого ни въ чемъ не обидѣлъ; такъ владѣлъ собою, что ни разу не предпочелъ пріятнаго доброму, и такъ былъ уменъ, что никогда не ошибался въ опредѣленіи прекраснаго и худаго».

С. Миропольскій.

КІЕВЪ, ВЛАДИМІРЪ и НОВГОРОДЪ.

I.

Въ древней Руси многое дѣлалось не такъ, какъ дѣлается въ наше время: были свои порядки, свои нравы, свои обычаи. Мы, напримѣръ, составляемъ одно нераздѣльное государство, во главѣ котораго стоитъ царь, передающій послѣ смерти своей власть старшему сыну—въ тѣ времена князь дѣлилъ свою область между сыновьями. Такимъ образомъ послѣ смерти князя Ярослава Владиміровича русская земля распалась на нѣсколько независимыхъ частей, потомъ эти части опять пошли дѣлиться на части, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока каждый болѣе или менѣе замѣчательный городъ не сдѣлался почти совсѣмъ независимымъ княжествомъ. Не хорошо бываетъ въ домѣ, когда въ немъ много хозяевъ, не хорошо было и святой Руси, которою управляли цѣлыя дюжины князей. Они постоянно ссорились другъ съ другомъ, отнимали другъ у друга земли, не стояли единодушно за отчизну во время нашествій такихъ враговъ, какъ напримѣръ Поляки, а иногда и сами наводили ихъ на Русь. Правда, князь Кіевскій, прозывавшійся великимъ княземъ, долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы князья младшіе или удѣльные не поднимали бури, а жили въ мирѣ и согласіи; но случалось, что великаго князя не слушали, грозили и ему войною и т. д. Иногда же бывало, что великіе князья забывали свою обязанность мирить князей и стоять за Русскую землю, а сами запускали руку въ чужой карманъ, т. е. тѣснили и обижали удѣльныхъ князей. Горько доставалось отъ этого народу

князья постоянно враждовали другъ съ другомъ, значитъ нуждались въ большой дружинѣ, которой, какъ мы знаемъ, надо было платить, а потому брали тяжкія подати съ народа; иногда, считая свою дружину недостаточно сильною для борьбы съ противникомъ, они принуждали и простой народъ браться за оружіе, не смотря на то, что этимъ подъ часъ лишали жену мужа, мать сына, дѣтей отца. Шелъ русскій человѣкъ сражаться, несъ подъ мечь свою буйную голову, оставляя и поле не обработаннымъ, и семью безъ куска хлѣба. Добро-бы еслибъ еще идти противъ иноплеменниковъ, а то чаще приходилось бороться со своимъ же единовѣрцемъ и братомъ изъ-за того, что между князей, какъ говорится, пробѣжала сѣрая кошка, что они разсорились изъ за пустяковъ.

Побѣда одной стороны надъ другою сопровождалась обыкновенно большими жестокостями: деревни сожигались, поля опустошались и т. д. А тѣмъ временемъ внѣшніе враги, пользуясь взаимною враждою князей, свободно расхаживали по нашему отечеству и безжалостно доканчивали разрушеніе и разграбленіе. Иногда народъ выходилъ изъ терпѣнія, собирался на вѣче, подымалъ бунтъ противъ князей своихъ, но на ихъ сторонѣ всегда была дружина, хорошо вооруженная и опытная въ военномъ дѣлѣ, которая обыкновенно усмиряла недовольныхъ. Дружинникамъ, конечно, пріятно видѣть постоянныя войны, потому что они знали, что, водворись миръ въ Русской землѣ, и тогда они не нужны князьямъ, которые не станутъ имъ ни платить жалованья, ни давать большихъ подарковъ. Да, наконецъ, въ военное время дружинники наживались грабежемъ, а потому они постоянно подстрекали князей къ междоусобіямъ. Князья обыкновенно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовались съ дружинниками, преимущественно съ храбрѣйшими и важнѣйшими изъ нихъ, которые назывались боярами, т. е. людьми большими, лучшими.

Русскіе князья всѣ были родственники, но тѣмъ не менѣе они позволяли себѣ разныя жестокости другъ противъ друга; всѣ они были христіане, но немногіе только понимали, что Христосъ велѣлъ жить въ мирѣ съ ближними и не обижать ихъ; всѣ они были рождены и воспитаны на Руси, но, не смотря на то, немилосердно терзали свою мать—кормилицу Русскую

землю. Случалось, что они цѣлыми десятками казнили своихъ подданныхъ за самыя ничтожныя преступленія, другъ другу выкалывали глаза, захватывали чужіе удѣлы, незаконно садились на чужой престолъ, силою и хитростью добывали себѣ великое княженіе Кіевское. Послѣднее должно было принадлежать старшему въ княжескомъ родѣ, а потому, послѣ смерти князя переходило не къ его сыну, а къ его брату, и только тогда, когда братьевъ не станетъ, отдавалось по старшинству сыновьямъ.

Уже при дѣтяхъ Ярослава начались смуты. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, былъ выгнанъ изъ Кіева Святославомъ, своимъ братомъ, и только по смерти послѣдняго воротился опять на Кіевскій престолъ, который, умирая, и передалъ другому брату—Всеволоду, княжившему прежде въ Переяславлѣ. Всеволодъ былъ князь добрый, но старый, и малоспособный къ государственнымъ дѣламъ, а потому въ управленіи ему очень много помогалъ сынъ его Владиміръ.

Молодой Владиміръ Всеволодовичъ былъ человѣкъ, какихъ мало. Рано онъ обучился грамотѣ, что не часто случалось въ тѣ времена даже въ княжескихъ семействахъ, и охотно посвящалъ свободное время чтенію разныхъ книгъ преимущественно духовнаго содержанія.

Образованный умъ его не могъ не понять истинныхъ правилъ вѣры Христовой, которую онъ соблюдалъ не только хожденіемъ въ церковь, не только постомъ и молитвами, но и добрыми дѣлами.

Еще при жизни своего отца онъ былъ извѣстенъ Кіевлянамъ за человѣка необыкновенно добраго и щедраго: ни одинъ нищій не отходилъ отъ него съ пустыми руками, ни одинъ обиженный, попросившій заступничества у Владиміра, не могъ въ немъ не замѣтить самаго искренняго желанія помочь горю. Владиміръ жертвовалъ много въ пользу церквей и монастырей, былъ со всякимъ ласковъ и обходителенъ, отличался гостепріимствомъ и въ этомъ отношеніи былъ очень похожъ на своего прадѣда, который, какъ извѣстно, задавалъ пиры для убогихъ и для богатыхъ. Снисходительный и ласковый къ добрымъ людямъ, Владиміръ былъ страшенъ для обидчиковъ и лиходѣевъ: дружинники его получали большое жалованье, богатые подарки, но грабить простой народъ они не смѣли, потому что за всѣмъ

слѣдило зоркое око неутомимаго князя. Никто никогда не видѣлъ его въ бездѣйствіи, солнце не заставало его въ постели. Свободное отъ занятій время Владиміръ посвящалъ чтенію книгъ или охотѣ, которую очень любили наши предки. На конѣ или пѣшкомъ онъ углублялся въ дремучіе лѣса, которыхъ тогда было гораздо больше на Руси, чѣмъ теперь, и преслѣдовалъ дикихъ звѣрей: медвѣдей, туровъ, лосей и волковъ. Храбростью и силою его Богъ не обидѣлъ, а потому даже опасная охота была для него пріятнымъ развлеченіемъ. И сколькимъ опасностямъ онъ подвергался! Онъ попадалъ на рога тура, подъ копыта лося, въ пасть волка, въ когти медвѣдя, но всегда выходилъ побѣдителемъ. Одна верховая ѣзда можетъ дать понятіе о томъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ: по сотнѣ и болѣе верстъ онъ могъ проскакать въ день на своемъ борзомъ конѣ, и не чувствовалъ отъ этого ни разстройства, ни усталости. Храбрый и неутомимый въ преслѣдованіи дикихъ звѣрей Владиміръ Всеволодовичъ на войнѣ былъ образцемъ для своей дружины и страшилищемъ для непріятелей. Въ походахъ онъ самъ распоряжался всѣмъ, самъ разставлялъ стражу, обходилъ лагерь, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, а если и спалъ, то не снимая тяжелаго вооруженія; никто изъ современныхъ ему князей не могъ такъ удачно расположить войска, такъ ловко пользоваться ошибками непріятеля. Владиміръ обыкновенно не только управлялъ войскомъ, но и самъ принималъ участіе въ каждой битвѣ. Гдѣ стрѣлы лѣтятъ тучами, гдѣ копья стоятъ лѣсомъ, гдѣ воины падаютъ какъ подрубленныя деревья—тамъ непремѣнно Владиміръ, ободряющій своихъ воиновъ и разшибающій тяжелымъ мячемъ непріятельскіе шлемы. За свои военные подвиги онъ получилъ прозваніе Мономаха (слово греческое, означающее—единоборецъ), такъ какъ неоднократно случалось, что онъ, будучи одинъ, выходилъ побѣдоносно изъ сраженія со многими противниками.

Конечно, бывало не разъ, что его покрывали ранами, но онъ скоро оправлялся и снова становился во главѣ войска, чтобы сражаться не за себя, а за русскій народъ, за русскую землю.

Онъ часто говаривалъ, что за правду и отечество готовъ положить животъ свой, и, говоря это, онъ не лгалъ, потому что вся жизнь его и въ мирѣ, и на войнѣ доказываетъ искренность

его словъ. Такимъ сыномъ Богъ одарилъ стараго великаго князя Всеволода Ярославича.

Когда скончался Всеволодъ, Кіевляне собрались на вѣче и рѣшили просить Владиміра Мономаха принять власть надъ ними.

Въ тѣ времена, какъ мы знаемъ, наслѣдовалъ престолъ не сынъ, а старшій въ родѣ. Послѣ смерти Ярослава старшимъ былъ Изяславъ, потомъ Святославъ, потомъ Всеволодъ, а когда всѣ братья Ярославичи сошли въ могилу, то старшинство принадлежало сыну старшаго изъ нихъ, т. е. Святополку Всеволодовичу. Владиміръ Мономахъ былъ не таковъ, чтобы ради власти нарушать законъ и потому отказалъ Кіевлянамъ въ ихъ просьбѣ, говоря, что если онъ сдѣлается великимъ княземъ, то на Руси настанутъ смуты, потому что Святополкъ будетъ оружіемъ искать престолъ, на который по старшинству онъ имѣетъ право. Владиміръ самъ послалъ за Святополкомъ, ввелъ его въ Кіевъ и потомъ удалился въ городъ Черниговъ.

Святополкъ не нравился Кіевлянамъ по многимъ причинамъ: онъ, во-первыхъ, бралъ съ народа большія подати, во-вторыхъ, позволилъ въ Кіевѣ селиться жидамъ, обманывавшимъ народъ въ торговлѣ и занимавшимъ нуждающимся деньги съ большими процентами, въ третьихъ,—позволялъ дружинѣ притѣснять мирныхъ жителей, просьбъ и требованій которыхъ онъ не хотѣлъ и слушать. Съ грустью народъ вспоминалъ про времена Всеволода, когда Владиміръ управлялъ государствомъ и не давалъ никого въ обиду; но, нечего дѣлать, народъ терпѣлъ и спокойно переносилъ самыя разнообразныя бѣдствія, которыя падали на его голову.

Ко всему этому присоединилась еще новая бѣда—Половцы. Они жили въ степяхъ, занимаемыхъ прежде Хозарами и Печенѣгами. По образу жизни они были большею частью кочевники, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ нападали на осѣдлую Русь, желали поживиться ея имуществомъ. Они грабили да жгли села и города, народъ уводили съ собою, а потомъ продавали въ рабство и такимъ образомъ дѣлали много вреда Русской землѣ. Своими жестокими и неосторожными поступками, самъ Святополкъ накликалъ на себя бѣду. Однажды къ нему пріѣхали послы отъ этого народа, а онъ безъ всякой причины велѣлъ ихъ перебить. Понятно, что Половцы разсердились и

стали мстить за кровь своихъ братьевъ. Большая толпа ихъ, преимущественно состоящая изъ конныхъ, бросилась на Русь и стала разорять её. Умные люди совѣтовали Святополку просить мира у враговъ и разными подарками задобрить ихъ, загладить свою вину; но великій князь, послушавшійся совѣта нѣкоторыхъ изъ своихъ дружинниковъ, рѣшился выступить противъ наѣзниковъ. «У меня», говорилъ онъ, «восемьсотъ своихъ воиновъ, можемъ противъ нихъ устоять». «Не мѣшало бы и тебѣ имѣть и восемь тысячь», говорили опытные, «потому что Половцевъ очень много. Если хочешь непремѣнно воевать, то хоть пошли за Владиміромъ въ Черниговъ и попроси, чтобъ онъ помогъ тебѣ. Святополкъ на это согласился и сдѣлалъ, какъ ему совѣтовали. Владиміръ не заставилъ себя долго ждать, когда видѣлъ, что дѣло идетъ объ избавленіи Руси отъ враговъ и пріѣхалъ въ Кіевъ съ дружиною. Но и Владиміръ видѣлъ, что силы мало для отраженія враговъ, а потому и онъ стоялъ за миръ съ Половцами. Святополкъ настаивалъ на войнѣ, и Владиміръ, уважающій старшаго родича и великаго князя, покорно пошелъ съ нимъ въ походъ, хотя и зналъ, что не быть добру. Кромѣ Святополка и Владиміра на Половцевъ пошелъ еще третій русскій князь—Ростиславъ. Верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева князья встрѣтились съ Половцами. Русскіе стояли по одной сторонѣ рѣки Стугны, Половцы по другой. Число послѣднихъ было громадно и далеко превосходило немноголюдную русскую рать. Святополкъ былъ до того храбръ, что велѣлъ перейти рѣку и начать битву. Половцы дружно напали на дружину Святополка, разбили ее и обратились на Владиміра съ Ростиславомъ. Борьба была продолжительная, но враги все же одолѣли и русское войско побѣжало. Между тѣмъ рѣка заграждала путь къ отступленію, и Русскіе должны были на коняхъ переплыть ее, чтобы спастись отъ преслѣдованія Половцевъ. Много тутъ воиновъ потонуло, много изъ плывущихъ, Половцы, стоя на берегу, перебили стрѣлами, пускаемыми изъ луковъ. Владиміръ, вмѣстѣ съ другими, тоже съ опасностью жизни переправлялся въ бродъ, какъ вдругъ видитъ, что Ростислава уноситъ теченіемъ и что ему грозитъ смерть. Владиміръ бросается самъ въ опасное мѣсто, но Ростислава спасти ужъ было нельзя, а теченіемъ схватило и Владиміра, котораго, впрочемъ, вѣрные дружинники спасли отъ не-

минуемой гибели. Послѣ этой несчастной битвы на берегахъ Стругны, Половцы разсѣялись по всему Кіевскому княжеству и много бѣдъ было отъ нихъ тогда Русской землѣ. Вотъ какъ одинъ очевидецъ описываетъ это смутное время: «Однихъ ведутъ въ полонъ, другихъ убиваютъ, иныхъ мучатъ, иные трепещутъ, видя смерть ближнихъ, другихъ морятъ голодомъ и жаждою. Города и села опустѣли. Въ полѣ, гдѣ прежде паслись кони, волы и овцы, тамъ теперь все выжжено; поля заросли травою, на нихъ поселились дикіе звѣри. Много христіанъ страдало въ плѣну: ведутъ ихъ печальныхъ, мучатъ зимою морозомъ; отъ голода, жажды и печали похудѣли ихъ лица, почернѣло тѣло; идутъ они по чужой землѣ наги и босы, говорятъ со слезами другъ другу». «Я изъ такого-то города», «я изъ такого-то села».

Половцы не унимались тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ русскихъ князей не совѣстились искать у нихъ помощи противъ своихъ же единоземцевъ. Таковъ, напримѣръ, былъ князь Олегъ, который обиженный на великаго князя за отдачу Черниговской области Мономаху, а не ему, нанималъ Половцевъ и съ ними распространялъ горе по всей землѣ, за что и названъ «Гореславичемъ». Владиміръ Мономахъ сжалился надъ Русскою землею и, въ своей любви къ отечеству дошелъ до того, что уступилъ добровольно Черниговъ дерзкому Олегу, а самъ пошелъ въ младшій городъ Переяславль. Потомъ этотъ же князь созвалъ родственниковъ—князей въ городъ Любечь на съѣздъ и здѣсь убѣждалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи ради любви къ Русскому народу и Русской землѣ.

Но не суждено было исполниться желаніямъ Владиміра Мономаха: Любечскій съѣздъ успокоилъ не всѣхъ, а, напротивъ, сдѣлался поводомъ для новыхъ преступленій. Волынское княжество, находившееся на западной сторонѣ Руси, было раздѣлено на двѣ части: одна принадлежала князю Василько, другая—князю Давиду. Послѣдній давно уже замышлялъ зло на своего сосѣда, но, не осмѣливаясь напасть на него открыто, рѣшился дѣйствовать хитростью. Онъ сталъ наговаривать на Василька передъ великимъ княземъ Святополкомъ и до того успѣлъ подвести ловко интригу, что послѣдній повѣрилъ, будто Василько замышляетъ убить и его, и другихъ князей, и самъ хочетъ завладѣть всѣми удѣлами, чего

на самомъ дѣлѣ никогда не было. «Если», продолжалъ свою нечестную рѣчь Давидъ, «не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ на Волыни». Василько тѣмъ временемъ шелъ безъ дружины изъ Любечскаго съѣзда мимо Кіева къ себѣ домой. Святополкъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не уходилъ отъ его имянинъ, которыя должны были скоро случиться, но приглашенный отвѣчалъ, что ему нѣтъ времени, а потому онъ не заѣдетъ погостить въ Кіевѣ. «Видишь», продолжалъ пошептывать коварный Давидъ, «въ твоей области, на твоей землѣ и то знать тебя не хочетъ; что же будетъ, когда онъ вернется къ дружинѣ своей и станетъ во главѣ ея? Схвати его и отдай его мнѣ. Святополкъ пуще прежняго сталъ подозрителенъ и потому рѣшился исполнить совѣтъ Давида. «Если не хочешь остаться до имянинъ», послалъ онъ сказать Василько, «то зайди хоть на время повидаться съ нами».

Василько, не подозрѣвая коварныхъ замысловъ, отправился къ Кіевскому князю. Правда, его предупреждали о томъ, что не доброе дѣло затѣевается въ Кіевѣ, но храбрый Василько не хотѣлъ и допустить, чтобы противъ него нарушили и гостепріимство, и присягу, данную въ Любечѣ, жить въ мирѣ и не дѣлать другъ другу зла. Когда гость пріѣхалъ во дворецъ Святополка, то былъ встрѣченъ весьма дружественно. Хозяинъ и Давидъ поздоровались съ нимъ, побесѣдовали, наконецъ, первый вышелъ, чтобы распорядиться, какъ онъ говорилъ, на счетъ завтрака. Давидъ былъ блѣденъ и молчаливъ, какъ человѣкъ, который самъ страшится тяжести своего грѣшнаго намѣренія. Наконецъ вышелъ и Давидъ изъ компаты, а на оставшагося въ ней Василька напали вооруженные люди и заковали его въ цѣпи. Василько былъ выданъ Давиду, который немедленно вывезъ его изъ Кіева. Святополка однако мучила совѣсть, и потому онъ сталъ спрашивать Кіевлянъ, хорошо ли онъ, по ихнему мнѣнію, поступилъ? «Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову», говорили Кіевляне, «если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать, если-же неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ».

Между тѣмъ несчастнаго Василько везли подъ стражею въ городъ Давида. На одномъ ночлегѣ люди Давида бросились на Василько съ цѣлью выколоть ему глаза по повелѣнію своего господина. Василько, не смотря на тяжкія оковы, храбро защи-

щался, но, наконецъ, нападающіе одолѣли его, повалили на полъ, прикрыли досками, сѣли на эти доски, чтобы помѣшать ему барахтаться и острымъ ножемъ выкололи ему глаза. Несчастнаго слѣпца безъ чувствъ положили въ телѣгу и повезли далѣе. Доѣхавъ до городка Воздвиженска, сняли съ Василько окровавленное платье и бѣлье и отдали все это одной женщинѣ, чтобы вымыть. Василько очнулся, ощупалъ грудь и, чувствуя, что на немъ нѣтъ прежней одежды, сказалъ съ горечью: «Зачѣмъ сняли её съ меня? Пусть бы я въ окрававленной сорочкѣ умеръ и въ такомъ видѣ предсталъ предъ судъ Господній». Василька привезли въ городъ Давида Владиміроволынскъ и заключили въ темницу, приставивъ къ ней тридцать сторожей, а города и села несчастнаго князя Давидъ взялъ себѣ.

«Зла такого никогда не было на русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ»! воскликнулъ Владиміръ Мономахъ, ужасаясь о томъ, что случилось въ Кіевѣ. Онъ немедленно разослалъ гонцевъ ко всѣмъ князьямъ русскимъ и призывалъ ихъ ополчиться на тѣхъ, которые пролили братнюю кровь. Сильныя рати Мономаха и другихъ князей подступили къ Кіеву, чтобы наказать преступнаго великаго князя, который вмѣсто того, чтобы мирить ссорившихся и справедливо разбирать недоразумѣнія между князьями, самъ допустилъ въ своемъ города, жестокое преступленіе. Кіевляне выслали ко Владиміру пословъ и просили его не губить народа новою усобицею, а Святополкъ каялся и всю вину клалъ на Давида. Хотя Владиміру и больно было видѣть обиды, нанесенныя Василько, тѣмъ не менѣе онъ разсудилъ, что поднимать войну со Святополкомъ, брать города, топтать жатву на поляхъ, жечь села, избивать людей, которые совсѣмъ не виновны въ преступленіи и не могутъ отвѣчать за недостойное поведеніе своихъ государей, было-бы несправедливо. «Такъ какъ все это», сказалъ Владиміръ Святополку, «падѣлалъ, какъ ты говоришь, Давидъ, то ступай ты на Давида и либо схвати его, либо выгони вонъ». Святополкъ не смѣлъ сопротивляться и пошелъ войною на Давида. Такимъ образомъ Мономахъ, не будучи великимъ княземъ управлялъ дѣлами на Руси и смирялъ даже великаго князя тогда, когда послѣдній забывалъ свои обязанности. Наконецъ дѣло кончилось опять съѣздомъ въ городѣ Видичевѣ, гдѣ князья положили наказать

Давида отнятіемъ у него Волынскаго княжества, которое цѣликомъ перешло къ Василько. Послѣдній, говорятъ, не смотря на свою слѣпоту, управлялъ хорошо и неоднократно вмѣстѣ съ храброю дружиною отражалъ нашествія своихъ сосѣдей Поляковъ.

Этимъ не кончились заботы Мономаха о благѣ русской земли, онъ сталъ убѣждать князей, преимущественно Святополка, собрать возможно большее количество воиновъ и ударить на Половцевъ, чтобы, наконецъ, смирить ихъ и отучить отъ набѣговъ на Русь. Владиміръ и Святополкъ сидѣли въ палаткѣ, вокругъ стояли старѣйшіе изъ дружинниковъ, и всѣ молчали. Наконецъ заговорилъ Владиміръ: «Братъ, ты старшій, начни говорить, какъ бы намъ помыслить объ Русской землѣ?» «Лучше ты, братъ, говори,» сказалъ Святополкъ. «Какъ мнѣ говорить?» продолжалъ снова Владиміръ; «противъ меня будетъ и твоя дружина, и моя, скажутъ, что призывая людей на войну и употребляя для этой цѣли подводы и лошадей смердовъ нашихъ (смердами тогда назывались поселяне), я погублю полевыя работы; но я дивлюсь одному: какъ вы людей жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ смердъ весною пахать поле, а тутъ вдругъ наѣдетъ Половчанинъ, ударитъ его своею стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ. Объ этомъ-то вы подумайте».

«И въ самомъ дѣлѣ такъ!» воскликнули единодушно дружинники, выслушавъ умную рѣчь Владиміра.

«Я готовъ, братъ, идти съ тобою», выговорилъ Святополкъ. «Великое, братъ, добро сдѣлаешь всѣй Руси», прибавилъ Мономахъ.

Такимъ образомъ рѣшено было выступить на Половцевъ. Къ Святополку и Владиміру пристали и другіе князья, которые единодушно признали главнымъ начальникомъ Владиміра. Легко было на душѣ у Владиміра, когда между князьями онъ видѣлъ не кровавый раздоръ, а готовность помогать другъ другу въ добромъ дѣлѣ. Дружина русскихъ князей была вооружена на славу: она, правда, не имѣла ни пушекъ, ни ружей, потому что употреблять въ дѣло огнестрѣльное оружіе тогда не умѣли, но она была для своего времени изготовлена отлично. Почти всѣ воины были одѣты въ желѣзныя латы, т. е. кафтаны, защищавшіе тѣло отъ ударовъ непріятельскихъ мечей. Головы воиновъ покрывали желѣзные и мѣдные

шлемы (шапки), которые были разной формы, но чаще всего кверху съуживались и оканчивались какъ-бы тонкою палочкой. Кромѣ панцыря и шлема каждый воинъ имѣлъ щитъ, желѣзную или прочную деревянную доску, которую держалъ въ лѣвой рукѣ и заставлялъ ею часть тѣла, подвергавшуюся опасности. Главнымъ оружіемъ были мечи или сабли, которые имѣли различную форму: то форму креста, то были выгнуты впередъ. Мечи представляли собою короткое оружіе; болѣе-же длинное составляли копья, которыми можно было и колоть, и метать въ непріятеля. Для разстоянія еще болѣе отдаленнаго употреблялись стрѣлы съ желѣзными наконечниками, пускаемыя изъ луковъ. Кромѣ того одни изъ воиновъ имѣли булавы или палицы, толстыя съ одного конца, а съ другаго тонкія, у иныхъ за поя-

сомъ торчали кинжалы, т. е. длинные ножи. Это оружіе у бога-

тыхъ было красиво отдѣлано: на щитахъ помѣщались изображенія креста, разныхъ цвѣтовъ и растеній; рукоятки и ножны мечей были украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями. Нужно было имѣть не нашу силу, чтобы удержать на туловищѣ тяжелую желѣзную одежду, да ловко владѣть копьемъ въ двадцать—тридцать фунтовъ; но предки наши, сражавшіеся подъ предводительствомъ Владиміра Мономаха, хаживали, по примѣру своего князя, самъ-другъ на медвѣдей, ѣзживали верхомъ по сту верстъ въ день, а потому не удивительно, что какъ мы тросточкой, они владѣли тяжелымъ копьемъ, какъ мы зимнею одеждою, они не тяготились тяжелыми панцырями.

Отслуживъ торжественный молебенъ, князья двинулись въ степи Половецкія, внизъ по Днѣпру. Пѣшая дружина поплыла въ лодкахъ, конная отправилась по берегу. Много малыхъ и двѣ большихъ битвъ выиграли русскіе князья. Половцы, подобно густому лѣсу, обступали Русскихъ, но послѣдніе, предводимые своимъ дѣльнымъ начальникомъ, всегда умѣли выйдти изъ затруднительнаго положенія и обратить въ бѣгство непріятелей, которые со страхомъ повторяли имя Владиміра Мономаха и, завидѣвъ его въ битвѣ на борзомъ конѣ, съ поднятымъ вверхъ мечемъ,—бѣжали въ испугѣ, а подъ вліяніемъ страха, имъ чудилось, что какія-то невѣдомыя, сверхъестественныя силы сражаются за русскаго князя. «Какъ намъ съ вами биться», говорили половецкіе плѣнные, «другіе ѣздятъ надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ да помогаютъ вамъ».

Вскорѣ послѣ этого знаменитаго похода скончался Святополкъ. Много отъ его гордости и нечестности натерпѣлась Русь крещенная, много выстрадали его подданные Кіевляне. Между тѣмъ они еще не забыли тѣхъ блаженныхъ временъ, когда въ стѣнахъ ихъ города жилъ при старомъ отцѣ Мономахъ, славою котораго и теперь полна была Русь. «Никого не хотимъ княземъ кромѣ Владиміра!» дружно воскликнули Кіевляне на вѣчѣ и послали пословъ въ Переяславль. Владиміръ, однако, и на этотъ разъ не хотѣлъ идти въ Кіевъ, признавая права старшинства за Олегомъ. «Не хотимъ Гореславича!» вопили Кіевляне, «хотимъ Владиміра! Пусть онъ идетъ на престолъ отца своего и дѣда! Если онъ не пойдетъ, мы пограбимъ и жидовъ, и бояръ, и монастыри, и онъ будетъ отвѣчать передъ Богомъ за наши грѣхи». Влади-

миръ видѣлъ, что, въ случаѣ втораго отказа съ его стороны, произойдетъ смута; онъ зналъ, что Олегъ человѣкъ драчливый и ненадежный, неспособный водворить миръ между князьями, онъ убѣдился, что вся Русская земля раздѣляетъ желанія Кіевлянъ; поэтому онъ отправился въ Кіевъ и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ. Никто не осмѣлился оспаривать у него этого права, и самъ Олегъ покорно преклонилъ голову передъ новымъ начальникомъ. Слава Владиміра широко разнеслась по міру, и царь греческій прислалъ поздравительное письмо и дорогіе подарки: крестъ животворящаго дерева, бармы, сердоликовую чашу и царскую корону. Эта корона снизу на мѣху, золотая, усыпанная драгоцѣнными камнями, сохранилась до нынѣ и носитъ названіе шапки Мономаха. Со вступленіемъ на престолъ новаго великаго князя Кіевъ избавленъ былъ отъ тяжелыхъ податей, отъ обмановъ жидовъ и отъ высокихъ процентовъ, платимыхъ ростовщикамъ. Половцы не смѣли преступить русскихъ границъ, а удѣльные князья вредить землѣ и людямъ междоусобными войнами.

Правда, были и такіе, которые пытались не слушаться Владиміра, но они всегда были строго наказываемы за это, а потому, наконецъ, смирились. Такимъ напр. былъ Глѣбъ, князь Минскій. Владиміръ, надѣясь на Бога и на правду, пошелъ и осадилъ Минскъ.

Глѣбъ, полагая, что великій князь долго подъ городомъ стоять не будетъ, заперся и отказался отъ переговоровъ; но Владиміръ, всегда настойчиво преслѣдовавшій ту цѣль, которую себѣ поставилъ, продолжалъ осаду. Глѣбъ полагалъ, что онъ отступитъ съ пришествіемъ зимняго времени года, однако не тутъ-то было: Владиміръ велѣлъ строить въ своемъ лагерѣ теплыя избы и тѣмъ доказалъ, что будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не возьметъ города. Тогда Глѣбъ увидѣлъ, что сопротивляться настойчивому и храброму князю трудно, вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщалъ во всемъ его слушаться.

Такъ-то Владиміръ радѣлъ о Русской землѣ, такъ-то онъ защищалъ ее отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; неудивительно, что народъ возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ и, узнавъ объ кончинѣ своего защитника и благодѣтеля, залился горькими слезами.

II.

Сильные морозы стукнули на Руси въ сорокъ четвертый годъ послѣ смерти Мономаха. Рѣки и болота покрылись толстымъ льдомъ, по всей землѣ можно было свободно ходить, не разбираючи пути. Этакое время было самое удобное для всякихъ нашествій, потому что никакія естественныя преграды не стояли тогда на дорогѣ наѣздникамъ. И Кіеву въ эту зиму пришлось испытать осаду. Наконецъ весеннее солнышко выглянуло изъ за тучь, тающій снѣгъ мутными потоками сталъ сбѣгать съ поверхности земли, теплый воздухъ такъ и манилъ въ поле, гдѣ надо было уже начинать обыкновенный земледѣльческій трудъ; но не видно было пахаря на поляхъ Кіевскихъ: не пѣсни работниковъ раздавались тамъ, а крикъ галокъ и вороновъ, собравшихся попитаться трупами убитыхъ; не острый плугъ бороздилъ сыру землю, а стальныя конскія подковы. Наконецъ случилось несчастіе и съ самимъ златоверхимъ Кіевомъ, съ дорогимъ городомъ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха. Стѣны города были пробиты, а грубое непріятельское воинство вторглось въ него, какъ непреодолимая въ своемъ теченіи рѣка. Горсть храбрецовъ пыталась противустоять, она, сбитая съ разрушенныхъ стѣнъ, укрѣплялась на улицахъ и площадяхъ; но съ каждою минутою становилось безстрашныхъ все меньше и меньше, и наконецъ всѣ они пали подъ ударами мечей враговъ своихъ. Князю Кіевскому Мстиславу не достало духу до конца побороться за свою родину, и онъ бѣжалъ, оставивъ стольный городъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ непріятели, не встрѣчая уже открытаго сопротивленія, разбѣжались по городу и безпощадно предавали смерти всякаго человѣка, даже женщинъ и дѣтей, встрѣчавшихся на пути. Многіе Кіевляне въ отчаяніи запирались въ домахъ и не подпускали къ себѣ жестокихъ гостей; но послѣдніе, не желая подвергаться опасности при нападеніи на такіе дома, поджигали ихъ, и мужественные защитники гибли въ пламени. Вотъ на одной изъ городскихъ площадей появился отрядъ всадниковъ, закованныхъ въ латы, впереди ѣхалъ начальникъ. Шлемъ покрывалъ его голову, даже лица нельзя было разглядѣть, но его величавая осанка, почтительность, съ которой къ нему относились окружающіе, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что во главѣ

отряда ѣхалъ никто иной какъ князь. Крестъ изображенъ былъ на его щитѣ, икона Божіей Матери красовалась на знамени, а потому бѣдный, оставшійся въ живыхъ, народъ Кіевскій падаетъ ницъ передъ нимъ и умоляетъ его, именемъ Спасителя и Богородицы, не допускать окончательнаго разоренія. Князь ѣдетъ впередъ, не обращаетъ вниманія на просьбы и моленія побѣжденныхъ и даетъ рукою знакъ перебить несчастныхъ. Воинамъ не нужно два раза повторять приказанія: они набрасываются съ большею яростью, стоны распростаняются по всему городу, пожаръ показывается то на томъ, то на другомъ концѣ города, а побѣдители убиваютъ и грабятъ, захватываютъ имущество частныхъ людей, не уважаютъ даже и монастырей, проникаютъ въ богатыя кіевскія церкви. Два дня продолжался грабежъ, сопряженный съ убійствомъ, и побѣдители успокоились только тогда, когда устали.

Кто-же эти жестокіе воины—побѣдители? это были Русскіе, и во главѣ ихъ внукъ Владиміра Мономаха, князь Андрей, по прозванію Боголюбскій.

Самъ Мономаховичъ разгромлялъ тотъ городъ, за который проливалъ кровь свою Мономахъ! Андрею Боголюбскому, князю Суздальскому, захотѣлось быть великимъ княземъ, и вотъ онъ изгналъ изъ Кіева Мстислава и надѣлъ на себя шапку Мономаха. Но незачѣмъ ему было оставаться въ Кіевѣ: городъ этотъ представлялъ собою теперь кучу развалинъ, между которыми тамъ и сямъ уцѣлѣли большія зданія да стояли опустѣвшія крѣпкія каменныя стѣны. По этимъ развалинамъ бродилъ бѣдный, ограбленный до послѣдней нитки народъ, рыдая и ломая себѣ руки при видѣ тѣхъ несчастій, которыя его настигли. Нечего было дѣлать Андрею въ опустошенномъ, печальномъ Кіевѣ, а потому онъ, забравъ оттуда всѣ болѣе или менѣе значительныя драгоцѣнности, пустился въ обратный путь, въ свой стольный городъ Владиміръ на рѣкѣ Клязмѣ, который дѣлается теперь главнымъ стольнымъ городомъ для всей Руси.

Владиміръ на Клязьмѣ былъ городъ новый и построенъ онъ былъ гораздо великолѣпнѣе стараго города Суздаля, который прежде былъ столицею Суздальскихъ князей. Андрей не жалѣлъ денегъ на то, чтобы украсить Владиміръ на сколько возможно лучше. Онъ выписывалъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, кото-

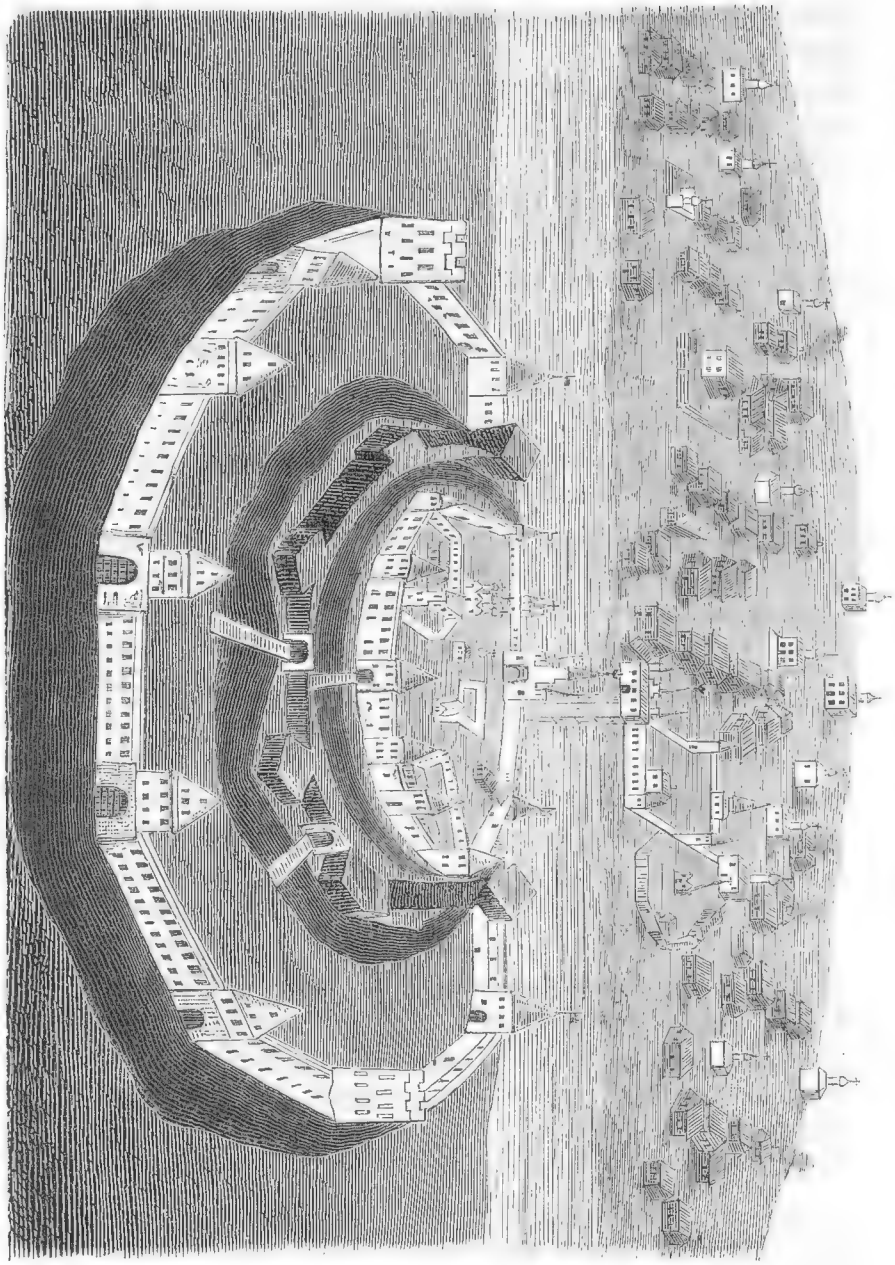
рые строили палаты и церкви, и особенно послѣднихъ очень много воздвиглось, благодаря князю Андрею. Говорятъ, что онъ самъ любилъ присматривать, какъ работали при постройкахъ, самъ чертилъ планы, охотно бесѣдовалъ съ людьми, искустными въ строительномъ дѣлѣ. Потомъ, кончивъ зданіе, онъ показывалъ его всѣмъ гостямъ, случившимся у него, показывалъ всѣ интересныя вещи и объяснялъ, какъ дѣлалось то, какъ другое. А было на что посмотрѣть! Владиміръ при Андреѣ украсился такими церквями, какихъ и не было въ другихъ русскихъ городахъ. Богатства этихъ церквей были чрезвычайно значительныя: икона Божіей Матери, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою и захваченная Андреемъ въ Кіевѣ, была украшена золотою ризою въ триста фунтовъ и помѣщена въ одномъ изъ Владимірскихъ соборовъ.

Но Андрей мало жилъ во Владимірѣ, а большею частью проводилъ время въ сосѣднемъ селеніи Боголюбовѣ, отъ котораго и получилъ свое прозваніе. По нраву онъ былъ не похожъ на другихъ русскихъ князей и хотѣлъ, чтобы его воля была для всѣхъ закономъ. Даже старшіе дружинники, бояре, съ которыми всегда совѣтовался Мономахъ, не пользовались расположеніемъ Андрея, который всѣ дѣла рѣшалъ по своему усмотрѣнію, а если и спрашивалъ совѣта, то развѣ у своего ключника Анбала. Этотъ Анбалъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія, ревностною службою стяжавшій себѣ любовь Владимірскаго князя, который изъ ничтожнаго званія возвысилъ его и считалъ самымъ преданнымъ и самымъ умнымъ изъ всѣхъ придворныхъ. Андрей былъ нравомъ суровъ и казни зачастую совершались въ землѣ его. Онъ хотѣлъ, чтобы и другіе князья его уважали и слушали, какъ Владиміра Мономаха, но принуждалъ ихъ къ этому совсѣмъ не такими средствами какъ дѣдъ его: послѣдній былъ добръ, ласковъ, не гордъ, но справедливъ, внукъ же былъ страшенъ, грозенъ, силенъ и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить свои собственныя владѣнія. Послѣ взятія Кіева ни одинъ изъ князей не смѣлъ равняться съ Андреемъ по силѣ и могуществу, и каждый, кто оказывалъ хоть малѣйшее сопротивленіе его волѣ, терялъ свой удѣлъ. «Не велю тебѣ быть въ Русской землѣ, ступай вонъ», говорилъ Андрей провинившемуся, и слово его исполнялось свято, потому что въ про-

тивномъ случаѣ нагрянетъ суздальская дружина, перебьетъ много народу, разрушитъ городъ и, пожалуй, захватитъ непокорнаго князя, которому не сдобровать въ рукахъ престрогаго Андрея. Рѣдко кто осмѣливался сопротивляться Андрею, и только одинъ Новгородъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, успѣшно отбивался отъ его рати.

Однажды Андрей за какую-то вину велѣлъ казнить боярина Кучковича! Родственники казненнаго сильно озлобились за это на своего князя и стали замышлять на него злое дѣло. Они составили заговоръ и согласились между собою умертвить Андрея. Къ нимъ присталъ и Анбалъ, измѣнившій своему князю и обѣщавшій заговорщикамъ помочь въ ихъ нечистомъ дѣлѣ. Анбалъ, какъ близкій совѣтникъ князя, всегда имѣлъ доступъ въ его покои, а потому взялъ на себя обязанность припрятать мечь, который всегда стоялъ у Андреевой постели, и которымъ князь могъ-бы въ случаѣ нападенія защищаться. Ночью заговорщики съ оружіемъ въ рукахъ пошли къ княжеской спальнѣ. Совѣсть ихъ была не чиста, а потому они потеряли присутствіе духа и безъ всякой видимой причины бросились бѣжать назадъ. Немного спустя, выпивъ для храбрости вина и меду, они воротились въ числѣ двадцати человѣкъ и стали стучать въ дверь спальни князя. «Кто тамъ»? вскричалъ, пробужденный отъ сна, Андрей. «Прокопій», отвѣчали ему изъ за двери. Одного любимаго слугу Андрея звали Прокопіемъ, а потому заговорщики, называя себя его именемъ, думали обмануть князя и заставить его открыть дверь. Но Андрей узналъ обманъ по голосу и сталъ догадываться, что тутъ дѣло не безопасное. «Какой Прокопій! вовсе не Прокопій», сказалъ Андрей мальчику, спавшему въ его комнатѣ, и хотѣлъ взять мечь, чтобъ приготовиться къ защитѣ. Меча не оказалось, такъ какъ Анбалъ успѣлъ его припрятать раньше; заговорщики между тѣмъ, выломавъ дверь, ворвались въ спальню и бросились на князя. Тотъ опрокинулъ одного изъ нихъ на полъ, а другіе, думая въ темнотѣ, что упалъ князь, стали бить своего же собрата, но, замѣтивъ ошибку, принялись за Андрея, который боролся съ ними и кричалъ: «Горе вамъ, нечестивцы, какое зло я вамъ сдѣлалъ? Если прольете кровь мою, то Богъ отмститъ вамъ за мой хлѣбъ». Наконецъ князь, изсѣченный мечами и исколотый копьями, упалъ на полъ, а враги, думая, что онъ умеръ, вышли изъ комнаты.

Андрей между тѣмъ собрался съ послѣдними силами, съ воплемъ выползъ въ сѣни и сталъ звать на помощь. Убійцы, услыхавъ его голосъ, стали разсуждать, что они пропали, если Андрей останется живъ, воротились, вытащили его изъ за колонны, за которую онъ спрятался и снова принялись бить. «Господи! въ руки Твои предаю духъ мой», воскликнулъ несчастный и упалъ на этотъ разъ безъ жизни. На другой день убійцы принялись грабить имущество Андрея, набрали себѣ много денегъ, драгоцѣнныхъ вещей и т. д. Къ нимъ присоединились и другіе жители Боголюбова и дѣлали то же. Пришелъ Кузьма Кіевлянинъ, вѣрный слуга убитаго, сталъ плакать и спрашивать: «Гдѣ князь, котораго вы нечестно умертвили»? Ему отвѣчали: «Лежитъ тамъ выволоченъ въ огородѣ; только ты не смѣй брать его, всѣ согласились выбросить его псамъ; если кто подойдетъ къ нему, тотъ намъ врагъ? «Но вѣрный слуга и другъ не устрашился этой грозной рѣчи, пошелъ въ огородъ, преклонился надъ трупомъ, плакалъ и приговаривалъ: «Господинъ мой! какъ ты не почуялъ, что къ тебѣ идутъ нечестивые враги, и какъ ты не побѣдилъ ихъ»? Такъ какъ убійцы были чрезвычайно хищные люди, то они даже дошли до того, что пожалѣли для покойника хоть кое какой одежды и бросили его въ огородъ совсѣмъ нагимъ, то Кузьма, увидавъ въ окнѣ княжескаго дома вѣроломнаго Анбала, закричалъ ему: «Сбрось, вражій сынъ, коверъ или что-нибудь другое, чѣмъ прикрыть господина нашего». Анбалъ отвѣчалъ: «Ступай прочь, мы хотимъ выбросить его псамъ». Кузьма опять закричалъ: «Ахъ ты еретикъ! Помнишь ли, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда, а теперь ты въ бархатѣ стоишь, а князь нагой лежитъ. Скинь что-нибудь». Ключникъ сбросилъ съ окна коверъ и кусокъ сукна, а Кузьма завернулъ тѣло князя и громко рыдалъ, говоря: «Уже и рабы тебя, господина своего, знать не хотятъ. Бывало, пріѣдетъ-ли гость какой изъ Царьграда, или изъ иныхъ странъ, даже язычникъ когда пріѣдетъ—князь сейчасъ скажетъ, чтобы ему показали церковь и ризницу, чтобы онъ увидѣлъ величіе Бога. Болгаре и жиды крестились, а теперь тѣла княжескаго не вѣлятъ въ церковь положить». Наконецъ, когда страхъ передъ убійцами прошелъ, дня черезъ два Андрея положили въ церковь, отпѣли, потомъ повезли во Владиміръ, гдѣ и схоронили.



Древній Новгородъ.

III.

Приложенная къ нашему разсказу картина изображаетъ древній Новгородъ, во время осады его княземъ Андреемъ Бого-

любскимъ. Картина эта рисована за много столѣтій до насъ, а потому и не удивительно, что сравнительно съ нашими картинами она очень плоха. Въ прежнія времена хорошо рисовать не умѣли, а потому и довольствовались такими картинами. Но, не смотря на недостатки свои, картина даетъ намъ понятіе о расположеніи города. Рѣка Волховъ раздѣляетъ его на двѣ стороны, Торговую и Софійскую. Въ послѣдней находился храмъ св. Софіи, который легко отличить отъ другихъ церквей Новгородскихъ по величинѣ. Храмъ св. Софіи находился на площади, обнесенной со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями; это пространство называлось Кремлемъ или Дѣтинцемъ, а укрѣплено оно было для того, чтобы въ случаѣ нападенія непріятеля, даже тогда, когда онъ войдетъ въ городъ, жители могли спасаться въ него и защищать тутъ свой животъ, свою любимую церковь и свои сокровища, которыя хранились въ церковныхъ подвалахъ. Вообще у нашихъ предковъ былъ обычай отдавать драгоцѣнности на храненіе въ церковь, такъ какъ имъ тамъ было безопаснѣе и отъ непріятеля, и отъ народа. У стѣнъ Дѣтинца начинались зданія, принадлежащія частнымъ людямъ. Но впрочемъ построекъ въ этой части города было весьма не много, такъ что даже онѣ не изображены на древней картинѣ. Мостъ соединялъ Софійскую сторону съ Торговой. Тутъ главнымъ образомъ жили граждане новгородскіе, тутъ производили свои торговли и отправляли всѣ дѣла. Напротивъ моста разстилается большая площадь. Это такъ называемый дворъ Ярослава, мѣсто, гдѣ собиралось Новгородское вѣче, т. е. сходились всѣ граждане, для того, чтобы говорить о дѣлахъ роднаго города, судить виновныхъ, выбирать князей и т. д. Около вѣчевой площади помѣщался гостинный дворъ, гдѣ торговали всякими товарами русскими и заморскими, т. е. иностранными. Въ Новгородѣ было много богатыхъ купцовъ, называемыхъ боярами; жили они главнымъ образомъ въ Прусской улицѣ, которая была застроена гораздо великолѣпнѣе другихъ улицъ города. Дома стояли не тѣсно другъ подлѣ друга, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ городахъ, а особнякомъ и окружались большею частью садомъ или пространнымъ дворомъ. Кромѣ Русскихъ въ Новгородѣ жило много иностранныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ купцовъ, носившихъ названіе гостей (отсюда и торговый домъ стали называть гостин-

нымъ). Они главнымъ образомъ привозили свои товары воднымъ путемъ. Большіе нѣмецкіе корабли приставали у устьевъ Невы, тамъ товары перегружались въ баржи и ладьи и шли дальше до Новгорода по тому же самому водному пути, по которому пришли и первые князья на Русь.

У Нѣмцевъ на родинѣ было много фабрикъ и заводовъ, а потому они привозили въ Новгородъ товары обдѣланные: холстъ, сукно, металлическія вещи, вино, самоцвѣтные камни, а у Русскихъ покупали продукты сырые, какъ то: медъ, воскъ, ленъ, лѣсъ, мѣха, рыбу, хлѣбъ. Послѣднимъ не была богата Новгородская область, такъ какъ почва ея была мѣстами песчана, мѣстами камениста, мѣстами лѣсиста; но изъ восточной Руси привозили обыкновенно по Волгѣ и ея притокамъ много хлѣба, который и продавался въ Новгородѣ Нѣмцамъ. Нельзя сказать, чтобы торговля велась вполнѣ честно: Нѣмцы довольно часто жаловались на недобросовѣстность русскихъ купцовъ и были очень осторожны съ ними. Такъ, напримѣръ, однажды какой то русскій купецъ продалъ большое количество воску, и такъ какъ воскъ продается на вѣсъ, то наложилъ въ бочки съ воскомъ кирпичей, отчего увеличилъ тяжесть своего товара. Нѣмцы въ этомъ отношеніи тоже не оставались въ долгу и неоднократно возбуждали жалобы со стороны Русскихъ на то, что продаютъ гнилой, никуда негодный холстъ. Нѣмецкіе купцы составляли между собою товарищество и вели свои дѣла съобща: какую цѣну за русскіе товары положатъ, той и держатся, по другой не покупаютъ; какую цѣну назначатъ за свои товары, отъ той и не отступаютъ. Такъ какъ всѣ они сговаривались между собою, то и не перегоняли другъ друга, а Русскіе и въ покупкѣ, и въ продажѣ должны были сообразоваться съ ихъ волею; поторгуются, побранятся русскіе торговые люди, а все-же въ концѣ концовъ придется заплатить Нѣмцамъ столько, сколько они просятъ, взять съ нихъ не больше того, сколько они предлагаютъ, потому что нѣтъ никого, кромѣ нихъ, у которыхъ можно было-бы купить, которымъ можно было продать. Такимъ образомъ Нѣмцы покупали товары дешево, а продавали дорого. Иногда, бывало, узнавъ, что русскіе купцы, разсердившись на нихъ, ѣдутъ сами въ нѣмецкую землю продавать мѣха или ленъ, Нѣмцы напишутъ объ этомъ на родину, и тамъ пріѣзжему купцу

большей цѣны не даютъ, заставляя его продать съ убыткомъ, и тѣмъ наказывая за нежеланіе продавать по низкимъ цѣнамъ тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые торгуютъ на Руси. Въ Новгородѣ Нѣмцы имѣли свои церкви и въ одной изъ нихъ, въ церкви св. Петра, хранили громадное количество золота и серебра, добытаго торговлею съ Русскими.

Мы уже говорили о томъ, что въ Новгородѣ собиралось вѣче. На вѣчѣ рѣшались всѣ дѣла, выбирались всѣ начальники, даже самъ князь. Призывая того или другаго князя новгородское вѣче заключало съ нимъ обыкновенно договоръ, отъ котораго князь не имѣлъ права отступить. Въ такихъ договорахъ говорилось, что князь не долженъ поступать несправедливо, не долженъ предпринимать важныхъ дѣлъ безъ дозволенія вѣча, раздавать безъ него земель своимъ дружинникамъ, охотиться въ чужихъ лѣсахъ, посылать рыболововъ на чужія рѣки и озера. Князь цѣловалъ крестъ (давалъ клятву) исполнять эти условія и послѣ этого вступалъ на Новгородскій престолъ.

Рядомъ съ княземъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Посадникъ долженъ былъ замѣнять мѣсто князя, пока его выберутъ, или когда его нѣтъ въ городѣ. На посадникѣ лежала также обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы князь не нарушалъ крестнаго цѣлованія и дѣйствовалъ сообразно съ волею Новгородскаго вѣча. Посадника выбирало вѣче, и князь не могъ смѣнить его. Если князь былъ недоволенъ посадникомъ, то онъ долженъ былъ жаловаться вѣчу, которое и разбирало.

Не только князя, посадника и другихъ начальниковъ избирало новгородское вѣче, даже выборъ архіепископа, владыки, вполнѣ отъ него зависѣлъ. Обыкновенно на эту высокую должность выбирали трехъ кандидатовъ изъ духовенства. Имена избранныхъ писались на бумажкахъ и клались на престолъ въ храмѣ св. Софіи. Потомъ къ престолу подводили слѣпца или неграмотнаго ребенка, который бралъ на удачу одну изъ трехъ записокъ и тотъ кандидатъ, имя котораго было написано на вынутой бумажкѣ, дѣлался владыкою Новгородскимъ.

Вѣче собиралось по звуку вѣчеваго колокола, этотъ колоколъ, вѣроятно, имѣлъ особенный звукъ, такъ какъ ухо Новгородца всегда могло различить звонъ его отъ звона другихъ колоколовъ, находившихся при многочисленныхъ церквяхъ Новго-

родскихъ. Лишь только на вѣчевой башнѣ раздается колоколъ, народъ цѣлыми толпами валитъ на площадь. Туда шелъ и бѣдный, и богатый. Собравшіеся мужи Новгородскіе прохаживаются, толкуютъ, совѣтуются; наконецъ является князь, посадникъ и другіе начальники—и на площади водворяется мертвая тишина. Вотъ на возвышенномъ мѣстѣ сталъ одинъ изъ гражданъ, онъ говоритъ народу о необходимости заключить миръ, объявить войну, наказать мутителей спокойствія, или о чемъ нибудь другомъ. Народъ слушаетъ, а потомъ крикомъ выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе. Тѣ, которыхъ больше, голосомъ своимъ глушатъ голосъ меньшинства, ихъ мнѣніе торжествуетъ и записывается въ грамоту писцомъ, который сидитъ за столомъ въ комнатѣ, находящейся въ вѣчевой башнѣ. Къ такой грамотѣ князь, владыко и посадникъ прикладываютъ свои печати, и рѣшеніе вѣча считается вполнѣ законнымъ. Иногда мнѣніе гражданъ на вѣчѣ были очень не единодушны, а въ такомъ случаѣ доходило до драки, и все-же тѣ, которыхъ больше, торжествовали.

У вольнаго Новгородскаго люда несогласія и драки случались весьма часто. Бывало одно вѣче соберется на торговой сторонѣ, на дворѣ Ярослава, а другое на Софійской, въ Дѣтинцѣ. Оба вѣча выйдутъ на противуположные берега Волхова и перебраниваются другъ съ другомъ, а потомъ и двинутся на мостъ, гдѣ произойдетъ драка. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно изъ Софійской церкви выходилъ владыко въ торжественномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сопровождаемый многими священниками. Онъ старается пробраться сквозь народную толпу, становится между борющихся сторонъ и старается усовѣстить ихъ словомъ божьимъ и заставить перестать драться. Владыку очень уважали Новгородскіе граждане, а потому обыкновенно его слово водворяло миръ между ними.

Особенно часто бывали споры между богатыми и бѣдными, т. е. между боярами и чернымъ людомъ. Богатые часто обижали бѣдныхъ, а послѣдніе выходя изъ терпѣнія, возставали противъ богатыхъ.

Впрочемъ, на сторонѣ богатыхъ всегда находилась часть чернаго люда, того, который былъ у нихъ въ услуженіи, а потому и помогалъ имъ. Иногда богачи старались задобрить бѣдныхъ, задавали имъ пиры на улицахъ и площадяхъ, особенно

въ такомъ случаѣ, когда они хотѣли быть выбраны въ посадники или въ другую какую нибудь должность. Когда бѣдные возставали противъ богатыхъ, то обыкновенно дѣло не обходилось безъ грабежа: разъ подвергся такой участи монастырь св. Николая, гдѣ хранились боярскіе пожитки, въ другой разъ многія боярскія жилища въ Прусской улицѣ.

Судебныя дѣла въ Новгородѣ рѣшались слѣдующимъ образомъ: если два лица спорили, то прежде чѣмъ начать тяжбу они выставляли по два «разсказчика—примирителя». Эти разсказчики—примирители обсуждали споръ и старались помирить противниковъ безъ суда. Когда это не удавалось, то дѣло поступало къ «цѣловальникамъ», т. е. къ судьямъ, выбраннымъ на вѣчѣ, и цѣловавшимъ крестъ въ томъ, что они будутъ разбирать всякія тяжбы по совѣсти. На неправильное рѣшеніе цѣловальниковъ можно было жаловаться вѣчу, но если окажется, что обвиненіе несправедливо, то обвинитель подвергался строгому наказанію. То же угрожало и цѣловальникамъ, если вѣче узнаетъ, что они по дружбѣ или за деньги рѣшили дѣло криво. Бывало, что тяжущіеся соглашались отдаться на судъ владыки, мнѣніе котораго считалось священнымъ и не подлежало обжалованію. Иногда бывали такія дѣла, что и сами судьи не могли рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Въ такихъ случаяхъ допускалось «поле», т. е. поединокъ. Предполагалось, что Богъ самъ разсудитъ темное дѣло, правому дастъ побѣду, виновнаго сдѣлаетъ побѣжденнымъ. Люди, не разсчитывавшіе на свою силу, а также женщины, могли выставлять наемщиковъ, которые боролись за нихъ. Обыкновенно борьба происходила въ присутствіи чиновниковъ, которые смотрѣли за тѣмъ, чтобы она не кончалась смертью одного изъ дерущихся, и чтобы не было въ ней никакого обмана. Побѣжденный считался виновнымъ. Наказанія за проступки въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ древней Руси были весьма тяжелы и отличались жестокостью. Отрѣзываніе носовъ неоднократно случалось въ Новгородѣ. Припечатанье щеки раскаленною желѣзною печатью, оставляющею послѣ себя слѣдъ на всю жизнь, было наказаніемъ весьма обыкновеннымъ, которому подвергались люди, уличенные въ воровствѣ. Умышленное убійство съ злою цѣлью, частое повтореніе воровства, измѣна, поджоги и тому подобныя важныя преступленія наказы-

вались смертною казнью. Виновныхъ обыкновенно сбрасывали съ моста въ Волховъ.

Андрей Боголюбскій желалъ завладѣть Новгородомъ, какъ завладѣлъ Кіевомъ. Богатства, которыми славился Новгородъ, еще болѣе привлекали Андрея, думавшаго уже заблаговременно о томъ, какъ распорядится золотомъ и серебромъ Новгородскимъ. Однажды Андрей думалъ, думалъ объ этомъ, да и послалъ 7000 человѣкъ войска. Новгородцы, застигнутые нечаянно, выставили только 400, но тѣмъ не менѣе нанесли жестокое пораженіе Андреевой рати. Этотъ необыкновенный успѣхъ Новгородцевъ сильно разсердилъ Андрея, который рѣшился предпринять новый походъ. Путь суздальскаго войска обозначался страшными картинами пожаровъ и убійствъ, которымъ подвергались даже мирные жители Новгородской области. Новгородцы не вышли въ открытое поле, но рѣшились защищаться за стѣнами роднаго города. Суздальцы обступили всю Софійскую сторону и дотого были увѣрены въ побѣдѣ, что разсуждали и спорили, кому грабить такую-то улицу, кому другую. Очевидно, они думали съ Новгородомъ поступить точно также, какъ нѣкогда поступили съ Кіевомъ. Три дня почти не прекращалась битва, и защитники изнемогли ужасно. Въ ночь передъ четвертымъ днемъ Новгородскому владыкѣ Іоанну было, говорятъ, видѣніе: образъ Спасителя заговорилъ и далъ такимъ образомъ совѣтъ вынести на стѣны икону Пресвятой Богородицы. На слѣдующій день владыко исполнилъ повеленное и тѣмъ спасъ родной городъ. Говорятъ, что одна стрѣла, пущенная Суздальцами, попала въ икону, и что немедленно послѣ того Новгородцы, какъ бы при помощи какой-то сверхъестественной силы, стали тѣснить враговъ, которые совершенно смутились, и въ недоумѣніи стрѣляли другъ въ друга, вмѣсто того чтобы направлять свои удары на защитниковъ города.

Наконецъ Суздальцы побѣжали, а Новгородское воинство, выступившее изъ города, стало ихъ преслѣдовать, многихъ перебило оружіемъ, многихъ потопило, загнавъ въ болото. Тѣмъ не менѣе Андрей не упалъ духомъ послѣ такой неудачи: онъ, видя невозможность побѣдить силою сталъ придумывать разныя хитрости. Мы уже видѣли, что въ Новгородской области плодородныхъ полей было мало, и что туда привозили рожь, пшеницу,

овесъ и другія хлѣбныя растенія изъ приволжскихъ странъ, т. е. главнымъ образомъ изъ того края, надъ которымъ властвовалъ Андрей. Онъ запретилъ вывозъ хлѣба, и въ Новгородѣ поэтому явился страшный голодъ. Другія княжества, боясь прогнѣвать могучаго и строгаго великаго князя, не рѣшались помочь бѣдѣ Новгорода, и потому послѣдній долженъ былъ смириться предъ Андреемъ, который за извѣстную ежегодную дань помирился съ Новгородцами и пересталъ морить ихъ голодомъ.

Б. Павловичъ.

О СОЛНЦѢ.

(Продолженіе).

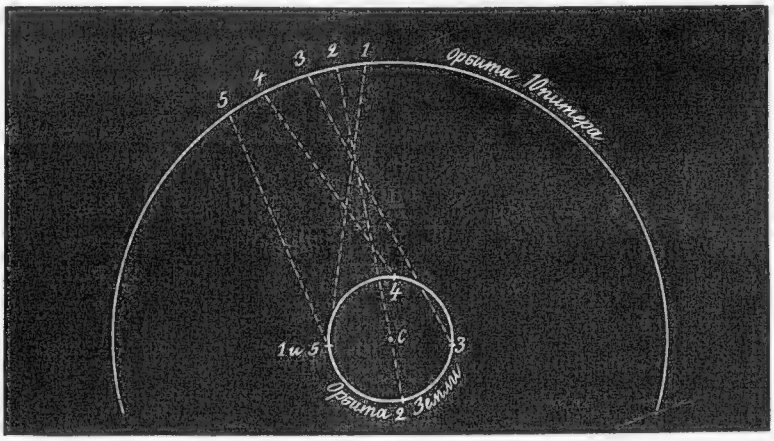
3) Солнечный свѣтъ.

Что такое свѣтъ? Особое ли это вещество? Нѣтъ, свѣтъ не матеріаленъ: это лишь особаго рода движеніе. Точно также какъ нѣтъ матеріи звука, такъ нѣтъ и матеріи свѣта. Звукомъ называется сотрясеніе малѣйшихъ частицъ звучащаго предмета; когда звучитъ струна—можно и осязать, и видѣть ея дрожаніе.

Свѣтъ—тоже своего рода дрожаніе, волненіе, только совершенно особенное. Звукъ летитъ быстро, а свѣтъ несравненно быстрѣе. Замѣчательно, что люди могли же измѣрить и быстроту, съ какою распространяется свѣтъ; а эта быстрота — слишкомъ семнадцать мильоновъ верстъ въ одну минуту времени, въ каждую минуту—всегда съ однообразною быстротой.

Что свѣту нужно время для распространенія — это впервые замѣтилъ датчанинъ *Олай Ремеръ* (Römer)—почти за двѣсти лѣтъ до нашего времени, проживавшій тогда въ Парижѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ итальянцемъ *Кассини*, наблюдая планету Юпитера съ четырьмя спутниками, пришелъ къ убѣжденію, что, подобно тому, какъ отдаленный звукъ мы слышимъ не въ тотъ самый мигъ, когда онъ раздается, такъ и отдаленный свѣтъ мы видимъ на столько позднѣе, на сколько мы удалены отъ него. Олай Ремеръ замѣтилъ, что спутники Юпитера скрываются за свою планету и выходятъ изъ за нея тѣмъ ранѣе, чѣмъ ближе къ землѣ находится Юпитеръ и тѣмъ позднѣе, чѣмъ далѣе; а наи-

большая разница во взаимныхъ положеніяхъ земли и Юпитера можетъ простираться до цѣлаго поперечника земной *орбиты*, т. е. земнаго пути вокругъ солнца. Вы можете убѣдиться въ этомъ по прилагаемому чертежу. На немъ точка *С* означаетъ



солнце; оно окружено орбитой земли, далѣе—часть орбиты планеты Юпитера. Цифрами 1, 2, 3, 4, 5 обозначены современныя положенія Земли и Юпитера въ ихъ полетѣ кругомъ солнца. Очевидно, что разстояніе это бываетъ то больше, то меньше.

Изъ своихъ наблюденій Ремеръ вывелъ, что свѣтъ употребляетъ восемь съ четвертью минутъ или 495 секундъ, чтобы пролетать такое разстояніе, какое отдѣляетъ землю отъ солнца.

Сто лѣтъ позднѣе—нѣмецкій астрономъ Энке, опредѣливъ разстояніе между солнцемъ и землею, вывелъ изъ того, что свѣтъ пролетаетъ по 288 тысячъ верстъ въ каждую секунду времени! Но Энке опредѣлялъ разстояніе земли отъ солнца нѣсколько большимъ нежели оно принимается теперь; а съ такою поправкою выйдетъ, что свѣтъ пролетаетъ по двѣсти восьмидесяти пяти тысячъ (285,000) верстъ.

Въ наши дни, два ученые француза *Физо* (Fizeau) и *Фуко* (Foucault) придумали каждый свой особенный приборъ для измѣренія скорости свѣта. Оба эти прибора чрезвычайно остроумны и если вамъ ихъ покажутъ, то вы ихъ поймете и сами убѣдитесь, что такими приборами возможно измѣрять скорость свѣта, видѣть ее. Но если бы я вздумалъ теперь описывать вамъ эти приборы, то нагналъ бы только скуку; а потому и не займусь этимъ описаніемъ, а лишь сообщу вамъ, что по прибору Физо выходитъ

скорость свѣта около 292,000 верстъ, а по прибору Фуко около 278,000 в. въ секунду времени. Если оба эти числа сложить вмѣстѣ и раздѣлить на два, то получится среднее между ними: почти 285,000 верстъ. Такое согласіе этихъ измѣреній скорости свѣта посредствомъ снарядовъ и посредствомъ вычисленій изъ астрономическихъ наблюденій убѣждаетъ насъ въ томъ, что свѣтъ распространяется именно съ такою скоростью — по двѣсти восьмидесяти пяти тысячъ верстъ въ секунду, или слишкомъ по семнадцати милліоновъ верстъ въ одну минуту времени.

Извѣстно, что свѣтъ распространяется однообразно во всѣ стороны по прямымъ направленіямъ, которыя называются лучами. Свѣтъ распространяется пока не встрѣтитъ непрозрачнаго предмета, который можетъ его болѣе или менѣе *поглотить* или *отразить*. Слабый свѣтъ на далекомъ разстояніи перестаетъ быть видимъ; чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ далѣе онъ распространяется. Впрочемъ способность видѣть — свойство нашего зрѣнія, а потому и оказалось возможнымъ дѣлать такія *зрительныя трубы*, при помощи которыхъ становится виднымъ то, что для *невооруженнаго глаза* не видно. Такъ: простыми глазами можно видѣть не болѣе пяти тысячъ звѣздъ; а глазами вооруженными зрительною трубою насчитываютъ ихъ цѣлые милліоны.

Всегда однообразная скорость, съ какою распространяется свѣтъ, дала возможность измѣрить огромныя разстоянія времени свѣтоваго пролета, что очень удобно, напр.: вмѣсто того, чтобъ запоминать и стараться представить себѣ такое огромное разстояніе, какъ отъ земли до солнца — почти 141,000,000 верстъ — гораздо проще и понять, и помнить, что солнце отстоитъ отъ земли на восемь съ четвертью минутъ свѣтоваго полета.

Этимъ способомъ и пользуются для выраженія небесныхъ разстояній; такъ напр. планета Юпитеръ отстоитъ отъ солнца на 43 минуты свѣтоваго полета, изъ планетъ самая близкая къ солнцу—*Меркурій*, отстоитъ отъ него съ небольшимъ на 3 минуты свѣтоваго полета, а самая дальняя—*Нептунъ*, на 248 минутъ, т. е. 4 часа и 8 минутъ времени свѣтоваго полета.

Кромѣ немногихъ планетъ, все безчисленное множество свѣтилъ небесныхъ, называемыхъ звѣздами—все это такіе же шары, какъ и наше солнце; нѣкоторые изъ нихъ меньше его, другіе больше и даже гораздо больше и ярче. Самая близкая къ намъ

изъ такихъ звѣздъ, едва, впрочемъ, замѣтная для невооруженнаго глаза, отстоитъ отъ насъ на два съ половиною года свѣтоваго полета. Изъ всѣхъ звѣздъ самая яркая звѣзда *Сиріусъ*, видимая у насъ зимою въ южной части неба, отстоитъ отъ насъ на девять лѣтъ свѣтоваго полета. Въ хорошія зрительныя трубы видны и такія звѣзды, отъ которыхъ свѣтъ долженъ летѣть многія тысячи лѣтъ, чтобы достигнуть до насъ.

Итакъ, вотъ замѣчательное свойство свѣта: мгновенно рождаясь изъ небытія, онъ быстро распространяется во всѣ стороны, однообразно распространяется, не измѣняясь въ теченіи тысячелѣтій, разливается на необъятное пространство и все не перестаетъ быть.

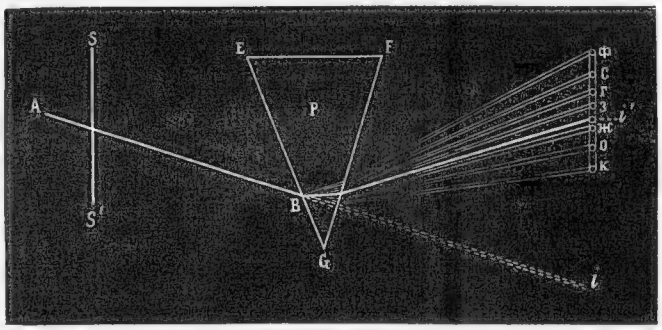
Для того, чтобы видѣть свѣтъ, человѣку дана Создателемъ способность, называемая зрѣніемъ. Но одного зрѣнія недостаточно для того, чтобы познать свѣтъ, или источникъ нашего дневнаго свѣта солнце. Изобрѣтеніе и усовершенствованіе зрительныхъ трубъ, называемыхъ дальнозорами - *телескопами*, дали возможность видѣть многое, что недоступно для невооруженнаго глаза; но понимать это видимое начали только недавно, съ тѣхъ поръ, какъ ученые пріобрѣли новое и могущественное средство къ изученію свѣта. Это средство называется *спектроскопомъ*.

Не зная спектроскопа, невозможно въ наше время изучать ни свѣтъ вообще, ни солнечный въ особенности; а потому необходимо узнать, во-первыхъ, что такое спектроскопъ?

Кто не видалъ радуги? Радуга въ воздухѣ образуется отъ того, что лучи свѣта разлагаются на свои составные цвѣта; это разложеніе происходитъ въ капелькахъ воды, освѣщаемыхъ солнцемъ; оттого радуга и бываетъ видна обыкновенно во время дождя или скоро послѣ того, когда уже дождь пересталъ идти надъ нами и просіяло солнце, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ идетъ еще дождь, и въ его то капелькахъ является радуга.

Кромѣ того, радугу очень живую, яркую можно производить когда угодно, только бы свѣтило солнце; для этого нужно имѣть чистое стекло въ видѣ трехгранной *призмы*; такія стеклянныя призмы обыкновенно подвѣшиваются при люстрахъ собственно для того, чтобы производить радужную игру свѣта. На это свойство стеклянной призмы разлагать бѣлый свѣтъ солнца на радужные цвѣта указалъ современникъ нашего Петра Великаго

итальянскій ученый *Гримальди* и въ слѣдъ затѣмъ англійскій знаменитый ученый профессоръ Исаакъ *Ньютонъ* (Newton) обратилъ на это обстоятельство вниманіе ученыхъ и объяснилъ его разложеніемъ свѣта на его составныя части. Прилагаемый здѣсь чертежикъ представляетъ это явленіе съ изображеніемъ радуги



въ нѣсколько увеличенномъ видѣ—для ясности на этомъ чертежѣ SS′ означаетъ скважину, сквозь которую солнечный свѣтъ пропускается въ тотъ ящикъ, гдѣ находится стеклянная призма *P*, поставленная на свою вершину *G*, т. е. обращенная своимъ основаніемъ *EF* къ верху. Солнечный лучъ впущенъ по направленію *AB*. Если бы тутъ не было призмы, то солнечный лучъ продолжался бы прямо отъ *B* до *i*, гдѣ онъ упалъ бы на внутреннюю стѣнку ящика и представилъ бы на ней свѣтлое изображеніе того отверстія, черезъ которое свѣтъ впускается въ темный ящикъ. Но призма *преломляетъ* лучъ свѣта, заставляетъ его проходить отъ *B* къ *i′*.

Если бы солнечный свѣтъ былъ простой, а не сложный, то въ точкѣ *i′* представилось бы наблюдателю точно такое же свѣтовое изображеніе, какъ и въ точкѣ *i*, когда лучъ свѣта проходитъ въ ящикъ не черезъ призму. Но каждый лучъ солнечнаго свѣта состоитъ собственно изъ цѣлаго пучка разноцвѣтныхъ лучей, составляющихъ вмѣстѣ одинъ бѣлый свѣтъ, а по разложеніи являющихся каждый съ цвѣтомъ ему свойственнымъ. Это происходитъ отъ того, что различныя части, составляющія солнечный свѣтъ, преломляются не одинаково. Наименѣе преломляется, т. е. наименѣе удаляется отъ первоначальнаго направленія красный лучъ, наиболѣе фіолетовый или лиловый. Другія помѣщаются между этими крайними въ такомъ порядкѣ: 1) *к*расный, 2) *о*ранжевый, 3) *ж*елтый, 4) *з*еленый, 5) *г*олубой, 6) *с*иній

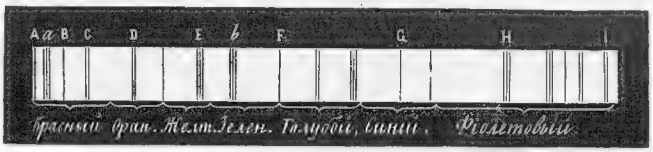
и 7) фіолетовый. Бѣлый свѣтъ солнца, разложенный такимъ образомъ на семь радужныхъ цвѣтовъ, называется *спектромъ*, а слово спектръ (spectrum) значитъ «призракъ»: чистый свѣтъ представляется живымъ, а этотъ радужный видъ его—какъ будто его призракъ. Намъ неудобно было бы употреблять въ этомъ случаѣ слово *призракъ,* имѣющее свое опредѣленное значеніе; латинское же слово спектръ въ этомъ случаѣ очень удобно употреблять въ русскомъ языкѣ, потому что у насъ оно неизвѣстно въ своемъ значеніи призрака, а употребляется только въ смыслѣ радуги, получаемой отъ искуственнаго разложенія какого-нибудь свѣта на его составныя части.

Послѣ этого вамъ не трудно понять и слово *спектроскопъ*: оно составлено изъ соединенія латинскаго слова съ греческимъ, подобно тому, какъ изъ двухъ греческихъ составлены слова: «телескопъ»—дальность и «микроскопъ» — мелкозоръ. Спектроскономъ называется такой снарядъ, который даетъ возможность образовать и разсматривать спектры, производимые различными свѣточами. Въ настоящее время *спектроскопія* составляетъ отдѣльную часть ученія о свѣтѣ и притомъ такую обширную, что занятіе одною ею способно поглощать все время ученаго труженика.

Прошло болѣе ста лѣтъ послѣ того, какъ Ньютонъ обнародовалъ свое сочиненіе о спектрѣ солнечнаго свѣта до тѣхъ поръ, какъ англійскій ученый *Волластонъ* (въ 1802 году) заявилъ ученому міру, что если свѣтъ пускать на призму не черезъ круглое отверстіе, какъ дѣлалъ Ньютонъ, а черезъ очень узенькую щель, то можно увидѣть то, что Ньютонъ предполагалъ вѣроятнымъ, но чего ни онъ, никто до Воластона не видѣлъ, а именно: двѣ черныя черты, пересѣкающія спектръ. Смыслъ этихъ двухъ темныхъ линій представляется непонятнымъ, и самъ Волластонъ не добивался постигнуть этотъ смыслъ.

Но тогда жилъ въ Мюнхенѣ (въ Баваріи) знаменитый фабрикантъ телескоповъ и ученый *Фраунгоферъ* (Frauenhofer). Онъ посвятилъ на спектроскопію многіе годы разумнаго труда, разсматривалъ спектръ солнечнаго свѣта при помощи зрительныхъ трубъ; и плодомъ его труда было то, что въ 1814 году онъ обнародовалъ точное изображеніе (576) пятисотъ семидесяти шести темныхъ линій, замѣченныхъ имъ на спектрѣ солнечнаго свѣта.

Таково было начало спектроскопіи; въ честь ея основателя Фрауенгофера, всѣ темныя линіи на солнечномъ спектрѣ называются теперь *фрауенгоферовыми*, хотя большая часть изъ нихъ замѣчена уже послѣ его смерти продолжателями его ученыхъ изысканій.



Не вина Фрауенгофера, что онъ увидѣлъ не болѣе того сколько увидѣлъ, а заслуга его въ томъ, что онъ доказалъ возможность видѣть тѣмъ явственнѣе, чѣмъ лучше для цѣли устраивается спектроскопъ.

На этомъ чертежѣ обозначены важнѣйшія, наиболѣе замѣтныя темныя линіи, пресѣкающія спектръ и описанныя Фрауенгоферомъ. Положеніе каждой изъ нихъ всегда неизмѣнно на одномъ и томъ же мѣстѣ, также какъ и большая или меньшая толщина ихъ или рѣзкость. Фрауенгоферъ назвалъ буквами сначала только девять полосокъ, потомъ къ нимъ прибавилъ еще двѣ. Всѣ прочія темныя линіи помѣщаются между этими одиннадцатью главными. Названія семи цвѣтовъ и этихъ одиннадцати основныхъ темныхъ линій представляютъ возможность опредѣлять съ точностью положеніе и всѣхъ остальныхъ, сколько бы ихъ ни было еще открыто; а теперь ихъ уже насчитываютъ болѣе трехъ тысячъ.

Фрауенгоферъ сдѣлалъ много для спектроскопіи. Наблюдая солнечный свѣтъ не только получаемый прямо отъ солнца, но и отраженный отъ луны, планетъ, отъ облаковъ на землѣ, онъ убѣдился, что во всѣхъ этихъ случаяхъ видъ спектра былъ постоянно одинаковъ: тѣ же цвѣта и тѣ же темныя линіи.

Когда солнце восходитъ или заходитъ, не вполнѣ видно надъ горизонтомъ, тогда въ спектрѣ недостаетъ фіолетоваго цвѣта и, кромѣ того, становятся видными нѣкоторыя темныя черты безъ того незамѣтныя.

Фрауенгоферъ нашелъ, что и спектры отъ звѣздъ представляютъ, подобно солнечному, радужные цвѣта съ темными на нихъ линіями; но, какъ безпредѣльно разнообразно Божіе твореніе!— изъ множества звѣздъ, спектры которыхъ были изучаемы Фрау-

енгоферомъ, не было ни одной, которая бы дала спектръ, во всемъ подобный солнечному, и не было двухъ звѣздъ совершенно сходныхъ въ этомъ отношеніи одна съ другою: у каждой звѣзды свой особенный спектръ, — значитъ и свой особенный свѣтъ, чѣмъ-то отличный отъ свѣта другихъ звѣздъ.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Фрауенгоферъ весьма основательно вывелъ важное заключеніе, что свойства спектра небесныхъ свѣтилъ зависятъ не отъ вліянія земной атмосферы, черезъ которую къ намъ проникаетъ свѣтъ съ неба, а отъ свойствъ тѣхъ самыхъ свѣтилъ, которыя, очевидно, до безконечности разнообразны; изъ этого же слѣдуетъ еще и то, что произхожденіе фрауенгоферовыхъ линій на спектрѣ солнца должно находиться именно въ самомъ солнцѣ, а не гдѣ-либо иначе.

И еще одно важное открытіе сдѣлано Фрауенгоферомъ, а именно: когда получается спектръ отъ какого-нибудь земнаго свѣточа, то на немъ нѣтъ тѣхъ темныхъ линій, какія замѣчаются въ спектрахъ солнечномъ и звѣздныхъ.

Разсмотримъ теперь спектры различныхъ земныхъ свѣточей!

Раскаленное твердое или капельно-жидкое вещество даетъ безпрерывный спектръ, т. е. безъ всякихъ фрауенгоферовыхъ линій. Но самый видъ спектра измѣняется по мѣрѣ того какъ жаръ усиливается. Сначала показывается только красная часть спектра; при постепенномъ увеличеніи жара становятся по порядку замѣтными и слѣдующіе цвѣта: оранжевый, желтый и т. д.; наконецъ, когда разгораченіе достигаетъ наивысшей степени, тогда видѣнъ и лиловый или фіолетовый цвѣтъ, т. е. всѣ цвѣта радуги появляются непосредственно одинъ за другимъ, но безъ фрауенгоферовыхъ линій.

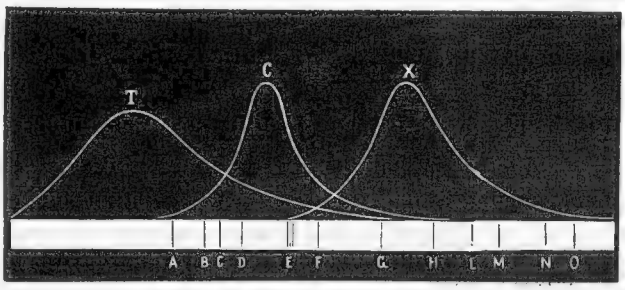
Тутъ естественно рождаются вопросы: гдѣ предѣлы спектра? начинается ли онъ только тогда, когда наше зрѣніе замѣчаетъ красный цвѣтъ, или можетъ быть и раньше, хоть мы того не можемъ видѣть? и оканчивается ли спектръ на фіолетовомъ, или не продолжается ли онъ и далѣе, хотя невидимо для насъ?

Отвѣтъ на эти вопросы данъ уже наукой.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія было найдено, что свѣтъ и жаръ не вполнѣ совпадаютъ, а именно: изъ всѣхъ видимыхъ лучей спектра жарче всѣхъ красный, хоть впрочемъ самый сильный жаръ находится даже и не въ красномъ цвѣтѣ, а возлѣ него,

въ темномъ, такъ сказать, въ черномъ цвѣтѣ спектра. Уменьшаясь отъ краснаго края къ фіолетовому, жаръ недостигаетъ тутъ до самаго конца фіолетоваго цвѣта, а совершенно прекращается нѣсколько ранѣе видимости спектральнаго свѣта.

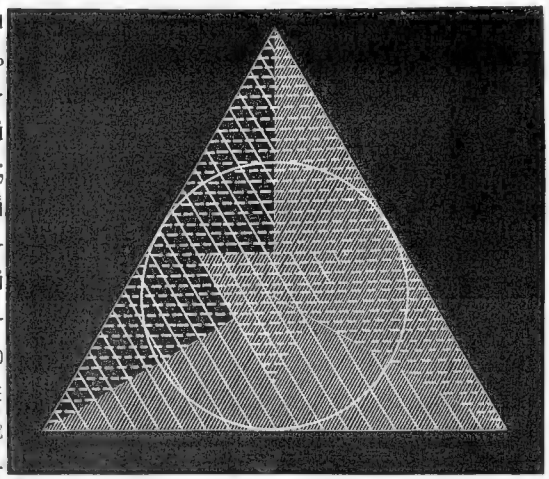
Но тутъ—съ границы между желтымъ цвѣтомъ и зеленымъ—начинается то дѣйствіе свѣта, которое намъ людямъ не дано замѣчать непосредственно. Теплоту мы чувствуемъ посредствомъ осязанія, свѣтъ и цвѣта мы видимъ посредствомъ зрѣнія, но для третьей части дѣйствія солнечнаго свѣта нѣтъ у насъ людей никакого *органа* *) и мы познаемъ существованіе этого дѣйствія только по его послѣдствіямъ: — мы знаемъ, что солнечный свѣтъ способенъ окрашивать, — человѣческая кожа загораетъ, чернѣетъ на солнцѣ, воскъ и ткани напротивъ бѣлятся; на этомъ же *химическомъ* дѣйствіи солнечнаго свѣта основаны всѣ дѣйствія *фотографіи*, т. е. свѣтописи. Это химическое дѣйствіе свѣта простирается за предѣлы видимости свѣта также далеко, если еще и не дальше, какъ и дѣйствіе теплоты; и наибольшая сила этого химическаго дѣйствія свѣта почти не совпадаетъ ни съ какимъ цвѣтомъ спектра, находится на самомъ краю фіолетоваго цвѣта.



Этотъ чертежъ, заимствованный изъ книги Проктора, поясняетъ наглядно все сказанное здѣсь о трехъ неразлучныхъ дѣйствіяхъ солнечнаго свѣта. Спектръ растягиваетъ ихъ такимъ образомъ, какъ это здѣсь изображено; но въ каждомъ лучѣ солнца они связаны и всѣ трое составляютъ одно; это можно представить наглядно слѣдующимъ изображеніемъ:

---

*) Органы чувствъ: глаза — органъ зрѣнія, уши — слуха, языкъ — вкуса, носъ—обонянія, большая часть тѣла служитъ органомъ осязанія; итого—всѣхъ органовъ чувствованія пять; но нельзя утверждать, чтобы даже у земныхъ созданій не было еще органовъ для другихъ чувствъ, кромѣ пяти.



Вотъ равносторонній треугольникъ составленъ изъ трехъ частей, отличенныхъ одна отъ другой особенными штрихами; каждая изъ трехъ частей сплетается съ двумя другими и они всѣ до такой степени однообразно взаимно проникаются, что можете любой изъ нихъ назвать свѣтомъ, или теплотой, или химизмомъ; всѣ трое они вмѣстѣ составляютъ неразрывное цѣлое, такъ сказать тройственное единство.

Когда какое нибудь вещество исподоволь нагрѣвается для того, чтобы сдѣлаться свѣтящимъ, то отъ него исходитъ сначала темная теплота и жаръ, потомъ свѣтъ отъ краснаго до фіолетоваго и, наконецъ, когда уже всякое прибавленіе свѣта въ спектрѣ прекратится, то еще нѣсколько времени прибавляется химическое дѣйствіе свѣта.

Таковы спектры, получаемые отъ свѣточей твердыхъ или капельножидкихъ. Совсѣмъ иного свойства бываютъ спектры, получаемые отъ газообразныхъ жидкостей, какъ напр. отъ огня свѣчи, или лампы и т. п.: они являются въ видѣ цвѣтныхъ линій, или полосъ. Одинъ изъ первыхъ, обратившихъ на это вниманіе, былъ знаменитый англійскій астрономъ Джонъ-Гершель—въ 1822-мъ году.

Около того же времени было найдено средство получать пламя, т. е. раскаленный паръ отъ такихъ предметовъ, которые, извѣстны намъ только въ видѣ твердыхъ тѣлъ, каковы металлы напр. желѣзо. Это средство заключается въ *электричествѣ*.

Одно изъ наиболѣе извѣстныхъ явленій электричества представляетъ *молнія*, обыкновенно сопровождаемая громомъ. Что же такое электричество? Было время, когда воображали электричество въ видѣ какой-то особенной матеріи. Теперь такое понятіе давно отвергнуто, какъ совершенно ложное: электрической матеріи также нѣтъ, какъ нѣтъ особенныхъ матерій свѣта, или

звука, или движенія. Электричествомъ надо считать одно изъ жизненныхъ проявленій силы, которая разлита вездѣ, хотя для насъ она становится замѣтною только въ опредѣленныхъ случаяхъ, которые впрочемъ весьма разнообразны. Теперь уже извѣстно очень много разныхъ способовъ—возбуждать и проявлять электричество, дѣлать его замѣтнымъ. При нѣкоторыхъ изъ этихъ способовъ бываетъ замѣтна электрическая искра очень яркаго свѣта *).

Отъ электрическаго свѣта получается спектръ такихъ свойствъ какъ и отъ пламени, т. е. въ видѣ полосокъ цвѣтнаго свѣта, различныхъ смотря потому черезъ какія вещества перескакиваетъ электрическая искра—изъ какихъ металловъ состоятъ заостренные кончики, между которыми перескакиваетъ электрическая искра, или, кромѣ того—что помѣщается между этими кончиками. Электрическій жаръ такъ силенъ, что въ немъ сгораетъ все. Отъ того-то и спектръ электрическаго свѣта чрезвычайно разнообразенъ, смотря потому изъ чего собственно состоятъ газы въ искрѣ электрическаго пламени—будетъ ли то желѣзо, или мѣдь, или другой какой либо металлъ. Самое огнеупорное вещество – *графитъ*, изъ котораго дѣлаются обыкновенно карандаши. Для электрическаго освѣщенія употребляютъ именно графитъ, потому что онъ сгораетъ всего медленнѣе, а все таки и онъ сгораетъ, превращаясь въ яркое пламя электрической искры.

Спектръ электрической искры состоитъ всегда по крайней мѣрѣ изъ двухъ спектровъ: одинъ отъ пламени испаряемаго и сжигаемаго металла и т. п., другой отъ разгоряченія тѣхъ газовъ, которыми окружено это пламя. Благодаря этому обстоятельству, оказалось возможнымъ получить спектръ не только отъ металловъ, но и отъ газовъ, каковы—азотъ, кислородъ, водородъ—составныя части воздуха и воды.

Когда трудами многихъ ученыхъ изслѣдованій были получены и описаны спектры отъ нѣсколькихъ тысячъ различныхъ источниковъ свѣта, тогда берлинскій ученый *Кирхгофъ* (Kirchhoff) сдѣлалъ въ спектроскопіи важный и послѣдній шагъ впередъ, объясняющій многое. Вотъ въ чемъ состояло это его открытіе!

---

*) Такое электрическое освѣщеніе употребляется на нѣкоторыхъ маякахъ, а иногда и для яркаго освѣщенія ночныхъ работъ.

Уже Фраунгоферъ замѣтилъ, что на солнечномъ спектрѣ двойная темная линія *D*, въ оранжевой полосѣ, находится какъ разъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ появляются двѣ оранжевыя полоски, составляющія спектръ паровъ металла содія, (а содій составляетъ существенную часть и поваренной соли и соды). Бунзенъ впустилъ въ свой спектроскопъ сначала свѣтъ паровъ содія и получилъ отъ нихъ ихъ обыкновенный спектръ; потомъ черезъ эти же пары впустилъ лучи солнца,—и что же? Свѣтъ содія, слившись на спектрѣ со свѣтомъ солнца, произвелъ не свѣтъ, а темноту: линія *D* сдѣлалась темнѣе, замѣтнѣе обыкновеннаго; вмѣсто увеличенія свѣта усилилась темнота!

Кирхгофъ замѣнилъ солнечный свѣтъ друммондовымъ, который получается отъ раскаленнаго мѣла, яркостью приближается къ солнечному и даетъ спектръ, подобный солнечному, но безъ всякихъ темныхъ линій солнечнаго спектра. Когда спектръ друммондова свѣта появился на томъ же мѣстѣ, гдѣ уже былъ спектръ содія, то двѣ свѣтлыя линіи отъ спектра содія замѣнились двумя темными чертами на спектрѣ друммондова свѣта на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ въ спектрѣ солнца находится двойная полоска *D*.

Спектръ содія очень простъ: всего толко двѣ черты. Спектръ желѣза едва ли не самый сложный изъ всѣхъ: состоитъ изъ четырехъ сотъ пятидесяти линій разноцвѣтныхъ, и рѣзкихъ, и слабыхъ, отчасти даже едва замѣтныхъ. Когда спектръ солнечнаго свѣта пущенъ на спектръ желѣза, тогда 450 темныхъ линій солнечнаго спектра стали темнѣе, сохраняя относительную степень своей рѣзкости. А на спектрѣ друммондова свѣта появилось столько темныхъ линій, сколько въ спектрѣ желѣза было свѣтлыхъ.

Естественное заключеніе отсюда: солнечный свѣтъ проходитъ къ намъ черезъ пары и содія, и желѣза, находящіяся въ видѣ пламени. Но въ нашей земной атмосферѣ нѣтъ такого жару, при которомъ возможно существованіе этихъ металловъ въ видѣ свѣтящаго газа; остается только предположить, что въ солнечной атмосферѣ находятся разгоряченные пары и содія, и желѣза. Математически эта вѣроятность—относительно одного только желѣза—выражается дробью, которой числитель единица, а знаменатель состоитъ изъ ста тридцати шести знаковъ: первые четыре—2907, и затѣмъ сто тридцать два нуля. Это такая вѣроятность, которую рѣшительно можно назвать несомнѣнностію.

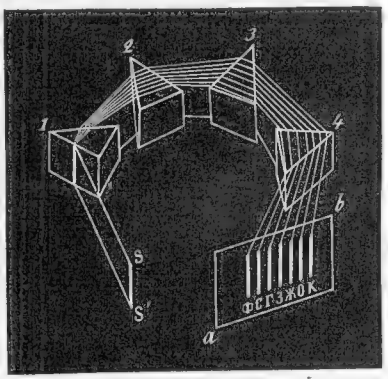
Кирхгофъ, *Бунзенъ* и нѣкоторые другіе ученые переиспытали такимъ образомъ спектръ всѣхъ металловъ и другихъ земныхъ веществъ и оказалось, что на солнцѣ должна находиться большая часть тѣхъ же веществъ, какъ и на землѣ; нѣкоторыхъ, какъ золота, серебра, ртути—на солнцѣ, по всей вѣроятности, нѣтъ, а за то есть тамъ какіе-то другіе металлы, не находящіеся на землѣ: въ спектрѣ солнечнаго свѣта есть такія темныя линіи, сотвѣтственныхъ которымъ неудалось произвести никакими изъ земныхъ веществъ, изъ чего надо заключать, что на солнцѣ есть и такія вещества, какихъ совсѣмъ нѣтъ на землѣ.

Чтобы могло сдѣлаться всеобщимъ убѣжденіе, что темныя линіи на спектрѣ солнца происходятъ отъ того, что свѣтъ отъ солнечнаго ядра проходитъ черезъ огни, окружающіе его, подобно тому какъ воздухъ окружаетъ землю,—для того было желательно увидѣть эти огни отдѣльно отъ того свѣта, какимъ сіяетъ само раскаленное ядро солнца. Случай къ такому наблюденію представляло полное солнечное затмѣніе 6-го (18-го) августа 1868 года. Дѣйствительно: когда весь дискъ (кружокъ) солнца покрылся луною, такъ что видна была только огненная оболочка солнца,—тогда получился спектръ цвѣтной, подобный спектрамъ огней, т. е. свѣтящихъ газовъ; многіе наблюдатели узнали тутъ знакомые имъ спектры содія, водорода и другіе. Мысль Кирхгофа явилась тогда вполнѣ доказанною истиной.

Во время самаго затмѣнія, одному изъ наблюдавшихъ его въ Остъ-Индіи французскому ученому *Жансену* (Janssen) пришла свѣтлая мысль, что должна быть возможность и безъ затмѣнія видѣть отдѣльно одну только огненную оболочку солнца. Дѣйствительно: что происходило во время затмѣнія? Отъ луны падала тѣнь на часть земной поверхности. Почему тутъ возможно было видѣть свѣтъ отъ одной лишь огненной оболочки солнца, когда оно само скрывалось за луну? Потому что лучи свѣта всегда распространяются по прямому направленію. Если луна могла заслонить солнце для всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ видно было полное затмѣніе, то очевидно, что для одного человѣка можно заслонить солнце и небольшимъ непрозрачнымъ предметомъ, помѣстивъ его передъ глазами наблюдателя. Уже на другой день послѣ затмѣнія Жансенъ могъ «цѣлый день» когда угодно «имѣть полное затмѣніе», производимое искуственно и—

подобно настоящему затмѣнію—дающее возможность видѣть цвѣтные спектры огней, окружающихъ солнце. А теперь это возможно и каждому, у кого есть приспособленные для того телескопы и спектроскопы.

Спектроскопы дѣлаются различно—изъ большаго, или меньшаго числа призмъ, располагаемыхъ такъ, или иначе, смотря потому какая степень разложенія свѣта считается потребною. Вы можете составить себѣ понятіе объ этомъ по прилагаемому здѣсь изображенію.



Тутъ SS′ означаетъ скважину, пропускающую свѣтъ; 1, 2, 3, 4—четыре стеклянныя призмы; *ab*—та поверхность на которой видѣнъ спектръ; *c*—указаніе на соединеніе призмъ въ одинъ спектроскопъ.

Узкая скважина SS даетъ свѣтъ для широкаго спектра, въ которомъ расположеніе цвѣтовъ идетъ въ томъ порядкѣ какъ это указываютъ буквы: *ф*іолетовый, *с*иній, *г*олубой, *з*еленый *ж*елтый, *о*ранжевый, *к*расный. Спектръ не дѣлится на семь полосокъ, какъ это изображено здѣсь, а состоитъ изъ полосы, сложенной изъ множества разноцвѣтныхъ и свѣтлыхъ, и темныхъ полосокъ, если впущенъ свѣтъ солнечный.

Въ заключеніе приведемъ общія основанія спектроскопіи:

1) Раскаленное твердое или капельножидкое вещество даетъ сплошной радужный спектръ.

2) Пылающіе газы даютъ спектръ, состоящій изъ свѣтлыхъ линій различныхъ видомъ, цвѣтомъ, числомъ и расположеніемъ, смотря по газу, отъ котораго получается свѣтъ для спектра.

3) Когда спектръ отъ раскаленнаго твердаго или капельножидкаго вещества пускается вмѣстѣ со спектромъ отъ пламени, то на радужномъ спектрѣ перваго являются темныя линіи на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ бываютъ видны свѣтлыя цвѣтныя линіи на спектрѣ того же пламени.

4) Свѣтъ, отраженный, даетъ такой же спектръ, какой отъ него получается до отраженія, т. е. непосредственно.

5) Но если непрозрачный предметъ, отражающій лучи свѣта,

окруженъ парами, или газомъ, то темныя линіи, соотвѣтствующія этимъ парамъ или газамъ, являются на спектрѣ съ большею, или меньшею ясностью, зависящею отъ того—на сколько лучи свѣта прошли черезъ эти газы прежде своего отраженія.

6) Если отражающая поверхность и сама сіяетъ, то получается двойной спектръ—и отъ этого сіянія и отъ свѣта отраженнаго.

7) Пламя, которымъ окружается раскаленное твердое тѣло даетъ на спектрѣ темныя линіи, если раскаленное тѣло жарче этого пламени и наоборотъ — свѣтлыя цвѣтныя линіи, если пламя жарче раскаленнаго твердаго тѣла; если же температура пламени такая же, какъ и раскаленнаго твердаго тѣла, то бываетъ виденъ только одинъ спектръ этого послѣдняго, а отъ пламени никакихъ слѣдовъ на спектрѣ.

8) Электрическая искра даетъ свѣтлый цвѣтной спектръ, соотвѣтственный тѣмъ газамъ, которые производятся, или разгорячаются дѣйствіемъ электрической искры.

Изъ этихъ положеній особенно седьмое пригодится при объясненіи того состоянія, въ какомъ теперь находится поверхность нашего дневнаго свѣтила—прекраснаго солнышка. Разсказъ объ этомъ отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Ст. Барановскій.

ДѢДУШКИНЫ РАЗСКАЗЫ

ВСТУПЛЕНІЕ

Дѣдушкино рожденіе.

«Ну дѣти, теперь вы совсѣмъ готовы! захватите скорѣй еще цвѣты и ступайте къ дѣдушкѣ! только не шалите по дорогѣ слушайтесь Марью. Да смотрите, чтобъ Ѳедюша мой не ударилъ лицомъ въ грязь»! Съ этими словами мамаша вручила каждому по громадному букету и выпустила ихъ всѣхъ изъ дверей: и Катю, и Алешу, и кухарку Марью съ маленькимъ, пятилѣтнимъ Ѳедей.

Они были одѣты въ нарядныя платья, а личики и всѣ ихъ движенія были веселыя и немного торжественныя. Маленькій Ѳедя шелъ такъ тихо и серьезно, что вовсе нельзя было подумать, что этому бутузу всего пятый годъ. То что мамаша сказала ему при прощаніи, онъ должно быть понялъ невѣрно. Посмотрѣвъ на грязную улицу, онъ остановился у дверей и хотѣлъ было засучивать свои новые панталончики. Но Марья объяснила, что мамаша хотѣла этимъ сказать: чтобъ онъ не осрамился у дѣдушки и не ошибся, когда будетъ говорить свои поздравительные стишки. Тогда онъ оставилъ свои панталончики въ покоѣ и поспѣшно пустился въ путь.

Маленькое общество, какъ вы можетъ быть уже догадываетесь, должно было отправиться къ доброму старику дѣдушкѣ, чтобъ поздравить его съ днемъ рожденія. Они добрались однако до цѣли своего путешествія не безъ нѣкоторыхъ приключеній, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Такъ какъ ножки толстенькаго Ѳеди были еще очень малы, онъ долженъ былъ бѣжать чуть ли не рысью, чтобъ не отставать отъ старшихъ дѣтей. Вмѣсто того чтобъ держать свой большой букетъ въ рукахъ какъ слѣдуетъ—прямо—онъ, опустивъ ручку, почти волочилъ его за собой, по дорогѣ. Бѣдный маленькій Ѳедя! Прекрасно распустившіяся розы быстро теряли лепесточки при каждомъ ударѣ объ землю и въ то время какъ онъ посыпалъ за собой грязную дорогу цвѣтами и букетъ его становился все жиже и жиже—онъ беззаботно шепталъ про себя:

„Толстунчикъ Ѳедя, милый дѣдъ,
Даритъ тебѣ цвѣтовъ букетъ".

Алеша, старшій братъ, наморщивъ лобъ, также безпрестанно повторялъ что то сквозь зубы. При этомъ онъ забылъ обо всемъ остальномъ и, не смотря ни вправо, ни влѣво, и не разбирая дороги, продолжалъ совершенно серьезно свой путь. Когда онъ опять въ полъ-голоса началъ было повторять:

На языкѣ нѣтъ выраженья,
Чтобъ могъ я...."

онъ вдругъ попалъ ногой прямо въ лужу, такъ что совершенно забрызгалъ Катины бѣлыя, какъ снѣгъ, чулочки. Но та почти и не замѣтила этого. Она такъ углубилась въ свои мысли, что спотыкалась о каждый камень и наталкивалась на всѣхъ прохожихъ. Разъ случилось даже, что она зацѣпилась петлями своей сѣтки за корзинку съ бѣльемъ, которую несла на головѣ толстая прачка; та, повидимому, очень спѣшила, такъ что даже и не замѣтила прибавившуюся къ ея ношѣ тяжесть и продолжала идти, а бѣдная Катя чуть не лишилась своего головнаго убора.

Они еще не прошли и двухъ улицъ, какъ Марью, которая до сихъ поръ привыкла ходить за однимъ только Ѳедей, бросило въ жаръ отъ всѣхъ хлопотъ—хотя она еще ничего не подозрѣвала о несчастіи, случившемся съ Ѳединымъ букетомъ. Она должна была еще радоваться, что никто изъ дѣтей не падалъ; когда же она довела маленькую компанію въ цѣлости и невредимости до дома дѣдушки—она отъ души вздохнула и сказала: «ну, слава Богу»!

Она взялась было уже за звонокъ, какъ толстенькій Ѳедя вдругъ издалъ страшный крикъ. Марья быстро оглянулась и

чуть не упала съ испуга, когда мальчикъ протянулъ къ ней вмѣсто пышнаго букета—только пучекъ ощипанныхъ стебельковъ. Бѣдный мальчуганъ съ ужасомъ, вытараща глаза, смотрѣлъ на свои цвѣты и никакъ не могъ понять, что такое съ ними случилось. Съ самымъ жалкимъ личикомъ выслушалъ онъ упрекъ Марьи, что вѣроятно онъ самъ испортилъ и ощипалъ свой прекрасный букетъ. Но умненькая Катя замѣтила, что едва ли это возможно, такъ какъ Марья вела его всю дорогу за руку. Только послѣ долгихъ разговоровъ они догадались объ истинной причинѣ. Но Ѳедя не унимался—онъ съ отчаяннымъ плачемъ бросилъ свои стебельки и, во что бы то ни стало, требовалъ новый букетъ. Наконецъ Алеша сжалился надъ нимъ и уступилъ ему свой и тѣмъ утѣшилъ Ѳедюшу: онъ опять засмѣялся и далъ утереть свои мокрыя щечки. Тутъ только Марья позвонила и бабушка сама открыла имъ дверь.

— «А, вотъ вы и пришли уже,—прекрасно! и въ такую сырую погоду»? удивлялась ласковая бабушка, и даже Ѳедю взяли съ собой... Ну, ужь какже дѣдушка обрадуется! онъ теперь какъ разъ сидитъ за кофеемъ, войдите же поскорѣй». Дѣти пошли за ней въ комнату и застали дѣдушку сидящимъ за завтракомъ, съ трубкой и съ своей любимой собачкой Бишкой.

Дѣдушка былъ славный, добрый и веселый старикъ и большой охотникъ до дѣтей; онъ былъ особенно доволенъ, когда могъ забавляться со своими маленькими любимцами или разсказать имъ хорошенькую сказку или интересную исторійку про то что видѣлъ или слышалъ когда-нибудь самъ. Какъ только онъ ставилъ свою трубку въ уголъ и надвигалъ на лобъ очки—дѣти поспѣшно окружали его, потому что очень хорошо знали, что дѣдушка собирается разсказать что-нибудь интересное.

«Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!» весело воскликнулъ старикъ, «подойдите-ка поближе, да дайте посмотрѣть на васъ. Отлично, прекрасно дѣлаете, что не забываете дѣдушку въ день его рожденія. И какія вы нарядныя! просто прелесть! Ну-съ, начинайте-ка. Кто-же первый»?

Дѣдушка приготовился слушать и ободрительно кивнулъ дѣтямъ головой.

Бишка вылѣзла изъ-за печки и съ большимъ любопытствомъ

посматривала то на своего господина, то на дѣтей. Марья также выглядывала въ полу-открытыя двери.

У дѣтей сильно билось сердечко; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ начать первымъ. Наконецъ Алеша, который былъ посмѣлѣе, рѣшился и, подойдя къ дѣдушкѣ какъ можно ближе, заговорилъ быстро и веселымъ голосомъ:

На языкѣ нѣтъ выраженья,
Чтобъ могъ я выяснить вполнѣ,
Мою любовь, мое почтенье,
Любезный дѣдушка, къ тебѣ.
И такъ, за недостаткомъ слова,
Не лучше-ли будетъ помолчать,
А просто дѣда дорогаго,
По крѣпче, по нѣжнѣй обнять.

«Отлично, отлично, мой милый, очень хорошо»! говорилъ дѣдушка, видимо обрадованный и пожимая Алешѣ руку. Тутъ подошелъ и маленькій Ѳедя. Онъ держалъ свой новый букетъ такъ крѣпко, точно и не намѣревался отдать его, и казалось, будто ждалъ, что дѣдушка обратится къ нему съ поздравленіемъ. Стишокъ свой онъ совершенно забылъ. Напрасно Катя подталкивала его: онъ продолжалъ молчать, точно нѣмой.

— Толстушка Ѳедя—подсказывалъ ему Алеша.

— Ну, что-же, Ѳедюша, скажи же свои стишки, уговаривала его бабушка.

Но на Ѳедю, казалось, ничего не дѣйствовало. Если же кто-нибудь посмотрѣлъ бы на него внимательнѣе, то замѣтилъ бы, какъ онъ косился однимъ глазомъ на Бишку, другимъ на сахарницу, стоявшую на столѣ.

— Онъ дома отлично зналъ свои стишки,—извиняла его сконфуженная Катя. Вотъ они:

Толстунчикъ Ѳедя, милый....

— Нѣтъ, я! вдругъ вскрикнулъ Ѳедя, точно проснувшись отъ крѣпкаго сна, и съ большою важностью сказалъ:

Толстунчикъ Ѳедя, милый дѣдъ
Даритъ тебѣ цвѣтовъ букетъ,

Когда же дѣдушка, улыбаясь, сказалъ ему: «Ахъ ты мой славный толстунчикъ!» и протянулъ руку къ букету, Ѳедя сталъ пятиться и, казалось, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія разстаться съ своими цвѣтами.

Теперь пришла очередь Кати. Мягкимъ и нѣжнымъ голоскомъ она проговорила:

Дѣдушка милый! къ тебѣ я пришла,
И пожеланья свои принесла:
Дай Богъ, во-первыхъ, чтобъ милый нашъ дѣдъ,
Прожилъ бы многое множество лѣтъ;
Чтобъ непріятности, горе, печали,
Милаго дѣдушку не посѣщали;
Путь его жизни, чтобъ ровенъ былъ, тихъ,
Въ мирномъ кругу добрыхъ родныхъ;
Словомъ—чтобъ счастливъ, доволенъ онъ былъ,
И чтобы внуковъ какъ прежде любилъ.

— Милыя, добрыя дѣти!—говорилъ растроганный старикъ;—вы очень порадовали меня. Я вижу, что вы отъ души любите вашего старика-дѣдушку. Теперь бы и мнѣ съ своей стороны хотѣлось доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе. Ну, скажите-ка откровенно: чего бы вы хотѣли? Вотъ хоть ты бы, напримѣръ, Алеша?

— Чтобъ ты опять разсказалъ намъ веселую исторійку,—вскричалъ Алеша съ сіяющими глазами.

— А ты, Катя? спросилъ, улыбаясь, дѣдушка.

— Я хочу то же, что и Алеша: интересную исторію.

— А ты, Ѳедя? продолжалъ спрашивать дѣдушка.

Ѳедя призадумался. Онъ давича замѣтилъ лежащій на столѣ рядомъ съ сахарницей, кусокъ пирожнаго; на него онъ уже давно косился.

Бабушка замѣтила это и дала ему желаемый кусокъ. Это развязало Ѳедѣ язычекъ.

— И мнѣ сказочку! воскликнулъ онъ.

— Ладно, дѣти. Такъ вамъ всѣмъ хочется сказочекъ? Что-жъ! это желаніе не трудно исполнить. И вотъ какъ это мы устроимъ въ слѣдующія теперь три воскресенья вы приходите ко мнѣ, разумѣется послѣ обѣда, и тогда я буду разсказывать вамъ все что мнѣ придетъ въ голову. Согласны вы?

— Еще-бы! милый, добрый дѣдушка! воскликнули обрадованныя дѣти, лаская и обнимая старика.

— Ну, довольно, довольно,—говорилъ тотъ;—вы меня такъ, пожалуй, совсѣмъ задушите. Ступайте-ка лучше пить шеколадъ, который приготовила для васъ бабушка.

Дѣти, разумѣется, поспѣшили послѣдовать приглашенію дѣдушки и усѣвшись около круглаго стола, съ аппетитомъ принялись за шеколадъ. Послѣ шеколада дѣти стали собираться въ обратный путь. На прощанье дѣдушка еще разъ сказалъ имъ:

— Такъ смотрите же, дѣти: не забудьте будущее воскресенье.

— О! не безпокойся дѣдушка—весело отвѣчали всѣ они въ одинъ голосъ;—ужъ этого-то мы никакъ не забудемъ.

Ѳедя бросилъ еще нѣжный взглядъ Бишкѣ, и давъ руку Марьѣ, послѣдовалъ за Катей и Алешей, которые уже успѣли проворно сбѣжать съ лѣстницы.

Воскресенье 1-е.

На слѣдующее воскресенье, едва дѣдушка успѣлъ проснуться отъ послѣ-обѣденнаго сна, какъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ шорохъ дѣтскихъ ножекъ. И дѣйствительно: черезъ минуту уже вбѣжали къ нему съ сіяющими личиками его внучата и, поздоровавшись, спросили всѣ въ одинъ голосъ:

— Не правда-ли, дѣдушка, теперь ты разскажешь намъ исторійку?

— Прежде выпьемъ кофе, дѣти, — говорилъ, улыбаясь, старикъ;—не то бабушка будетъ на насъ въ большой обидѣ. Она уже все приготовила: всякихъ сухариковъ и пирожковъ напекла.

Услышавъ это, Ѳедя такъ и навострилъ уши; онъ былъ вовсе не прочь познакомиться съ бабушкиной стряпней. Онъ влѣзъ на стулъ, попросилъ бабушку завязать ему салфетку и съ большимъ удовольствіемъ принялся уплетать все, что ему давали. Алеша и Катя ѣли тоже съ аппетитомъ, но видимо торопились. Выпивъ каждый по чашкѣ, они уже обратили просящіе взоры на дѣдушку. Тотъ откашлялся, поправилъ очки и хотѣлъ было начать, но Ѳедя, который въ третій разъ уже протягивалъ свою чашку бабушкѣ, обратился къ нему и съ отчаяньемъ вскрикнулъ: «Подожди меня, дѣдушка!» Наконецъ и Ѳедя былъ готовъ; слѣзъ со стула и протянулъ свою шейку къ Катѣ, чтобъ она освободила его отъ огромной салфетки, покрывавшей его до самыхъ ногъ.

— Вотъ и Ѳедя готовъ, торопила Катя.

— Теперь ты разскажешь намъ что-нибудь очень веселое, дѣдушка? спросилъ Алеша, который не зналъ, куда дѣваться отъ нетерпѣнія.

Дѣдушка улыбнулся и кивнулъ головой въ знакъ согласія. Какой ты однако нетерпѣливый, Алеша! сказалъ онъ; ты, точно конь ретивый, не можешь устоять на мѣстѣ. Ужъ нечего дѣлать; надо будетъ разсказать что-нибудь весслое въ твоемъ вкусѣ. Ну, Ѳедя, если хочешь слушать, сядь ко мнѣ на колѣни. Ну-съ, теперь будьте внимательны.

Исторійка моя называется:

Маленькій учитель.

Когда я былъ еще такимъ маленькимъ, какъ ты, Алеша, и жилъ дома у своего папаши и мамаши, мы съ младшей моей сестрицей Соней, умѣли устраивать превеселыя игры. Вотъ про одну такую игру я и хочу разсказать вамъ, милыя дѣти.

— Однажды, — это было въ воскресенье, — шелъ проливной дождь, такъ что намъ нельзя было играть въ саду. Знаешь что? сказалъ я сестрѣ, я придумалъ отличную игру.

— Какую? съ большимъ любопытствомъ спросила Соня, уже заранѣе радуясь моей выдумкѣ.

— Въ папашу и мамашу, отвѣчалъ я.

— Это какъ-же? удивилась Соня.

— Очень просто,—объяснялъ я; мы пойдемъ къ папашѣ и мамашѣ въ комнату, возьмемъ ихъ платья и нарядимся въ нихъ. Я буду представлять такого же учителя, какъ папаша, а ты будешь моей женой.

Это очень понравилось Сонѣ и мы поспѣшили въ спальню, чтобъ отыскать тамъ все нужное для нашего маскарада. Соня помогла мнѣ нарядиться въ папашинъ халатъ, который волочился за мной точно дамскій шлейфъ. Изъ носоваго платка я устроилъ себѣ галстухъ съ огромнымъ бантомъ, потомъ надѣлъ отцовскую фуражку, которая то и дѣло съѣзжала мнѣ на глаза. Но это нисколько не смутило насъ: Соня рѣшила, что я одѣтъ прекрасно и очень похожъ на папашу. Теперь надо было ей самой позаботиться о своемъ костюмѣ: это было уже труднѣе, потому что мамаша очень любила порядокъ и никогда не остав-

ляла своихъ вещей неспрятанными. Однако намъ таки удалось наконецъ отыскать одну старую мантилью и еще висѣвшій на зеркалѣ утренній чепчикъ съ прекраснымъ розовымъ бантомъ. Надѣвъ поспѣшно то и другое, Соня дополнила свой нарядъ большими перчатками, которыя всегда надѣвала мамаша, когда ходила въ садъ поливать цвѣты. Затѣмъ, взявшись подъ руки, оба мы важно стали расхаживать по комнатѣ.

— Знаешь что?—сказала мнѣ Соня;—пойдемъ-ка лучше къ мамашѣ въ гости.

Сказано — сдѣлано. Мамаша у насъ была очень добрая и охотно принимала участіе въ нашихъ играхъ. Когда мы пришли къ ней въ комнату, она, увидѣвъ насъ въ такомъ нарядѣ, чуть-чуть не расхохоталась; но удержавшись, совершенно серьезно стала съ нами раскланиваться и предложила намъ сѣсть, точно настоящимъ гостямъ. Мы были совершенно счастливы. Я отлично представлялъ стараго господина и наконецъ сказалъ:—я прежде всегда думалъ, что учителемъ быть чрезвычайно трудно, а теперь вижу, что оно вовсе не такъ хитро. Услышавъ это, мамаша улыбнулась и рѣшила про себя наказать меня за мою самонадѣянность.

— Еще бы! сказала она, для васъ это должно быть очень легко, такъ какъ вы вѣроятно получили прекрасное образованіе въ какой-нибудь высшей школѣ или даже въ университетѣ?

— Конечно! отвѣчалъ я, кивая утвердительно головой.

— Въ какомъ же городѣ посѣщали вы университетъ, господинъ учитель? спрашивала меня мамаша.

При этомъ я долженъ замѣтить вамъ, милыя дѣти, что я уже зналъ немножко географію, и потому, подумавъ, отвѣчалъ:

— Въ Москвѣ, сударыня.

Но мнѣ не суждено было только этимъ и отдѣлаться:—а не посѣщали ли вы еще какого-нибудь университета, кромѣ Московскаго? продолжала допрашивать меня мамаша.

— Какъ же,—отвѣчалъ я, подумавъ немного,—я былъ еще въ Казани.

— Ахъ, въ Казани! это вѣдь, кажется, очень большой и красивый городъ; не можете ли вы напомнить мнѣ, господинъ учитель, на какой рѣкѣ онъ построенъ? я совершенно забыла! притворялась мамаша.

Тутъ ужъ мнѣ пришлось плохо; какъ я ни ломалъ себѣ голову, никакъ не могъ вспомнить, на какой рѣкѣ построена Казань. Я кряхтѣлъ, покашливалъ, покраснѣлъ отъ стыда какъ ракъ и готовъ былъ уже совсѣмъ укутаться въ папашинъ халатъ, но мамаша, сжалившись надо мной, рѣшилась вывести меня на этотъ разъ изъ затрудненія.

— Знаете ли что, любезный господинъ учитель? сказала мнѣ она, вы бы очень обязали меня, еслибъ пожаловали ко мнѣ сегодня вечеромъ вмѣстѣ съ вашей супругой на чашку чаю и разсказали бы кое-что про ваши путешествія въ Москву и въ Казань. Я увѣрена, что это васъ не затруднитъ, такъ какъ вы сами сказали, что учителемъ быть легко. А вы, моя милая— продолжала мамаша, обращаясь къ Сонѣ—разскажете мнѣ что-нибудь объ вашихъ дѣткахъ и хозяйствѣ, не правда-ли?

Мы поблагодарили за приглашеніе и обѣщали придти непремѣнно. Раскланявшись и взявшись опять подъ руки, мы преважно отправились къ себѣ въ дѣтскую. Тамъ я раздѣлся, снесъ всѣ папашины вещи на мѣсто, потомъ побѣжалъ къ своему шкапику, вынулъ оттуда географію и карту Россіи и прилежно принялся за занятія. Я очень хорошо зналъ, что мамаша не забудетъ повторить свои вопросы, и не хотѣлъ опять осрамиться передъ нею. Соня, увидя, что я совсѣмъ углубился въ чтеніе, тоже пріискала себѣ занятіе. Принеся свой хорошенькій рабочій ящичекъ и усѣвшись у окна, она принялась шить своей куклѣ платье.

Наконецъ насталъ и ожидаемый съ нетерпѣніемъ вечеръ. Намъ опять было позволено нарядиться: только на этотъ разъ мамаша дала мнѣ вмѣсто халата коротенькій сюртучокъ, въ которомъ мнѣ было и не такъ жарко, и удобнѣе. Взявъ Соню подъ руку, я отправился съ нею въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ чайный столъ.

Мамаша приняла насъ точно также, какъ и утромъ, угощала насъ чаемъ и пирожнымъ, и вскорѣ завела опять рѣчь о географіи, чему я и былъ очень радъ.

Не будете ли вы такъ добры, господинъ учитель,—спросила мамаша,—и не разскажете ли намъ кое-что про тѣ города, въ которыхъ вы посѣщали университетъ; вы, какъ кажется, говорили, что были сперва....

— Въ Москвѣ,—подхватилъ я,—это очень большой, красивый и старый городъ. Въ немъ прежде, когда еще не былъ построенъ Петербургъ, жили наши государи. Самое замѣчательное въ немъ—Кремль; такъ называется главная часть города, находящаяся на горѣ и обнесенная высокою каменною стѣной и старинная крѣпость, заключающая въ себѣ нѣсколько соборовъ и императорскій дворецъ. Вообще въ Москвѣ очень много церквей; въ нѣкоторыхъ улицахъ по нѣскольку....

— Не протекаетъ-ли тутъ какая-нибудь большая рѣка, въ родѣ нашей прекрасной Невы? перебила меня мамаша.

— О нѣтъ! Москва построена на небольшой рѣчкѣ, которая также называется Москвою. Вотъ Казань, другое дѣло, — спѣшилъ я загладить свое утреннее незнаніе;—та построена на самой большой рѣкѣ у насъ въ Россіи: на Волгѣ.

— Разскажи и про Казань! просила Соня, большая охотница до всевозможныхъ разсказовъ. Просьба эта мнѣ очень польстила и я еще съ большею охотою продолжалъ:

— Казань ужъ не такой огромный городъ, какъ Москва, но всетаки довольно большой; въ немъ много заводовъ, на которыхъ дѣлаются мыло и кожи.

— Оттого вѣрно мыло, которымъ мы моемся, и называется казанскимъ? съ живостью спросила Соня.

— Разумѣется — отвѣчала мама. Вы, вѣроятно, совершили также маленькое путешествіе «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», какъ говорится въ пѣсенкѣ? обратилась мама опять ко мнѣ.

— Да, я ѣздилъ на большомъ параходѣ до самой Астрахани, гдѣ Волга уже впадаетъ въ Каспійское море. На встрѣчу намъ попадались барки съ разными товарами: съ солью, мукой, саломъ, кожами. Все это везли въ Петербургъ.

— А не можете ли вы разсказать намъ, чѣмъ занимаются крестьяне, живущіе по берегамъ Волги, спросила мамаша.

— Во многихъ мѣстахъ ловлею рыбы, которой очень много въ Волгѣ; они сушатъ, солятъ или коптятъ рыбу, или же занимаются приготовленіемъ изъ нея вязиги, клея и икры, и потомъ продаютъ все это. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля хорошая, крестьяне сѣютъ и собираютъ много хлѣба, разводятъ огороды и большіе сады. Въ садахъ у нихъ поспѣваютъ яблоки, груши, сливы, вишни и другіе фрукты, а также дыни и арбузы, и виноградъ....

— Ахъ какъ я люблю виноградъ! перебила меня Соня.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила, улыбаясь, мамаша. Какъ это пріятно слышать; я вѣдь только что хотѣла угостить имъ моихъ дорогихъ гостей. При этихъ словахъ мамаша встала и вынула изъ шкапа блюдце съ виноградомъ. Когда она передъ каждымъ изъ насъ положила по прекрасной кисти синяго винограду, мы совсѣмъ забыли, что представляемъ большихъ и отъ удовольствія захлопали въ ладоши.

Между тѣмъ за болтовней и ѣдой совершенно незамѣтно подошло время ложиться спать; пробило 9 часовъ и намъ пора было отправляться въ свои постельки. Простясь съ нашей доброй мамашей, мы рука-объ-руку отправились въ дѣтскую. Соня, какъ заботливая мамаша, оставила часть винограда для своихъ куколъ «гостинца для дѣтей», какъ говорила она. Я же, улегшись въ кровать, долго еще думалъ о томъ, какъ много мнѣ надо будетъ еще прочитать, чтобъ сдѣлаться когда-нибудь настоящимъ, большимъ учителемъ!

Дѣдушка кончилъ.

— Знаешь что, Катя? сказалъ Алеша съ свѣтящимися отъ удовольствія глазами, будемъ и мы съ тобой такъ играть; хочешь? Катя кивнула головой въ знакъ согласія.

— Только не забудь заранѣе запастись ученостью, чтобъ и тебѣ не пришлось краснѣть, какъ мнѣ сначала, пошутилъ дѣдушка.

— Хорошо, хорошо, дѣдушка. А разскажи намъ еще что-нибудь въ этомъ родѣ; это такъ весело! просилъ мальчикъ.

— Постой, дружочикъ; теперь я разскажу что-нибудь въ Катиномъ вкусѣ. Надо-же наблюдать перемѣну въ разсказахъ, не такъ-ли?

Дѣти были согласны; но Ѳедя, которому уже немножко наскучило сидѣть на одномъ мѣстѣ, слѣзъ потихоньку съ дѣдушкиныхъ колѣнъ и удалился въ уголокъ играть съ Бишкой. Дѣдушка-же началъ:

Моя крестница.

Лѣтъ десять тому назадъ мнѣ пришлось провести зиму въ одномъ маленькомъ городкѣ, далеко отъ Петербурга. Знакомыхъ у меня тамъ почти не было, кромѣ одной пожилой помѣщицы

Александры Ивановны, которая жила въ своей деревнѣ верстахъ въ 30-ти отъ городка; я навѣщалъ Александру Ивановну довольно часто. Однажды въ воскресенье я собрался къ ней.

День былъ морозный, дорога отличная; тепло укутанный въ шубу, я быстро катился въ своихъ большихъ саняхъ. Не доѣзжая версты три до деревни Александры Ивановны, я увидѣлъ сидѣвшихъ при дорогѣ мужика и бабу, «Помогите, ради Бога, баринъ», сталъ просить меня мужикъ, «у насъ какая бѣда случилась»! Что такое? съ участіемъ спросилъ я». Да вотъ,—говорилъ мужикъ, мы съ кумой шли въ село, дочку свою несли въ церковь крестить,—а кума-то вдругъ споткнулась, ногу зашибла и дальше итти не можетъ. Не знаю что и дѣлать теперь. И куму-то нельзя тутъ на дорогѣ бросить, и ребенка-то жаль: того-гляди замерзнетъ; вѣдь ему еще и недѣли нѣтъ. Я взглянулъ на сидѣвшую бабу и тутъ только замѣтилъ, что она держала на рукахъ что-то такое, что скорѣе можно было принять за узелъ разнаго тряпья, чѣмъ за живое существо. Я тотчасъ-же рѣшился отвезти этихъ бѣдныхъ людей къ Александрѣ Ивановнѣ, такъ-какъ былъ увѣренъ въ томъ, что эта добрая женщина подастъ немедленную помощь несчастнымъ. Бабу съ ребенкомъ я посадилъ въ сани, мужика на козлы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣй. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже подъѣзжали къ дому Александры Ивановны, она стояла въ это время случайно у окна, и завидѣвъ мой экипажъ, вышла въ переднюю встрѣчать меня. «Здравствуйте; батюшка—сказала она, это хорошо, что вы не забываете свою старую знакомую. Войдите поскорѣй, согрѣйтесь! Я сейчасъ велю самоваръ поставить и завтракъ вамъ приготовить»... «Постойте, милая Александра Ивановна—остановилъ я ее, обо мнѣ еще успѣете позаботиться, вамъ лучше вотъ объ комъ сперва позаботьтесь». Съ этими словами я указалъ Александрѣ Ивановнѣ на бабу съ ребенкомъ и разсказалъ въ чемъ дѣло. Ахъ! Боже мой,—всплеснула руками Александра Ивановна, вѣдь бѣдная крошка можетъ умереть; да не замерзла ли уже? Съ этими словами Александра Ивановна взяла у бабы ребенка, и заботливо осматривая его, сказала бабѣ: Поди, матушка, въ кухню; обогрѣйся тамъ; сейчасъ я пришлю тебѣ спирту натереть ногу. А о дѣвочкѣ не безпокойся; ужъ я похлопочу объ ней сама.

Я тотчасъ велѣлъ своему кучеру ѣхать за священникомъ, чтобы можно было успѣть окрестить несчастнаго ребенка, который, повидимому, долженъ былъ скоро умереть; онъ совсѣмъ посинѣлъ и казалось не дышалъ. Александра Ивановна, положивъ его на свою постель, стала оттирать его теплыми фланелевыми перчатками и пропускать ему въ ротикъ грѣтое молоко съ ложечки. Черезъ нѣсколько времени ребенокъ началъ приходить въ себя, но все еще не подавалъ голосу и дышалъ медленно и тяжело. Въ это время пріѣхалъ священникъ и взглянувъ на ребенка, сказалъ: «да, ему ужъ не долго жить; надо поскорѣй окрестить»; и съ этими словами сталъ готовиться къ исполненію священнаго обряда. Позвали отца дѣвочки, мужика, и его куму, которая должна была быть крестной матерью ребенка, крестнымъ-же отцомъ попросили быть меня. Во все время крестинъ крестная мать дѣвочки горько плакала, а мужикъ-отецъ стоялъ, повѣсивъ голову и усердно крестясь, отиралъ по временамъ кулакомъ выкатывавшіяся изъ глазъ его крупныя слезы. Мнѣ самому было также очень тяжело смотрѣть на горе этихъ бѣдныхъ людей. Только Александра Ивановна не унывала. Когда окончилось крещеніе, она опять взяла ребенка и принялась оттирать его виномъ и обкладывать грѣтыми одѣялами. «Ничего, говорила она, еще Богъ дастъ будетъ живъ»!

И дѣйствительно ребенокъ наконецъ открылъ глазки и заплакалъ. Всѣмъ намъ стало легче на душѣ. Александра Ивановна тотчасъ стала поить ребенка теплымъ молокомъ; накушавшись, ребенокъ успокоился и уснулъ. «Теперь будетъ живъ», сказала Александра Ивановна.

Мужикъ—отецъ со слезами и поклонами благодарилъ ее за спасеніе своего ребенка. «Кабы не вы, матушка, говорилъ онъ, я не только безъ ребенка, а можетъ и безъ жены-бы остался; вѣдь жена-то—лежитъ у меня дома больная: пожалуй, умерла-бы съ горя, какъ узнала бы, что ребенокъ померъ».

Между тѣмъ Александра Ивановна успѣла и на счетъ завтрака распорядиться и позвала меня въ столовую.

— Знаете-ли что? сказала она, разливая чай; этотъ ребеночекъ, который такъ неожиданно попалъ въ мои руки, такъ понравился мнѣ, что мнѣ не хочется и разставаться съ нимъ. Мнѣ пришло на мысль оставить его совсѣмъ у себя. Онъ по-

палъ ко мнѣ такимъ страннымъ образомъ, что какъ будто сама судьба назначила мнѣ заботиться объ немъ и беречь его. Какъ вы думаете объ этомъ? спросила меня Александра Ивановна.

— Что-же, сказалъ я; воспитать бѣднаго ребенка дѣло хорошее. Только прежде нужно знать, согласятся-ли на это родители.

— Это правда,—отвѣчала Александра Ивановна. Я пойду и сейчасъ-же переговорю съ отцомъ малютки. Съ этими словами она встала, пошла на кухню и черезъ нѣкоторое время возвратилась съ довольнымъ лицомъ.

— Ну что,—спросилъ я,—чѣмъ вы рѣшили?

Да вотъ,—отвѣчала она,—спачала крестьянинъ такъ удивился моему предложенію, что никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это онъ отдастъ своего ребенка чужимъ людямъ. Но потомъ, подумавъ немного, онъ объявилъ, что конечно ребенку будетъ лучше у меня, чѣмъ въ его душной и бѣдной избѣ; да къ тому же больной матери будетъ спокойнѣе. Но однако онъ не рѣшился дать согласіе не посовѣтовавшись съ женою. Эту ночь ребенокъ во всякомъ случаѣ останется еще у меня, а завтра мужикъ обѣщался придти съ окончательнымъ отвѣтомъ.

Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось знать, какой отвѣтъ принесетъ мужикъ, то я остался ночевать у Александры Ивановны.

На другое утро мужикъ явился и сказалъ, что потолковавъ съ женой, онъ рѣшилъ, что если уже будетъ милость барыни, пусть возьметъ ребенка къ себѣ. Но при этомъ онъ просилъ позволить ему и женѣ приходить по—временамъ посмотрѣть на ребенка.

Само собою разумѣется, что позволеніе было дано; кто же рѣшился бы запретить родителямъ видѣть свое дитя?

Александра Ивановна была очень счастлива.—Вотъ теперь у меня и дитя есть; хоть не такъ скучно будетъ одной жить въ деревнѣ. А подростетъ, такъ и помощница мнѣ будетъ. Теперь вы должны почаще пріѣзжать ко мнѣ,—обратилась ко мнѣ Александра Ивановна;—вѣдь эта дѣвочка ваша крестница. Вы, я думаю, и не разглядѣли ее хорошенько; пойдемте, посмотрите на нее.

Александра Ивановна повела меня къ себѣ въ спальню и показала свою маленькую воспитанницу, которая лежала у нее спелена-

тая на кровати. Это была крошечная, премилая дѣвочка съ свѣтленькими волосиками и голубыми глазками. Я поцѣловалъ ее, простился съ Александрой Ивановной и уѣхалъ въ городъ, давъ обѣщаніе пріѣзжать почаще.

Съ тѣхъ поръ прошло уже лѣтъ десять. Переѣхавъ вскорѣ послѣ того, что я вамъ, дѣтки, разсказалъ, въ Петербургъ,—я не видѣлъ больше свою маленькую крестницу. Но Александра Ивановна часто писала мнѣ объ ней, разсказывая, какъ она славно ростетъ, хорошѣетъ и умнѣетъ. Эту зиму я написалъ Александрѣ Ивановнѣ письмо, въ которомъ предлагалъ ей помѣстить мою крестницу въ одну изъ здѣшнихъ женскихъ гимназій. Но Александра Ивановна отвѣчала мнѣ на это, что она такъ привыкла къ своей воспитанницѣ, что ни-за-что не разстанется съ нею.

— Дѣдушка,—перебила разскащика Катя;—ты намъ не сказалъ, какъ зовутъ твою крестницу?

— Ахъ, да! я и забылъ совсѣмъ; ее зовутъ Машей.

— Дѣдушка,—продолжала спрашивать Катя,—такъ значитъ Маша не пріѣдетъ въ Петербургъ? А мнѣ бы такъ хотѣлось ее видѣть!

— А ужъ право не знаю,—говорилъ старикъ,—мнѣ Александра Ивановна какъ то разъ писала, что собирается пріѣхать сюда зимой, навѣстить своихъ родныхъ и знакомыхъ; тогда вѣрно и Машу съ собою возьметъ.

— Ты тогда познакомишь насъ съ ней, дѣдушка?—спросилъ Алеша.—Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть дѣвочку, съ которой случилась такая интересная исторія.

— Познакомлю, познакомлю,—говорилъ дѣдушка.—Она вамъ какъ разъ пара: вашихъ лѣтъ и такая же веселая.

— Ахъ дѣдушка, какъ мнѣ понравилась эта исторія! такую ты кажется еще никогда не разсказывалъ,—сказала Катя.

— А теперь, дѣдушка, ты ужъ разскажи что-нибудь про мальчиковъ,—говорилъ Алеша,

— Ну да!—перебила Катя,—тебѣ бы только про мальчишекъ....

— Тсс..,—остановилъ ихъ дѣдушка, погрозивъ съ улыбкой пальцемъ;—не буяньте. Теперь я разскажу еще одну маленькую исторійку для Ѳеди, и тогда ужъ на сегодня будетъ довольно. Ѳедя, поди сюда,—кликнулъ онъ.

Это было какъ разъ кстати, потому-что Ѳедя, паскучивъ уже мирною игрою съ Бишкой, сталъ дразнить ее кускомъ пирога, отчего смирная собачка начала сердито ворчать. Услышавъ дѣдушкинъ зовъ, Ѳедя бросилъ Бишку и подойдя къ дѣдушкѣ, снова взобрался къ нему на колѣни.

Лукаво улыбаясь, дѣдушка началъ:

Маленькій Миша.

Жилъ былъ однажды такой же маленькій бутузъ, какъ и ты-Ѳедя. Порядочно играть онъ совсѣмъ не умѣлъ; за-то выдумывалъ такія штуки, которыя другому ребенку и въ голову бы не пришли. Такъ напримѣръ оставшись разъ одинъ въ дѣтской, онъ вынулъ изъ своей кроватки боковую рѣшоточку, прислонилъ ее къ постелькѣ и сталъ лазить по ней вверхъ и внизъ, какъ по лѣстницѣ, говоря при этомъ: «теперь я трубочистъ и сейчасъ полѣзу на крышу!» Эта игра ему такъ понравилась, что онъ начиналъ играть въ нее каждый разъ, когда оставался одинъ.

Однажды, когда онъ опять представлялъ трубочиста и только что намѣревался спуститься съ своей лѣсенкѣ, онъ оступился и попалъ одной ногой между перекладинъ. Какъ онъ ни старался, но никакъ не могъ высвободить ее оттуда. Потерявъ терпѣніе, онъ изо всѣхъ силъ дернулъ свою рѣшоточку,—она опрокинулась а вмѣстѣ съ ней и нашъ трубочистъ, да бултыхъ прямо въ лаханку съ водой, которую незадолго передъ тѣмъ поставила туда дѣвушка, чтобъ мыть полъ. Разумѣется Миша поднялъ страшный крикъ. Испуганная мамаша и няня прибѣжали, вынули Мишу изъ воды и хорошенько побранили. Весь мокрый, съ испуганнымъ личикомъ стоялъ онъ и покорно ждалъ, чтобъ ему перемѣнили платье.

— Несносный мальчикъ,—говорила мамаша,—теперь опять нужно переодѣвать его съ ногъ до головы! Просто не напасешься на него. Ужъ право я не знаю, какіе панталончики надѣть этому шалуну,

— Бархатные, мама,—робко предложилъ Миша.

— Какъ бы не такъ! Вотъ постой, я тебѣ принесу бархатные,—сказала насмѣшливо мамаша и принесла изъ сосѣдней комнаты старые, съ заплатками штанишки, которые уже давно были отложены въ сторону, какъ негодные для носки. Ихъ то

и долженъ былъ надѣть Миша, не смотря ни на какія отговорки. Очень ему стыдно было; кромѣ того онъ боялся насмѣшекъ другихъ дѣтей. Но особенно обидно показалось ему, когда отецъ за обѣдомъ спросилъ:—Что это за замарашка? я его совсѣмъ не знаю!

Съ тѣхъ поръ Миша ужъ никогда больше не игралъ въ трубочиста.

— Если бы маленькіе шалуны всегда такъ скоро исправлялись, то съ ними легко было бы справиться, не правда ли, Ѳедя?—спросилъ, улыбаясь, дѣдушка, ставя мальчика на полъ.

Маленькій нашъ толстякъ слушалъ все время очень внимательно, но при этомъ постепенно все болѣе и болѣе краснѣлъ, и наконецъ, сталъ красный какъ макъ. Катя и Алеша не разъ во время разсказа подталкивали другъ друга, и при имени «Миша» улыбаясь шептали другъ другу:—это вѣдь Ѳедя!—Когда же они въ заключеніе хотѣли замѣтить это вслухъ и собирались начать дразнить Ѳедю,—дѣдушка погрозилъ имъ пальцемъ, поцѣловалъ мальчугана въ толстыя щеки и потрепавъ Алешу и Катю по плечу, сказалъ:—чу, теперь, дѣтушки, ступайте домой, а я прилягу немножко отдохнуть.

Анна Газенкапфъ.

ОСЛЕНОКЪ.

Взгляните, дѣтки, на этого осла, который неподвижно остановился среди высокой травы. Онъ внимательно слѣдитъ за мальчикомъ и дѣвочкой, которые игриво наряжаютъ въ цвѣты его осленка и покрываютъ цвѣтнымъ платкомъ. Онъ смотритъ на нихъ тревожно и подозрительно, потому что хорошо помнитъ, какъ недѣлю тому назадъ онъ горевалъ, когда заблудился его дѣтеныш, а онъ съ отчаяньемъ долго искалъ его повсюду. Вотъ какимъ образомъ приключилось это несчастіе! Однажды мальчики, вышедши изъ школы той деревни, что съ высокой старой колокольней, прибѣжали на это мѣсто и, увидавъ ослицу съ осленкомъ, стали гонять ихъ по полю. Поймавъ мать, каждый изъ нихъ поочередно садился на нее верхомъ; но удовольствіе это обыкновенно продолжалось не долго. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ ослица вдругъ, наклоняла голову, заднія ноги ея подымались и мальчикъ стрѣлой слеталъ на мягкую траву, при дружномъ смѣхѣ прочихъ товарищей. За хорошенькимъ осленкомъ, однако, они не гонялись, потому что не были злые мальчики; напротивъ — кормили его булками и разными лакомствами, купленными на собственныя деньги. Верхомъ на него, они тоже не садились, потому что не были жестокосердны и очень хорошо знали, что онъ слишкомъ слабъ для того, чтобы сдержать даже самаго маленькаго изъ нихъ. Между тѣмъ старая ослица успѣла уже исправно перекувыркать всѣхъ почти мальчиковъ, даже самыхъ ловкихъ. Она, конечно, дѣлала это не со злостью, но ей самой было весело и смѣшно, тѣмъ болѣе что лугъ, на которомъ все это происходило, былъ мягокъ какъ пухъ. Умаялась однако

старушка, послѣ такой работы; вечеромъ, вернувшись съ поля въ деревушку, что съ высокой колокольней, крѣпко заснула, ни разу не перевернувшись съ боку на бокъ и забыла думать про своего дѣтеныша, а онъ между прочимъ рано проснувшись, сталъ бодро на свои длинныя ножки и, вспоминая о вчерашнемъ днѣ, пошелъ бродить полемъ и лѣсомъ, розыскивая добрыхъ дѣтей, которые бы его опять наградили вкусными сластями.

Долго бродилъ по-пусту нашъ бѣдный осленокъ и, прошедши версты чытыре, подошелъ къ широко раскинувшемуся селу, котораго уголокъ въ дали изъ за лѣса виднѣется на приложенной при этомъ картинкѣ. Заблудившись и проголодавшись, онъ забылъ про бѣдную мать и про все на свѣтѣ, и сталъ печально огрызать древесныя листья.

Весело жилось въ селѣ, куда боялся войти осленокъ, крестьянскимъ дѣвочкамъ. Ихъ было здѣсь много, потому что село было большое. Онѣ послѣ дневныхъ трудовъ, собирались, бывало, всѣ вмѣстѣ на сосѣднюю лужайку и безпечно рѣзвились, бѣгали, играли, пѣли и плясали въ хороводахъ. Не то было въ бѣдной деревушкѣ, что съ высокой колокольней. Въ ней было не болѣе десяти избушекъ, а дѣвушекъ почти совсѣмъ не было. Въ одной изъ этихъ избушекъ жили хозяева нашихъословъ, а въ другой крестьянка-вдова съ своей хорошенькой дочкой Катей и маленькимъ ея братцемъ Ваней, которые на картинкѣ такъ старательно заняты теперь нарядомъ осленка.

Но возвратимся къ тому дню, когда странствовалъ нашъ осленокъ. Катина мать ушла на весь день въ поле работать и строго наказывала Катѣ, чтобы она сидѣла дома, играла съ Ваней и смотрѣла за нимъ. Катя не была злая дѣвочка и всегда слушалась матери, но она считала себя взрослою, не любила играть съ маленькими дѣтьми и ее все что-то тянуло въ хороводъ къ дѣвушкамъ, въ большое село, куда мать ходила съ нею раза два къ знакомой крестьянкѣ.

До обѣда она строго исполняла приказанія матери, затѣмъ, накормивши маленькаго брата, она призадумалась и ей живо пришли на умъ весело-играющія теперь въ селѣ дѣвочки.

Скучно здѣсь очень, подумала она. Сбѣгаю я на часокъ въ село разъ въ жизни. Тамъ такъ весело и пріятно. Позабавлюсь немного и мигомъ возвращусь до прихода матери.

Катя наскоро надѣла свой новый сарафанчикъ и, украдкой отъ Вани, какъ птичка вольная выпорхнула изъ избушки и бѣгомъ побѣжала по направленію къ селу.

Не успѣла оглянуться Катя, какъ быстро прошло время въ кругу игривыхъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Она опомнилась только когда уже совсѣмъ стало темно на дворѣ и быстро побѣжала домой черезъ рощу. Но не легко было въ темнотѣ бѣжать по густой рощѣ. Катя спотыкалась на каждомъ шагу и должна была идти медленно и осторожно. Кругомъ все тихо—и ей стало чего-то страшно. Она вслушивается. Гдѣ-то на высокомъ деревѣ, раздается ссора грачихи съ грачемъ, который, повернувшись въ гнѣздѣ, чуть не вытолкнулъ оттуда свою старую половину. Крикъ этотъ разбудилъ ихъ сосѣдей. Всѣ они, высунувъ изъ гнѣздъ свои черныя головы, подняли вдругъ разомъ страшный гвалтъ изъ за того, что потревожили ихъ и ихъ дѣтенышей. Ужъ не на меня ли они такъ ужасно кричатъ? подумала въ страхѣ Катя. Да вѣдь чего же мнѣ бояться; теперь вѣдь ихъ не видно и они говорятъ на такомъ непонятномъ языкѣ, что не разберешь ни о чемъ они говорятъ, ни съ кѣмъ. Они гораздо страшнѣе днемъ, когда смотрятъ искоса своими черными, злыми глазами. Думая это, она невольно стала оглядываться по сторонамъ.

«Но Боже мой! что же это»? закричала она вдругъ, остановившись на мгновеніе и прислушиваясь.

Это былъ осленокъ, который, увидѣвши знакомое лице изъ деревни, слѣдовалъ за нею. Катя ясно слышала какой-то топотъ, но не могла ничего разсмотрѣть въ темнотѣ. Къ тому-же, каждый разъ какъ она оглядывалась, осленокъ тоже останавливался, а когда она осторожно двигалась впередъ, осленокъ мѣрнымъ шагомъ слѣдовалъ за нею.

Это вѣрно злой духъ! подумала Катя, дрожа отъ страха всѣмъ тѣломъ. У него слишкомъ много ногъ! А что если это какое-нибудь рогатое чудовище? При этихъ мысляхъ Катя стала креститься и молиться. Но страшныя мысли не выходили у ней изъ головы. Ей мерещилось, что, «то» что ее преслѣдуетъ имѣетъ огромные рога, которыми подниметъ ее къ себѣ на спину и унесетъ, такъ что она даже не успѣетъ примѣтить, что это такое. А топотъ все по прежнему не умолкалъ. Боже, Боже мой! со слезами на глазахъ подумала она, что же будетъ со мною? И

тутъ ей представилось, что, вѣроятно, Богъ послалъ этого ужаснаго звѣря, чтобы тотъ сожралъ ее, за то что она ослушалась матери. Катя пуще прежняго стала открещиваться и молиться, а топотъ все таки не умолкалъ. Катя начала мысленно клясться и давать обѣщаніе, что никогда больше не будетъ ослушиваться и обманывать мать, а чудовище все тутъ какъ тутъ. Вышедши изъ рощи на лугъ, откуда уже виднѣлась вдали деревенская церковь, а за нею привѣтливо мерцали огоньки избушекъ, она пустилась бѣжать и ясно слышала, что чудовище бѣжитъ за нею, а топотъ сталъ чаще и сильнѣе. Пробѣжавши немного бѣдная Катя остановилась на минуту, собралась съ духомъ и оглянулась еще разъ. Глазамъ ея, теперь уже привыкшимъ къ темнотѣ, представилось неясное очертаніе осленка: онъ стоялъ прямо противъ нея, навостривъ уши, которыя показались ей рогами, и выдвинувъ свою большую несоразмѣрную голову далеко впередъ, какъ никогда еще человѣческая голова не выдвигалась ни въ дѣйствительности, ни на картинкахъ.

О Господи, это очень страшно! подумала Катя. А бѣдная мать моя будетъ искать меня напрасно, когда я, можетъ быть, уже буду сидѣть гдѣ-нибудь высоко, высоко между этими рогами. Какъ бы я желала теперь быть дома въ тепломъ углу и играть съ моимъ маленькимъ братомъ Ваней. Я бы никогда теперь не уходила отъ него и отъ моей доброй матери. Но «оно» приближается и надо скорѣе бѣжать отъ него, за то разъ отворивши калитку, я брошу ее съ такою силой, что она непремѣнно, свалитъ съ ногъ это злое чудовище, если оно только подойдетъ къ ней, пока она еще не захлопнулась. При этомъ бросилась Катя бѣжать со всѣхъ ногъ, а за нею осленокъ поскакалъ во всю прыть. Она дернула калитку со всей силы, такъ что калитка замоталась взадъ и впередъ и, наконецъ, захлопнулась. «Слава тебѣ Господи, теперь я внѣ опасности», сказала Катя уже вслухъ: «калитка вѣрно свалила чудовище съ ногъ». Не успѣла она произнести это какъ топотъ опять раздался и все блпже и ближе. Очевидно, чудовище прошло за нею въ калитку. Катя еще быстрѣе побѣжала, косынка ея развязалась и она должна была придерживать ея рукой; одинъ башмачекъ слетѣлъ съ ноги, а сама она тяжело дышала и чувствовала колотье въ боку. Въ такомъ видѣ она добѣжала до дверей избушки, но

тутъ силы ее оставили, она не могла уже сама открыть дверей и, вскрикнувши, упала у порога.

Мать въ страшномъ испугѣ выбѣжала изъ избы и, увидѣвши Катю, лежащую у порога, не сердилась, но скорѣе обрадовалась, что ея дочь жива и, поднявши ее, ласково спросила: «Гдѣ ты была и что съ тобою, милое дитя мое, чего ты такъ блѣдна»? «Родимая», завопила, давши волю слезамъ, Катя, «прости меня, я скверная и злая дѣвочка, я обманула тебя и ушла въ село. Богъ разсердился на меня и послалъ какого-то злаго звѣря, который гнался за мною и хотѣлъ съѣсть меня. Онъ тутъ гдѣ-то стоитъ за мною. Спаси меня, матушка, отъ этого чудовища, я никогда больше не оставлю Вани и никогда не пойду въ село». Дѣйствительно за нею стоялъ невинный осленокъ и никакъ не могъ понять, что впереди его происходило.

Ты сильно испугалась, дитя мое, сказала мать, этотъ осленокъ просто узналъ тебя и пришелъ за тобою». «Видишь, какой онъ ласковый», прибавила она, подходя къ осленку и гладя его по мордочкѣ, а осленокъ жался и ластился къ ней.

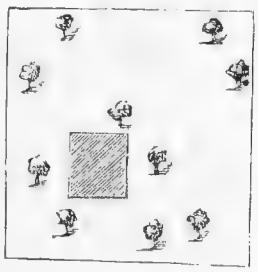
«Онъ, также какъ ты, сбѣжалъ отъ матери и теперь вы вмѣстѣ возвратились. Успокойся же, дитя мое, я пойду затворить калитку и осленокъ переночуетъ у насъ. Завтра же утромъ отведемъ его къ его матери; увидишь, какъ и она ему обрадуется».

Послѣ этого Катя дѣйствительно забыла про сельскихъ дѣвушекъ, про пѣсни и пляски. Она не отходила ни на шагъ отъ Вани, а осленокъ сдѣлался ихъ общимъ любимцемъ. Всякій день Катя съ братомъ отправлялись на лугъ, гдѣ паслись ослята, собирали свѣжихъ цвѣтовъ, наряжали въ нихъ своего любимца, любовались имъ, ласкали и кормили. Осленку это очень нравилось, онъ привыкъ къ дѣтямъ, высматривалъ ихъ, когда наступало время ихъ прихода, самъ подходилъ къ нимъ и скучалъ, когда они долго не являлись. Но ослица всякій разъ въ это время смотрѣла подозрительно и угрюмо, и думала крѣпкую ослиную думу, какъ вы можете это видѣть на картинкѣ.

По англійскому оригиналу.

ЗАДАЧИ.

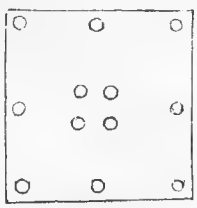
Нѣкто отдалъ въ наймы домъ четыремъ жильцамъ, занимавшимъ различные этажи. Домъ былъ окруженъ садомъ въ которомъ были неправильно разсажены десять деревьевъ. Хозяинъ хочетъ раздѣлить этотъ садъ такимъ образомъ, чтобы у каждаго жильца былъ свой участокъ; а для того чтобы жильцы не завидовали другъ другу, эти участки должны быть одинаковы; кромѣ того они должны быть распредѣлены такъ, чтобы каждый могъ проходить въ свой садъ не заходя въ садъ сосѣда.



Планъ дома и сада.

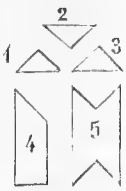
?

Данъ четыреугольный листъ картона, на которомъ вырѣзаны дырочки такъ, какъ показано на рисункѣ. Разрѣзать листъ на четыре равныя части такъ, чтобы въ каждой части было три дырочки, и чтобы при этомъ неразрѣзывать самихъ дырочекъ.



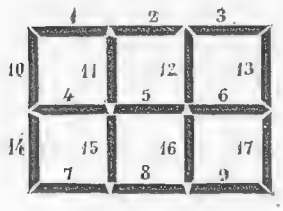
?

Сдѣлать крестъ изъ пяти кусковъ картона, вырѣзанныхъ такъ, какъ показано на рисункѣ съ правой стороны подъ цифрами 1, 2, 3, 4 и 5.



?

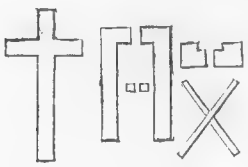
Вырѣжьте изъ картона семнадцать полосокъ одинаковой длины, или возьмите 17 спичекъ, составьте изъ нихъ шесть четыреугольниковъ, какъ показано на рисункѣ; нужно сдѣлать изъ этихъ шести четыреугольниковъ три, отбросивши только пять полосокъ.



?

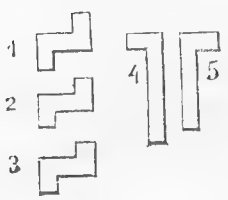
Дана деревянная дошечка съ отверстіями какія показаны на рисункѣ. Вырѣзать такой кусокъ дерева, чтобы онъ проходилъ черезъ всѣ отверстія совершенно закрывая ихъ. Стороны четыреугольника и треугольника равны поперечнику кружка.

?



Какъ сразу разрѣзать ножницами листъ бумаги такъ, чтобы получился крестъ и другія фигуры, показанныя на рисункѣ?

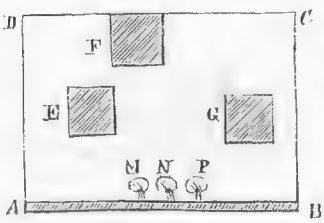
?



Составить крестъ изъ пяти картонныхъ кусковъ, форма которыхъ показана на рисункахъ съ лѣвой стороны.

?

Пусть AB представляетъ у насъ стѣну, около которой находятся три фонтана, M, N и P. Изъ этихъ фонтановъ берутъ воду жильцы трехъ сосѣднихъ домовъ, E, F, G: изъ фонтана M берутъ жильцы дома G, изъ N—жильцы F, изъ P—жильцы E. Какъ нужно ходить жильцамъ за водою, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ и не проходить позади стѣны?



1.

Выпущу птичекъ погулять! Только дверцы клѣтки трудно отворить.

Мурлычка спитъ.

2.

Ахъ! Дверцы отворились! Гдѣ же птички?

Мурлычка проснулась.

3.

Зачѣмъ она лѣтитъ въ окно? я хотѣла только согнать съ карниза пусть по комнатѣ полстаетъ!

Мурлычка не теряетъ времени.

4.

Бѣдныя птички!

Зачѣмъ я не дождалась мамы!